

А. ШТЕФАНЕСКУ



НЕ БЕГАЙ  
ОДИН  
ПОД ДОЖДЕМ





А. ШТЕФАНЕСКУ

# НЕ БЕГАЙ ОДИН ПОД ДОЖДЕМ

ПЕРЕВОД С РУМЫНСКОГО



ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

1961

AL. I. ȘTEFĂNESCU

Să nu  
fugi  
singur  
prin  
ploaie

BUCUREȘTI

1958

*Перевод Татьяны ИВАНОВОЙ*

*Художник Е. АРГУТИНСКИЙ*

## НЕСКОЛЬКО СЛОВ О СЕБЕ

Я родился в 1915 году на одной из бухарестских окраин и рос в бедной семье босоногим мальчишкой среди таких же босоногих ребят — детей рабочих. Стать писателем было тогда для меня невыполнимой мечтой. С большим трудом, пройдя через многие унижения, я получил образование и стал преподавателем румынского языка. После окончания войны, вернувшись с антигитлеровского фронта, я прибыл в новую страну, в которой можно было говорить и писать правду. С этого времени я стал пробовать свои силы, начал сотрудничать в коммунистическом еженедельнике «Контемпоранул» («Современник») как публицист и редактор. Тогда же я написал и первые свои рассказы. В 1949 году меня приняли в Союз писателей. Я оставил преподавание и перешел на издательскую работу. В 1955 году была напечатана моя повесть «Августовское солнце». В ней рассказывалось о вооруженном восстании в августе 1944 года, когда рабочая гвардия и воины-патриоты под руководством Румынской коммунистической партии изгнали гитлеровцев из Бухареста. В 1957 году вышел сборник «Человек с мачты», в который вошли рассказы, очерки, портреты, написанные мной в 1944—1947 годах.

В 1958 году я опубликовал свою первую пьесу «Наша повседневная честь», посвященную нашей интеллигенции. В этом же году была закончена и книга «Не бегай один под дождем».

Как я написал ее? Должен признаться, что один из эпизодов книги заимствован из очерка, опубликованного в 1956 году. Очерк рассказывал о гнусной эксплуатации мальчиков — продавцов бубликов и был написан мной под непосредственным влиянием автобиографической трилогии великого Горького. Речь идет о главе «Вечерний отчет». Естественно, что материал очерка при включении в книгу подвергся существенной обработке.

Мысль вернуться к этой теме и описать эксплуатацию подростков в буржуазно-помещичьей Румынии возникла в результате бесед с нашей современной молодежью.

Выросшие при народно-демократическом строе юноши и девушки с трудом представляют себе варварские полуколониальные условия, в которых протекала жизнь молодежи до Освобождения. Не имея возможности сравнить настоящее с прошлым,

они порой не могут по достоинству оценить истинное значение свободы мысли, образования и обеспеченного труда, оценить все преимущества социалистического строя, построенного ценой стольких жертв и неустанного труда рабочего класса.

Я решил рассказать о торговце Ликэ Постолаке и о том, как гнусно и безжалостно эксплуатировал он маленьких продавцов бубликов. Крах торговца был обусловлен новыми социальными условиями, но в немалой мере его ускорил и бунт продавцов бубликов, обретающих свое человеческое достоинство и начинающих борьбу с ненавистным хозяином. Крушение «крепости» Постолаке символизирует крушение уродливого строя румынской буржуазии и помещиков под мощными ударами революции.

Работая над книгой, я старался избегать натуралистической описательности и дидактизма, избрал быстрый ритм «исторического настоящего», коротких глав, технику кинематографического показа. Я делал все возможное, чтобы эта книга читалась легко и была доступна не только взрослым, но молодежи и детям.

В этом году трудящиеся моей родины под знаменем Румынской рабочей партии перешли к завершению строительства социализма. Их мысли обращены к великому Советскому Союзу, который открыл человечеству путь воплощения в действительность самых смелых мечтаний.

Надеюсь, что чтение этой книги хоть в самой малой мере обогатит представления советского читателя о недавнем прошлом Румынии, о современной жизни и о стремлениях братского румынского народа.

Сегодня для писателя любой страны нет большего удовлетворения и более ответственного испытания, чем быть переведенным на русский язык.

Советские читатели — самые чуткие и взыскательные судьи, и я очень волнуюсь, ожидая их отклика на мою книгу.

*Ал. И. Штефанеску*

Бухарест, июль 1960 года



## Экспедиция

### 1

По глинистой обочине разбитой проселочной дороги, покрытой лужами, устало бредут двое с мешками за спиной. Они не обращают внимания на тонкую пелену осеннего дождя. Они идут ровным шагом, опустив головы, согнувшись словно под ярмом. Опинки \* их погружаются в мягкую землю и оставляют на ней глубокие следы. И одеждой, и усталой походкой, и спинами, согнутыми под тяжестью ноши, путники так походят друг на друга, что лишь спустя некоторое время можно признать в идущем впереди мужчину, а в следующем за ним — женщину.

Вдруг мужчина останавливается, поворачивает голову. Из-под облезлой, надвинутой на глаза кэчулы \*\* сверкает беспокойный, измученный взгляд. Остановилась и женщина. Они не снимают ношу со спины: мешок покажется потом еще тяжелее, и нелегко бу-

---

\* О п и н к и — крестьянская обувь из сыромятной кожи. (Здесь и далее примечания переводчика.)

\*\* К э ч у л а — остроконечная меховая шапка, какую носят румынские крестьяне.



дет снова взвалить его на плечи. Они стоят молча, неподвижно, точно причудливые верстовые знаки, внезапно выросшие у края дороги. Лишь раз мужчина проводит свободной рукой по синим губам, едва приметным на его небритом лице.

Они оглядываются назад. По шоссе медленно приближается старый дребезжащий грузовик. Машина тяжело подпрыгивает на ухабах, разбрасывая вокруг фонтаны грязной воды. Метрах в десяти грузовик хрипло сигналист. Мужчина поднимает правую руку, делая знак, чтобы их взяли. На мгновение сквозь запотевшее мокрое стекло мелькает голова шофера. Лицо у него большое, неподвижное, руки лежат на черной высокой баранке руля. Когда грузовик подъезжает к путникам, заднее колесо его начинает буксовать, и машину слегка заносит. Лицо шофера резко перекашивается. Черная жижа обдаёт стоящих на дороге.

Грузовик проезжает мимо.

Над кузовом, серые борта которого надставлены досками, натянут старый брезент, небрежно укрепленный железной проволокой. Наверху, на брезенте, накрыв голову мешком, сидит человек.

Мужчина и женщина глядят вслед грузовику; вспыхнувший было в их глазах огонек надежды быстро угасает.

Не остановился!

На их почерневшей от дождя одежде, на мешках и даже на бровях висят темные капли. Не стирая их, мужчина мрачно смотрит вслед машине; женщина шепчет проклятия в черный платок, который закрывает ей рот. Человек с мешком на голове, сидящий наверху, не подает виду, что заметил их. Грузовик исчезает вдали.

Путники вскидывают мешки повыше и трогаются с места. Из-под их неестественно больших опилок хлюпает вода.

Позади — пустая разбитая дорога, широкая, бесконечная лента, поблескивающая лужами, зажатая между черными просторами земли.

По переднему стеклу кабины струится вода. «Дворник» давно не работает. У шофера две тряпки: одной, что посуше, он протирает стекло изнутри, другой — мокрой — вытирает его снаружи, высовывая руку в окно. Почти ничего не видно. У радиатора нет пробки, и пар, несмотря на ветер, назойливо виснет над мотором. Шофер мрачен, заскорузлая шапка нахлобучена на глаза. Из-под грязного пиджака торчит широкий ворот толстого выцветшего свитера. Под глазами, сузившимися от напряжения, темные круги; нос и рот очерчены на большом небритом лице грубыми линиями. Он зорко смотрит вперед, должно быть, пытается разгадать скрытые под грязью причуды этой скверной, вероломной дороги.

Рядом сидит еще кто-то. Видимо, пассажир. Это мужчина сорока с лишним лет, ниже и тщедушнее шофера. Он дремлет, надвинув шляпу на нос. На нем старое пальто с воротником из овчины. Шея закутана кашне из тонкой рыжеватой шерсти. Руки в серых шерстяных перчатках скрещены на животе. Продолговатое лицо с усиками мотается из стороны в сторону.

Грузовик здорово трясет, но шофер не обращает на это никакого внимания. Его сверлящий взгляд злобно отыскивает дорогу, непрерывно исчезающую под капотом машины. Пассажир дремлет и вздрагивает во сне. Он качается между дверцей и плечом шофера. И всякий раз, когда он толкает шофера, тот бросает на него быстрый недружелюбный взгляд.

Теперь шофер ведет машину одной левой рукой и, кажется, даже помогает грудью, которой налег на руль. Правая рука скользнула в отвисший карман пиджака и извлекла оттуда измятую пачку «Плугаря», грязные пальцы с большими черными ногтями вытаскивают из пачки сигарету и подносят к толстым губам. Потом пальцы разжимаются, и пустой пакет падает на пол. Правая рука снова тянется к карману и на этот раз вытаскивает коробку спичек. Пока шофер закуривает, наклонившись над рулем и пустив

в ход губы, грудь и пальцы правой руки, приходится резко повернуть руль, чтобы объехать выбоину. Но это ему не удастся. Толчок подбрасывает пассажира, и тот просыпается. Открыв глаза, он озирается, стараясь понять, что произошло. Потом жалуется тонким голосом, в котором, однако, чувствуется привычка приказывать:

— Черт подери, Миелу! Ты что, в канаву нас решил вывернуть?

Миелу молчит. Только выпускает большой клуб удушливого дыма. Пассажир явно недоволен. Он смотрит на шофера с раздражением и некоторой опаской. В конце концов он в руках Миелу, ведь только Миелу может справиться с капризами этого тархтящего рыдвана.

— Мало того, что бензином воняет! Еще ты отравляешь воздух. Голова разболится!.. — продолжает хныкать пассажир.

Миелу отвечает ворчливо, не вынимая изо рта сигареты, не поворачиваясь. Взгляд его прикован к дороге, грудь почти лежит на руле.

— Посмотрел бы я, каким бы ты был, дядюшка Ликэ, после десяти часов за баранкой...

Тот, кого называли Ликэ, будто не слышит и, помолчав, спрашивает скучающим голосом:

— Еще далеко?

В ответ Миелу лишь мотнул головой вправо.

Ликэ, скосив глаза, смотрит сквозь грязное стекло.

Мимо медленно проплывает дорожный знак: «Бурдушешты, 2 км».

### 3

Лиана, вдова Боатэ, прижимаясь к заборам, пробирается по одной из трех улиц Бурдушештов. Она бросает украдкой быстрые и мрачные взгляды на чужие дворы. Улица пустынна. Кому охота мокнуть под этим нескончаемым мелким дождем! Хотя женщина выбирает, куда поставить свои босые ноги, жидкая грязь сочится у нее между пальцами. Из ее дырявого кожуха торчат пучки грязной шерсти. Добравшись до ворот, что подобротнее, она нагибается, поднимает

камень и принимается стучать. Во дворе три собаки, выскочившие неизвестно откуда, заливаются лаем. Лина смотрит через забор на хозяйство Гедеона.

Ждет. И молчит.

Голова Лины замотана в темный муслиновый платок. Черное загорелое лицо закрыто, торчит только острый нос.

Она стоит под свинцовым небом и ждет.

Наконец из дома кто-то выходит. Сквозь тьякване псов слышно, как хлупает земля под тяжелыми шагами Гедеона. На ногах у Гедеона ботинки и черные гетры. Он лениво идет к воротам, не отвечая на приветствие Лины. Собаки лают еще пронзительнее и с испугом глядят на приближающегося хозяина. Гедеон ступает тяжело, не спеша. Уже у забора он молча ударяет одного из псов ногой. Собака сгибается в дугу и, жалобно повизгивая, исчезает в глубине двора, увлекая за собой двух других, неожиданно притихших.

Гедеон разговаривает с Линой через низкий забор, не приглашая ее войти во двор.

— Ну, чего там? — ворчит он с видом человека, обремененного тысячью забот.

— Я... Дети у меня с голоду помирают, — бормочет Лина. — Сварить нечего. Мне бы кукурузной муки... Летом отработаем.

Гедеон таращит большие телячьи глаза. Он смотрит на Лину и не видит ее. О чем он думает?

— Вот ей-богу, дядя Гедеон! Уж не оставьте меня! — молит женщина, пытаясь определить по лицу собеседника, слышал ли он, что она сказала.

Проходит еще несколько долгих мгновений, пока Гедеон решается проникнуть в смысл сказанных слов. Он отвечает отрывисто, равнодушно, как покупатель, которому не нравится товар:

— На что мне ваша работа?

Лина смотрит на него с плохо скрываемым отчаянием. Платок съехал ей на лоб. Острый нос непрерывно движется: кажется, будто говорит он, а не рот со сморщенными губами.

Лина умоляет. Плачет. Обещает. Клянется. Она замолкает лишь тогда, когда Гедеон сдвигает шапку на затылок и, задумчиво почесывая за ухом, произносит:

— Я бы наскреб для тебя кое-чего, да ведь чертовски дорогая теперь мука.

— Горюшко мое горькое, а у меня гроша ломаного нет! — причитает Лина.

— Не про деньги речь... — презрительно бормочет Гедеон.

— А про что? — в глазах у женщины вспыхивает надежда.

— Земля, — произносит Гедеон. — У тебя есть земля. За один погон\* можешь взять целых два мешка, — добавляет он невозмутимо.

— Земля... — как эхо, повторяет Лина.

— Угу, — откликается Гедеон.

И снова смотрит куда-то в сторону, через голову Лины, как человек, обремененный тысячью забот.

Несколько секунд длится молчание.

Лина, которая до сих пор стояла сгорбившись, едва держась на тонких черных ногах, теперь впиивается широкими ступнями в мягкую сырую землю. Кажется, будто она хочет выпрямиться.

Гедеон продолжает смотреть поверх ее головы своими ласковыми телячьими глазами.

Крик женщины заставляет его удивленно повернуться к ней.

— Чтоб тебе подавиться землей! — пронзительно выкрикивает Лина и, натянув черный платок на рот, стремительно убегает.

Появившиеся как из-под земли собаки снова поднимают бешеный лай.

Гедеон смотрит вслед черной, торопливо удаляющейся по грязи фигуре.

Он задыхается от ярости:

— Голь перекатная!

Наклонившись, Гедеон поднимает камень и швыряет в Лину.

---

\* Погон — мера площади, равная 5012 квадратных метров.

— Большевичка! — кричит он.

Лина не слышит.

Жирный воробей в испуге взлетает с забора.

#### 4

Лина уже далеко. Она больше не выбирает дорогу, машинально шлепая по грязи посреди улицы. Дворы, мимо которых она проходит, по большей части не огорожены. Лина идет, глядя в землю, будто что-то ищет. У нее бьется сердце, она тяжело дышит. Через некоторое время, успокоившись, она замедляет шаги и снова отыскивает обочину, где не так грязно. Лина поднимает голову. Небо свинцовое, и лицо ее такое же темное от загара. Проходя мимо белой акации, она тупо глядит на еще зеленую листву, висящую так низко, что ее можно достать рукой. Потом останавливается, срывает несколько листьев, мнет их грубыми мозолистыми пальцами, нюхает и кладет в рот. Некоторое время она жует листья, задумчиво двигаясь дальше: есть у них вкус или нет? Так и не разобравшись, Лина растерянно смотрит вдоль улицы. Неподалеку от нее появились два тяжело нагруженных путника. Впереди — мужчина, за ним — женщина. Лина узнает их, здоровается, но глаза ее прикованы к мешкам.

— Что это у вас?

— Да так, кой-чего. Картошка и кукурузной муки малость, — отвечает женщина. От тяжести, которую она несет за спиной, голос у нее стал хриплым.

— Сколько отдали? — с жадностью спрашивает Лина.

— Эх, жизнь наша горемычная! — уклоняется от ответа собеседница.

Путники готовы двинуться дальше.

— А я у Гедена была, — начинает Лина, чтобы задержать их. — Он земли хочет! — говорит она гневно.

Потом внезапно умолкает.

Молчат и путники.

— Тетя Мария, листья белой акации варить можно? — Лина говорит торопливо, глядя перед собой пустыми глазами.

Старуха остановилась.

— Варить?

Остановился и мужчина: он недоволен.

Лина смотрит то на одного, то на другого как помешанная.

Тетушка Мария бросает взгляд на мужа, потом неожиданно легким движением сбрасывает со спины мешок и наклоняется к нему.

— Держи подол! — говорит она.

Лина подходит и поднимает подол. Дрожащими руками тетушка Мария насыпает ей в подол две пригоршни сырой кукурузной муки. Мужчина мрачно наблюдает. Он тоже скинул со спины мешок. Тетушка Мария роется и в его мешке. Озабоченно, как будто с сожалением, она берет немного картошки и бросает ее на кукурузную муку.

Лина, словно оцепенев, продолжает держать подол. Она очень бледна и тяжело дышит. На муку и картошку падают капли дождя. И по сожженному солнцем лицу женщины также катятся капли. Возможно, тоже дождевые.

— Да поможет вам пресвятая богородица! — шепчет она наконец.

## 5

Далеко, в конце дороги, по которой идет Лина, у околицы стоит одинокий дом, вернее лачуга. Крыша из камыша, как большая и тяжелая шапка, надвинута на единственный глаз — окошечко, затянутое свиным пузырем, заменяющим стекло. Около лачуги — два деревца, низкорослые, кривые, чурбан, яма, на дне которой следы золы, говорящие о том, что здесь живут или жили люди. Пес, худой как скелет, лежит, свернувшись клубком, у завалинки. Когда дверь, скрипя, открывается, он только мигает одним глазом. Выходит девушка лет пятнадцати. Она делает несколько шагов и, приложив руку козырьком к глазам, долго смотрит в сторону деревни. Дверь за ней осталась откры-

той. На пороге появляется подросток. На нем только рубашка и штаны. Светло-каштановые волосы всклокочены. На лице с тонкой и грязной кожей светятся большие грустные карие глаза. Мальчик устраивается у стены с истрепанной книжкой в руках. Это «Книга для чтения». Усевшись на корточки, он как будто собирается читать, но на самом деле лишь поспешно перелистывает книгу, словно знает ее наизусть. Девушка оборачивается к открытой двери.

— Мамка идет, — говорит она, ни к кому не обращаясь.

Она хочет войти в дом и лишь тогда замечает мальчика.

— Марин, чтоб тебе провалиться с твоей книгой! Пошел в избу!

Марин испуганно вздрагивает. В дверях девушка дает ему подзатыльник. Марин сносит молча.

В лачуге почти совсем темно. В полумраке виднеется очаг с чугунным котелком. В углу — лавка с грудой тряпья, в другом — странное существо, которое оказывается козой. Вокруг козы вертятся два полуголых малыша. Тот, что поменьше, ревет и трет глаза. Слезы проложили розовые полосы на его грязном лице. Другой лежит на спине под козой и, вцепившись ей в заднюю ногу, старается поймать губами вымя. Коза мечется, лягается, но мальчик продолжает за нее цепляться.

— Оставь козу! — кричит девушка и ударяет мальчика ногой. Тот молча отползает к малышу, который продолжает хныкать. Девушка наливает деревянным ковшом воду в котелок. Потом разгребает золу в очаге, словно собираясь разжечь огонь.

— Она чего-нибудь принесла? — спрашивает Марин, и глаза его блещут.

— Чтоб вы сдохли!.. — бормочет девушка, не обращившись, и продолжает копаться в золе.

Через некоторое время дверь отворяется, и входит Лина. Не обращая ни на кого внимания, она вынимает из подола две картофелины и кладет их в глиняную миску вместе с пригоршней кукурузной



муки. Остальное Лина сыпает в котомку, подвешенную высоко к балке, чтобы не достали дети.

— Кто тебе дал? — интересуется Марин.

— Помолчи, щенок! — обрывает его женщина.

Огонь разгорается. Непонятно, как сумела раздуть его Флоаря. Трое детей блестящими глазами следят за приготовлениями: это для них настоящее священнодействие.

Через четверть часа снаружи доносится крик:

— Лина-а! Эй, Лина!

Лина приоткрывает дверь. Входит старая тетка Василика. Они долго шепчутся. Старуха хочет в чем-то убедить Лину. Та сомневается. Время от времени кто-нибудь из ребят подкрадывается к ним, пытаясь подслушать разговор, и тогда мать награждает его шлепком. Наконец Лина берет с лавки кожух и уходит вместе со старухой.

— Что она сказала ей, сестрица? — с любопытством спрашивает Марин.

— Сказала, что испечет тебе бубликов, — сердито отвечает Флоаря.

Она тоже не поняла, о чем шла речь.

## 6

Корчма у дядюшки Пыкэ в Бурдушештах неказистая, но двор при ней большой, да и расположена она у главной дороги, на «шоссе». Вот и сейчас ворота распахнуты, а во дворе, как всегда, стоит грузовик — у дядюшки Пыкэ клиенты из города.

Пыкэ торгует всем и ничем. Если посмотреть на полки в низкой и темной комнате (ставни здесь открыты лишь наполовину), почти ничего не увидишь. Наверху, под самым потолком, ряд пустых бутылок, завернутых в розовую или голубую бумагу. Можно поклясться, что это бутылки из-под постного масла, так просалена выцветшая, мятая и пыльная бумага. На других полках по углам лежат свечи, несколько пакетов махорки и — пыль, много пыли, скопившейся за долгие месяцы. Очевидно, лавка существует

только для виду, а на самом деле Пыкэ занимается другими делами, которые больше ему по душе: работает в поле, а может, и укрывает воров.

Дело в том, что Пыкэ — человек предусмотрительный. Времена сейчас трудные, ох, и трудные, в особенности для торговцев, размышляет он. В эту позднюю и беспокойную осень сорок четвертого товаров нет, не знаешь, кто и зачем заходит в твою лавку, а война словно и не кончалась: ты сталкиваешься с нею и с ее последствиями на каждом шагу. Так что пусть лучше люди жалеют тебя, чем завидуют.

Пыкэ одет почти по-крестьянски. Только по ситцевой в серую полоску рубаше без воротника да по лысине, просвечивающей сквозь редкие волосы, можно отличить его от ежедневных клиентов. Вот он с таинственным видом лезет под прилавок, вытаскивает оттуда штоф и осторожно наполняет стоящие перед ним стопки. Как это ни странно (время еще совсем раннее — нет и двенадцати часов), лавка полна так, что негде яблоку упасть. За четырьмя некрашеными, отполированными временем грязными столами и на скамейках у окон — множество народу: мужики и бабы из деревни, за столом в углу — два советских солдата, а за другим, посредине комнаты, пьют и едят из собственных запасов шофер Миелу и еще какой-то человек, должно быть тот, что сидел на брезенте с мешком на голове. Под потолком плавают густой удушливый дым, а где-то в углу то поднимается, то снова затихает неясный гул голосов. Большинство посетителей пристально смотрят на стоящие перед ними стопки, а те, у кого их нет, — на дверь в глубине комнаты, за которой, кажется, происходит что-то необыкновенное, потому что сам Пыкэ нет-нет да и поглядит туда с любопытством.

Дверной колокольчик коротко и робко звякает. На пороге появляется Лина, ее тащит за руку тетка Василика. Старуха направляется к прилавку и шушукается с Пыкэ. Тот рассеянно слушает ее. Когда старуха показывает глазами на Лину, Пыкэ ограни-

чивается кивком, означающим: «Ну ладно!» Старуха возвращается к Лине, и они стоят, озираясь по сторонам, в ожидании чего-то. Люди молча поглядывают на женщин. Впрочем, так же молча и подозрительно смотрят они друг на друга.

Вдруг наступает гробовая тишина, среди которой лишь приглушенно звучат голоса советских солдат. Из двери в глубине комнаты выходит мрачного вида крестьянин, и все с жадным любопытством смотрят на него. Не обращая внимания на тишину, крестьянин подходит к прилавку и делает знак Пыкэ. На вопросительный взгляд корчмаря он тоже отвечает знаком: кивает головой и прикрывает глаза — мол, не беспокойся, в долгу не останусь! Два-три человека поднялись с мест и нетвердыми шагами двинулись к нему. Они окружают его и шепчутся.

— Кто следующий? — рявкает вдруг человек, сидящий рядом с Миелу.

Крестьянин, ожидающий у таинственной двери в глубине комнаты, вздрагивает, встает, долго в нерешительности смотрит на дверь, потом на людей у прилавка. И, заколебавшись, снова садится на место.

— Подожду-ка еще немножко, — бормочет он себе под нос.

— Вот эта женщина, — говорит Пыкэ человеку, сидящему рядом с Миелу. При этих словах половина посетителей корчмы поворачивается к Лине. Она от стыда готова сквозь землю провалиться. Старуха подталкивает ее. Наконец Лина исчезает за дверь в глубине комнаты.

## 7

После полудня около грузовика вертятся Ликэ, Миелу, человек, ехавший в кузове, и несколько крестьян. Жена Пыкэ, проходя мимо, остановилась, чтоб посмотреть, как грузят на машину телянка. Приходится приналечь всем. Испуганный теленок подчиняется лишь под градом жестоких ударов и смотрит вокруг большими печальными глазами. На-

верху ему накрепко связывают ноги. Кузов с откинутым на три четверти и завернутым кверху тентом до отказа набит мешками с картофелем и капустой, кадками брынзы, курами и утками, многие из которых, возможно, уже сдохли. Здесь же — свиная туша, разделанная на две половины; на белой кайме сала темнеют пятна грязи и черные сгустки крови.

Ликэ стоит внизу и потирает руки. Возможно, от холода, а может быть, и от радости, что удачно обделал какое-то дельце. Когда, наконец, теленок водружен, Ликэ кричит:

— Тэнасе! Сбрось два мешка! Вон, в глубине, справа!

Тэнасе выполняет приказание. Он подтягивает мешки к краю кузова, а крестьянин, помогавший грузить теленка, подхватывает их внизу. Получив мешки, крестьянин приподнимает их, закрывая при этом то один, то другой глаз, скребет затылок, утирает нос.

Ликэ занят разговором с другим клиентом, притащившим двух овец.

Крестьянин с мешками в нерешительности смотрит на Ликэ. Поразмыслив, он направляется к нему.

— Слышь-ка, разве такой был уговор? — недовольно бормочет он, показывая на мешки. — Здесь и половины не будет.

— Это все. Ничего не могу поделать. Следующий! — спешит закончить разговор Ликэ и оборачивается к крестьянину с овцами.

Но мужик не отстает от него:

— Господин Ликэ...

— Отвяжись! Не видишь, я занят! — снова огрызается Ликэ.

Человек с мешками сердито хмурится и кладет ему руку на плечо. Ликэ испуганно вырывается. И, как нашкодивший мальчишка, который, почувствовав опасность, зовет на помощь старших братьев, кричит:

— Миелу! Тэнасе-е! Где вы там? Идите сюда!

Из-за грузовика показывается огромная фигура Миелу. Он угрожающе размахивает длинной пусковой рукояткой от грузовика и, обращаясь к мужику с мешками, который смотрит на него с ненавистью, рывкает:

— Пошел отсюда! Недоволен — найдутся другие!

Тем временем Ликэ осматривает овец. Он раскрывает им рты, щупает животы, дергает за хвост и, наконец, подает знак Тэнасе, что можно грузить их в кузов.

Мужик с мешками молча и беспомощно оглядывается по сторонам, потом сердито подзывает жену:

— Бери мешок!

Маленькая женщина подходит раскачивающейся походкой и послушно вскидывает на спину мешок. Муж берет другой. Двигается он значительно медленнее жены: трудно заставить себя уйти.

— Грабеж! — говорит он сквозь зубы.

Ликэ услышал. Он чувствует себя победителем и поэтому решает разыграть сцену оскорбленного достоинства.

— Что за грабеж? Какой грабеж? — пронзительно кричит он. — Не нравится — возьми назад свою дохлятину!

Мужик обиженно слушает, смотрит на Тэнасе, который приостановил работу, готовый защитить хозяина, и, наконец, ожесточенно плюнув, уходит, вслед за ним шагает жена. Ликэ прикрикивает на Тэнасе:

— Давай сюда мешки!

После часа таких торгов Миелу вывел грузовик на улицу. Он возится с машиной, постукивает по ней, осматривает, проверяет. Тэнасе работает в кузове, укладывая товар, живой и неодушевленный. Ликэ, одетый в черное пальто, разговаривает с корчмарем.

Снизу по улице приближаются Лина с Марином. Мальчик похож на огородное пугало. На нем огромная, выгоревшая от солнца шляпа, которая то и дело сползает ему на нос. Чтобы шляпа не мешала смотреть, мальчику приходится откидывать назад голову. Толстая темная куртка с оттопыренными кар-

манами висит мешком. Рукава куртки засучены, и ржавого цвета подкладка образует нечто вроде манжет, из которых выглядывают посиневшие тонкие руки. Штаны, такие же выцветшие, скроены под сапоги. Большая заплата сзади придает им плачевный вид. Из-под обмахрившихся штанов торчат босые желтые ноги. Марин едва идет. В руках у него небольшая котомка. Лина сердито подталкивает сына сзади, как упирающуюся козу. На лице мальчика, заплаканном и печальном, при виде грузовика загорается любопытство.

Ликэ, наконец, заметил их. Его костлявое лицо с тонкими губами расплылось в улыбке, обнажившей зубы; глаза окаймились морщинами, сузились. Приятный на вид, хоть и смахивает на лошадь.

— Вы только посмотрите! Леший! — тут же окрестил он Марина, который уставился на него большими испуганными и удивленными глазами.

Но веселье Ликэ длится недолго. Лицо его вдруг скривилось.

— Босой? Не возьму! — сердится он.

В глазах у Лины сверкает затаенная злоба.

— Возьмите его, господин Ликэ! Сделайте милость, возьмите! Где же мне достать ботинки? У самой нету! — И она показывает на большие изуродованные подагрой ноги. — Возьмите, он к холоду приучен, вот ей-богу!

Ликэ смягчился. И снова улыбнулся, показав лошадиные зубы. Ему, кажется, понравилось потешаться над наружностью ребенка.

— Эй, леший, как тебя зовут?

Марин еще сильнее откинул голову, чтобы разглядеть этого городского человека. При виде улыбки Ликэ страх его наполовину рассеялся. Он в замешательстве: не знает, что ответить.

— Да скажи же, как тебя зовут, — сердится на него Лина. Затем, обращаясь к Ликэ, добавляет: — Он тихий, как девочка, господин Ликэ.

— Марин, сын Боатэ, — произносит, наконец, мальчик.

— Боатэ Марин? — с презрением повторяет Ли-

кэ, — Леший, вот как тебя зовут! — снова острит он, но мысли его уже заняты другим.

С грузовика за ними наблюдает Тэнасе. Он бросает окурок и сплевывает. Встретившись с Тэнасе взглядом, Ликэ вдруг приказывает:

— Марш в машину!

Марин не уверен, что слова относятся к нему, и в испуге поворачивается к матери.

Лина не обращает на него внимания. Она утирает рукой рот и благодарит Ликэ. Теперь она успокоилась. Значит, Ликэ все-таки берет мальчишку!

— Да поможет тебе бог, господин Ликэ! И тебе и твоим детям. Он у меня смысленый и тихий, — расхваливает она сына и, обернувшись к Марину, встречается, наконец, глазами с его чистым взглядом. — Ступай, дитяtko, ступай, — подталкивает она его.

Мальчик колеблется. Лина продолжает подталкивать его мягко, но неумолимо. Марин протягивает руки, чтобы забраться в кузов, но в это время Тэнасе нагибается, хватая его за свободную от ноши руку и втягивает в кузов, едва не вывихнув ему плечо. Grimаса боли скоро исчезает с лица ребенка. Он жмется к заднему борту кузова. Его тонкие обветренные губы начинают чуть заметно дрожать,

Миелу подходит к Ликэ, что-то шепчет ему; тот вздрагивает и сердится.

— А мне-то какое дело? У меня удостоверение есть! — Ликэ ударяет себя по груди, как раз по тому месту, где находится внутренний карман пальто.

— Надо смываться! — добавляет Миелу уже громче и, подойдя к радиатору, принимается мрачно крутить рукоятку.

Мотор неожиданно затарахтел, машина начинает мелко дрожать.

Не обращая внимания на Лину, которая следит за ним и продолжает рассыпаться в благодарностях, Ликэ влезает в кабину.

Марин, вцепившись маленькими пальцами в борт машины, бросает прощальные взгляды на деревню. Невдалеке он замечает бегущую к ним Флоарю.

— Мамка! Мамка! — кричит Марин. — Флоаря идет!

Грузовик тарыхтит все громче и тяжело сдвигается с места.

Марин принимается плакать. Ему не видно Лины: она стоит впереди, у кабины. И он снова кричит ей:

— Мамка! Мамка!

Машина отъезжает. На дороге остается Лина. Она смотрит назад, на Флоарю.

Рядом с Марином появляется голова теленка с большими печальными глазами. Мальчик и теленок удаляются все быстрее. Тэнасе устроился в глубине кузова, на брезенте, и издалека кажется, будто он сидит у них на головах.

— Мамка! Мамка! — кричит Марин.

Лина застыла посреди дороги, крестится.

Наконец подбежала Флоаря, обхватила мать за плечи, трясет. Марин не может расслышать, о чем они говорят. Да Лина и сама не понимает.

Так и остаются они посреди улицы, уцепившись друг за друга, почти обнявшись.

## 8

Ночь. Грузовик Миелу медленно движется по дороге, такой же скверной, как та, что ведет в Бурдусшесты. Замаскированные фары освещают всего лишь несколько метров дороги. Под покровом ночи ямы и лужи вероломно и грозно подкрадываются к тяжелой машине, и она дребезжит и скрежещет всеми сочленениями.

Остановились всего в трех метрах от шлагбаума, возникшего совершенно внезапно, хоть на нем и висел подслеповатый фонарь. У окна кабины, с той стороны, где сидит Миелу, показывается фуражка и ствол винтовки. Ликэ сонно протирает глаза. Миелу роется в ящике на щитке, извлекает засаленную полотняную книжечку и протягивает ее жандарму. Жандарм рассматривает удостоверение при свете фонаря.

— Что у вас там? — бормочет он, подняв глаза и указывая на кузов машины.



Тем временем Ликэ извлек из кармана пальто бумагу и передал ее Миелу, а тот протягивает ее жандарму.

— Продукты. У нас есть разрешение.

Бумага явно не радует жандарма. Он с трудом разворачивает ее, едва не рвет и читает по слогам: «Пос-то-ла-ке». Потом, не говоря ни слова, он идет к кузову. Ликэ и Миелу украдкой переглядываются, шофер вылезает из машины и направляется следом за жандармом. В руках у него рукоятка. Свет фонаря скользит по кузову грузовика. Приподнимается угол брезента, и показывается Тэнасе; при слабом свете фонаря он кажется очень бледным.

— Тэнасе! Отвяжи-ка! — командует Миелу.

Луч света от карманного фонарика проникает под брезент, который Тэнасе подпирает спиной. Как по волшебству содержимое грузовика постепенно оживает: мешок, кадка, голова теленка, овца, Марин. Мальчик спит, пригравшись около теленка и положив голову ему на брюхо. Он не просыпается. Ослепленный тенок смотрит большими влажными глазами.

— А это кто? — еще более недовольно ворчит жандарм.

— Сын его, — отвечает Миелу, указывая на Тэнасе, который покорно кивает своей большой головой.

Обогнув машину, жандарм подходит к кабине со стороны, где сидит Ликэ. Тот открывает дверцу.

— Вы Постолаке? — хриплым голосом недоверчиво спрашивает жандарм, вертя в руках бумагу.

— Я! — говорит Ликэ и протягивает руку за бумагой.

В ладони у него скомкана кредитка. Жандарм производит обмен бумажками с тем же недовольным видом. Он берет взятку так, как будто имеет на это полное право, и растворяется в темноте.

Впереди, у радиатора, Миелу, обливаясь потом, заводит мотор. Потом он поднимается в кабину и захлопывает дверцу.

— Э-хе-хе, дорого мне обошлась эта бумажонка! — ухмыляясь, шепчет Ликэ.

Миелу не отвечает. Его большое лицо сосредото-

ченно, он, не отрываясь, смотрит на шоссе, которое непрерывно скользит навстречу грузовику, темное и враждебное. Ликэ прячет бумагу обратно в карман, скрещивает руки на животе и собирается еще вздремнуть.

На следующее утро Марин просыпается с трудом. Воздух под брезентом тяжелый, спертый. Марину не сразу удастся сообразить, где он. В их лачуге в Бурдушештах было не светлее, а от козы и кур вонь стояла такая же. Белые стрелы дневного света проникают сквозь дыры в брезенте, и Марин постепенно вспоминает обо всем. Кости у него болят, ведь большую часть ночи он не мог уснуть от страха и толчков. Мальчик замечает, что теперь машина стоит на месте. Возможно, поэтому он и спал лучше под утро. Марин протискивается между двумя овцами и высывает взъерошенную голову из-под брезента.

День чудесный, светит неяркое осеннее солнце. Они в деревне, но это не Бурдушешты и не Коропчены, а совсем незнакомое Марину место. Мальчик озирается по сторонам, голова его затуманена сном и грустью. Машина стоит посреди улицы; вокруг маленькие домики. Напротив — корчма. За одним из столиков у входа сидит господин Ликэ и торгуется с какими-то крестьянами. На столе — стаканы с цуйкой, тарелка, несколько кусков черного хлеба. Только теперь Марин чувствует, что у него сосет под ложечкой.

Он с тоской смотрит на колодец у корчмы, на торгующихся людей, на тарелку с хлебом. Он бы слез, да не знает, можно ли. Пока Марин раздумывает, не прыгнуть ли на землю, оглушительный грохот заставляет его в испуге присесть на корточки. В таком состоянии и находит его Тэнасе, который с нарочитым грохотом отбросил задний борт грузовика.

— Продрал глаза? — спрашивает он вместо приветствия. — Тьфу! Что за свинство!

Марин оборачивается и понимает, в чем дело: на полу полно навоза, овечьего и куриного помета. Из свиной туши течет синеватая жидкость.

— А ну, поднимайся и убирай! Да напои ско-

тину, если хочешь, чтобы тебя самого накормили, — командует Тэнасе, указывая на животных, которые стоят, понутив головы.

Марин поднялся. В отцовской одежке он выглядит смешным и жалким. Мальчик не знает, с чего начать, и вместе с тем боится Тэнасе. Чем убирать? В конце концов он босой ногой сгребает навоз к краю кузова и сбрасывает на дорогу. Заметив в углу сплющенное ведро, Марин берет его, прыгивает на землю и идет за водой, путаясь в длинных штанах. У колодца он наклоняется и заворачивает их до колен.

Марин вертит колесо колодца. Неподалеку стоит старик крестьянин и высокий, очень худенький мальчик. Мальчик волочит одну ногу, он хромой. Марин с любопытством смотрит на мальчика, но не решается заговорить.

Когда Марин возвращается на грузовик, Тэнасе швыряет ему комок синеватой, покрывшейся коркой мамалыги.

## 9

Из деревни выбрались только в полдень, и Марин оцепенел от удивления, когда увидел, что худенький мальчик, которого он заметил у колодца, влез в кузов и поехал вместе с ними. Первое время ребята молчали. Смерив друг друга взглядом, они расселись по углам. Но тряска и опасение, что теленок или овцы могут отдавить им ноги, сблизили ребят. Теперь мальчики — словно давние друзья. Они беседуют, устроившись так, чтобы видеть дорогу, которая бесконечной лентой убегает вдаль. Тэнасе наверху, на брезенте, по-прежнему смотрит в пустоту.

— Енаке, а кто такой господин Ликэ?

— Торговец из Бухареста, богатый, — важно отвечает Енаке.

Марин смотрит на него с некоторой завистью: у Енаке есть не только кэчула, но и кожух, хоть и залатанный. Правда, хромая нога Енаке, обутая в большую опинку странной формы, заставляет Марина чувствовать себя более сильным.

— Я буду барышником, — убежденно заявляет

Енаке. Глаза его неестественно блестят. Они почти черные, лихорадочные, запавшие — глаза больного.

— А я... механиком, — застенчиво делится Марин своей мечтой. — У нас дядя Янку — механик. Он целый день на мельнице. Ты сколько классов кончил?

— Один.

— А я два.

— У нас школа далеко, в другой деревне. Пришлось бросить: ходить мне трудно, и волки могут съесть, — объясняет Енаке.

— У нас-то в самой деревне, — смущенно говорит Марин. — Только мамка меня больше туда не пускает. Надо за козой ходить.

— У тебя братья есть?

— Есть. Сестрица и двое маленьких. А у тебя?

— У меня четверо. И все меня меньше.

Уставший от тряски Енаке подтягивает мешок и садится на него. Марин делает то же самое.

— У нас голодуха большая, — рассказывает он. — Ничего не уродилось в этот год. Потому меня мамка и отдала. А у тебя отец есть? — интересуется он.

— Есть, а то как же! — недоумевает Енаке.

— Наш на фронте погиб. Сироты мы, — говорит Марин, и в голосе его слышится что-то вроде гордости.

Оба на время замолкают.

— А тебе не страшно? — спрашивает вдруг Енаке.

Марин размышляет. Он не знает, что ответить, и в конце концов решает быть искренним:

— Еще как!

Мальчики молча смотрят друг на друга. Каждый из них думает о доме и еще больше о том, что их ждет: о городе, к которому везет их эта бесчувственная машина величиной с дом.

Теперь трясет меньше. Мимо машины проплывает укрепленная на обочине шоссе желтая доска с надписью: «Бухарест, 36 км».

— Есть хочешь? — прерывает молчание Марин.

— Хочу.

— Погоди маленько, — говорит он, как старший

брат, хотя сам на год младше Енаке, которому пошел тринадцатый.

Марин лезет куда-то под брезент и через некоторое время показывается снова с куском белой брынзы в тонких черных пальцах. Мальчик разламывает ее надвое и шепчет:

— Ее там целая кадка!

— А если поймают? — опасается Енаке.

Марин улыбается и качает головой: бояться нечего. Мальчишки с аппетитом едят, время от времени поглядывая на небо. А Тэнасе, там на брезенте, ничего не подозревает. Он курит, и мысли его где-то далеко.

Вечером грузовик въезжает в Бухарест. Вначале он движется по окраинным шоссе. Потом ныряет в маленькие улочки. Мальчишки, как ягнята, высунули головы наружу, но почти ничего не видно. В столице еще затемнение.



## Крепость

### 1

Господин Ликэ Постолаке, коммерсант, живет на одной из тихих, кривых улочек Бухареста, между рекой Дымбовицей, проспектом Шербан-Водэ и бульваром Мэрэшешть. Он занимает большой угловой двор, с выходом на две улицы. Перед главным входом — мрачными высокими воротами, обитыми жостью, выкрашенной в черный цвет, — и остановился наш грузовик. Миелу загнал машину передними колесами на тротуар. Господин Ликэ открывает дверцу и выходит

первым. Он отпирает калитку, и Тэнасе, спрыгнувший тем временем с грузовика, входит во двор. Господин Ликэ разминает затекшие ноги. Ребятам ничего не видно. Они слышат лишь, как протяжно скрипят железные петли ворот, которые открывает Тэнасе. Потом с неожиданным для него проворством Тэнасе бежит во двор и распахивает ворота второго, дощатого забора, разделяющего владения Ликэ Постолаке на две части.

С улицы, где остановился грузовик, жилище Постолаке выглядит новеньким двухэтажным домиком; видны два окна, прочно заделанные решетками. Черный забор начинается от стен дома, огибает угол улицы, прерывается у старенького домишка, наполовину вросшего в тротуар, вымощенный квадратными плитами, и, наконец, соединяется со стеной соседа.

После того как Тэнасе распахнул внутренние деревянные ворота, Миелу с силой нажал на педали, и машина въехала на тротуар, потом, как конь, завидевший свою конюшню, весело рванулась в глубину второго двора. Вцепившись в борта кузова, подпрыгивая на ухабах, ребята, вытаращив глаза, озираются по сторонам и с жадностью разглядывают незнакомый им двор. Слева проплывает двухэтажное здание — это та сторона дома Ликэ, что обращена во двор. Перед входом — крытое крыльцо с двумя каменными ступеньками. Справа — что-то вроде садика с дощатым павильоном, где, возможно, летом обедает господин Ликэ с семейством. Во втором дворе все выглядит по-иному. Налево — большой дом превращается в уродливое одноэтажное строение; над ним очень высокий чердак, который выступает на один-два метра, образуя небольшой навес. Справа — старый маленький домишко с низкими окнами, заставленными цветочными горшками; домишко, очевидно, выходит уже на другую улицу. Забор между двумя дворами сплошной, но не такой высокий, чтобы рослый человек вроде Тэнасе не мог смотреть через него.

Миелу затормозил. Колеса жалобно завизжали. Господин Ликэ медленно направляется в глубь двора.

Тэнасе запер большие черные ворота, выходящие на улицу, и теперь закрывает внутренние, деревянные. Из дверей старого дома выходит женщина и направляется к Миелу.

— Добро пожаловать! — приветствует она его, но тот лишь что-то ворчит в ответ.

Женщина берет у Миелу пиджак, шапку и несет их в дом.

— Ну, как у вас здесь, Ляна? — спрашивает ее господин Ликэ.

— Да что же может случиться? Ничего! — отвечает женщина и исчезает в своем доме.

— Эй, разгружайте! — тонким голосом приказывает Ликэ.

Тэнасе послушно подходит к грузовику. Миелу, мрачно прохаживаясь около машины, кричит ребятам:

— Эй, вы, слезайте! Чего застряли?

Ребята готовы лезть через борт грузовика, но Тэнасе откидывает его, как всегда, с большим шумом. Мальчики с котомками в руках слезают на землю и ищут укромный уголок. В глубине двора видны склады, сараи, навесы. Ребята обнаруживают за левым домом лестницу, ведущую на чердак. Они укрываются возле нее и оглядываются по сторонам. Везде глухие стены, высокие заборы с железными шипами и колючей проволокой. Двор Постолаке — настоящая крепость. С улицы нельзя увидеть, что делается внутри.

Тэнасе, Миелу и даже Ликэ хлопочут у грузовика. Марин и Енаке стоят, прижавшись друг к другу. Весь двор освещен бледным светом молодой луны. Только лестница, ведущая на чердак, осталась в тени.

У Марина мелькает мысль: может быть, нужно помочь?

— Пойдем и мы разгружать? — шепчет он на ухо Енаке.

Тот пожимает плечами. Марин тоже не решается соваться, пока его не позовут. Вдруг он чувствует, как что-то падает ему на шляпу. Может, какая-нибудь букашка? Он проводит рукой по шляпе и нахо-



дит кусочек щебня. Марин не успевает показать его Енаке, как сверху снова что-то падает. Теперь и на Енаке. Оба задирают головы, но в темноте трудно что-либо разглядеть. Потом в дверях чердака появляются какие-то тени, слышится писк. Дети застыли от ужаса.

Ликэ сразу понял, что происходит. Ему не до шуток.

— Силе-е! — вопит он истерическим голосом.

— Да, крестный! — слышится ответный крик с чердака, и привидение, показавшееся ребятам снизу огромным, быстро скатывается вниз по лестнице. Оно скачет через четыре ступеньки сразу и спрыгивает с проворством дикой кошки. В слабом свете луны появляется парнишка лет пятнадцати, рослый, в одних брюках и полосатой майке с рукавами.

За ним с лестницы соскальзывают еще две-три тени, появление которых окончательно пугает стоящих внизу мальчишек. Но Ликэ опять кричит тем же визгливым неприятным голосом:

— Марш назад!

И тени как по волшебству исчезают. Слышится лишь шепот.

— Силе! Запри дверь! — командует Ликэ.

Силе с ловкостью обезьяны карабкается на лестницу.

— Пусть лучше еще двое придут. Скорее кончим, — шепчет Миелу на ухо Ликэ.

— Ты думаешь? — голос Ликэ звучит неуверенно. — Силе! Приведи Йордаке и Спиру! Но только их!

У чердачной двери снова слышится глухая возня, звяканье отпираемого засова, и Силе все так же быстро спускается вниз, на этот раз в сопровождении еще двух теней.

— Мы вам привезли новый товар, — хихикает Ликэ и указывает Силе на двух ребятешек, молча и пугливо озирающихся по сторонам.

Силе, Йордаке и Спиру подходят к ним, но Ликэ не оставляет их в покое.

— Принимайтесь за разгрузку! А ты, Силе, отведи этих к Мадамане, а сам возвращайся.

Иордаке и Спиру бросаются к грузовику. Силе подталкивает новичков.

— Эй, вы, за мной! — и направляется налево, к одной из двух комнат, помещающихся в пристройке двухэтажного дома.

## 2

Марин первым попадает в ярко освещенное помещение, где господствует «Мадамана», то есть мадам Ана. Это большая комната с такой гигантской печью, какой он не видел никогда в жизни. На раскаленной плите множество кастрюль и горшков, окутанных паром, а над ними склонилась огромная женщина с седыми волосами, завязанными черным платком. В руке у нее большая деревянная ложка.

На ее жирном животе большой выцветший фартук, на ногах шлепанцы; она даже не обернулась, чтобы посмотреть, кто пришел.

Ослепленные светом, сраженные упоительным запахом пищи, Марин и Енаке застывают на пороге.

Силе снова подталкивает ребят. Он значительно выше их, у него черные курчавые волосы и темные косые глаза.

— Мадамана! — кричит он, не проявляя к старухе никакого почтения. — Я привел тебе новых клиентов.

Старуха на секунду оборачивается к новичкам. На ее круглом как луна, потном лице огромный рот, уголки которого опущены вниз, как у рыбы. По лицу не сразу поймешь, добрая она или злая.

— А что мне с ними делать? — сердито ворчит она. — Так и знайте, еды у меня больше нету.

Но Силе вовсе не интересуется еда. Он вертится около новичков, разглядывая их с явным презрением. Марин и Енаке изумленно смотрят на шкаф со стеклами, сквозь которые видны тарелки, чашки, стаканы, потом — на большой стол без клеенки, на полки с кастрюлями, медными кувшинами, дуршлагами...

Силе тычет Марина в грудь указательным пальцем.

— Что это у тебя здесь? — спрашивает он с таким видом, будто одежда у Марина испачкана чем-то отвратительным.

Мальчик смотрит вниз, и тут Силе щелкает его по носу, да так сильно, что у Марина слетает шляпа. Марин пытается защититься, но Силе угрожающе поднимает руку. Марин отступает и наклоняется, чтобы поднять шляпу. Когда он выпрямляется, в его карих глазах светится страх и негодование. Губы дрожат.

— Эй, дурачина, ты откуда? — не сморгнув глазом, спрашивает Силе; он засунул руки в карманы и с важным видом раскачивается.

Марин не отвечает.

— Ты что ж, не слышишь? Как тебя зовут? Смотри, получишь затрещину!

— Сын Боатэ, Марин, — с трудом выжимает из себя мальчик.

— А тебя? — обращается Силе к другому новичку, повернувшись к Марину спиной.

Енаке покорно смотрит на него снизу вверх, но молчит.

Силе наступает Енаке на ногу и как бы невзначай толкает его. Мальчик падает, не в силах выдержать опинку из-под каблука Силе. Его котомка описывает в воздухе дугу и катится под стол.

Услыхав шум, Мадамана неохотно оборачивается.

— У, хулиган, оставь его в покое! — говорит она и грозит Силе большой деревянной ложкой.

Не решаясь подняться, Енаке, не отрываясь, испуганно смотрит на Силе.

— Он хромой, — набравшись храбрости, объясняет Марин, сочувственно глядя на Енаке, потом со страхом и с гневом — на Силе и с некоторой надеждой — на Мадаману. И так как никто не обращает на него внимания, Марин добавляет: — Его зовут Енаке.

— А почему он сам рта не раскрывает? А? Ногой разговаривает? — издевается Силе.

Со двора доносится истерический крик Ликэ:

— Силе-е! Чертов сын, ты что ж, не слышишь?

— Здесь я, булибаша\*! Поняли вы, козявки? — цедит сквозь зубы Силе и поспешно выходит.

Только тогда Енаке осмеливается встать.

— Нечего вам здесь делать, — сердито говорит Мадамана. — Еды больше нету. Завтра.

Она говорит, стоя к ним спиной. Мальчики смотрят друг на друга задумчиво, удрученно.

Через полчаса на кухню входит господин Ликэ, а за ним — на почтительном расстоянии Силе. Силе насмешливо смотрит на ребят, которые продолжают стоять все на том же месте.

Ликэ в хорошем настроении.

— Эй, Леший! — весело обращается он к Марину. — Вот ты и в городе! И что-то нос задирать стал!

Марин вздрагивает. Енаке трет глаза. Ужас так отчетливо написан на его лице, что даже Ликэ обращает на это внимание.

— Посмотрите на этого буйволена! — говорит он, указывая на Енаке. — Силе!

— Да, крестный!

— Отведи-ка ты их спать. Проследи, чтобы каждому дали мягкую постель. Завтра посмотрим, что с ними делать.

— Мы голодные, — говорит Марин, набравшись храбрости.

— Нет у меня больше еды, — объясняет разозленная Мадамана.

— Дай им по куску мамалыги ради праздника, — великодушно шутит Ликэ.

Мадамана удивленно таращит злые глаза, но подчиняется.

— ... и дай Силе лампочку.

Силе не ждет, когда ему принесут. Он вскакивает на стул и запускает руку в блестящую ступку, где хранится лампочка.

— Чтобы через две минуты она снова была здесь, слышишь, Силе? — приказывает Ликэ. — А ты до-

---

\* Булибаша — старшина цыганского табора (полновластный хозяин).

жишь, вернул ли он ее, — добавляет он, обращаясь к Мадамане.

Ликэ выходит через дверь в глубине кухни, которая, очевидно, ведет в главный дом. Марин и Енаке жуют мамалыгу. Силе подталкивает их, Марин выходит быстрее.

— Ну, поторапливайся, хромой! — с раздражением говорит Силе и награждает Енаке пинком в зад.

Все трое во главе с Силе карабкаются по шаткой лестнице, ведущей на чердак. Добравшись до маленькой квадратной площадки, Силе отодвигает засов, открывает дверь и на ощупь ввинчивает лампочку. Ржавая лампочка скрежещет в патроне, а из непроглядной темноты чердака слышатся смешки, стоны, писк.

Лампочка вспыхнула, как беззвучный взрыв, наводнив белым светом все закоулки. Чердак оказался настоящей гостиницей: по обе стороны его лежат на самых невероятных подстилках двенадцать мальчиков в возрасте от десяти до четырнадцати лет. Большинство из них, приподнявшись на локтях, заспанными глазами смотрят на пришедших.

Человека два остались лежать и только лениво повернули головы.

Чердак длинный-предлинный. Он тянется над двумя комнатами. Левая часть его, упирающаяся в глухую стену соседнего дома, высокая. Человек может стоять там, не наклоня головы. Но тонкие балки резко снижаются, и, чтобы пройти по узкой тропинке между двумя рядами постелей, приходится хорошенько пригнуться. Те, кто спит ближе к стене, выходящей на двор, постоянно придвигаются к центру и загораживают проход. То же самое случилось и теперь: это видно по пинкам, которые щедро раздает Силе всем, кто вовремя не уберется с дороги. В крыше прорублены два слуховых окошка. Мальчики спят прямо на полу, где расстелены солома, циновки или тряпье, в зависимости от возможностей «постояльцев». Только напротив входа стоит нечто вроде кровати; это сооружение одним концом прислонено к стене двухэтажного дома и другим опирается на

уступ кирпичной трубы, по которой выходит дым из кухонной печи. Ясно, что зимой это самое теплое место чердака. Кровать состоит из нескольких досок, положенных на столбики кирпичей. Поверх досок — сенник и даже шерстяное одеяло. Над кроватью на стене висит полочка, а вокруг нее гвоздями прибиты фотографии: Алида Валли, Макс Шмеллинг и Анни Одра. Другие кровати заслуживают подобного названия лишь постольку, поскольку они имеют изголовья, конструкции которых зависят от средств и фантазии владельцев.

Силе идет через весь чердак к своей постели. С важным и недовольным видом, как командир, производящий смотр своей части.

В дверях на фоне черного звездного неба появляется Марин; в одной руке у него по-прежнему котомка, в другой — кусок драгоценной мамалыги. Мальчик утопает в огромном черном пиджаке и тщетно борется со шляпой, сползающей ему на нос. В испуге застывает он на пороге, пораженный невообразимым гамом, разразившимся через секунду после его появления.

Вой не прекращается до тех пор, пока Марин, которого Енаке нетерпеливо подталкивает в спину, не решается сделать еще шаг. Марин отходит в сторону и, не выпуская из рук котомки, растерянно снимает шляпу.

Появление Енаке вызывает новую волну криков:  
— А-а-а-а!

Через несколько секунд среди всеобщего воя раздается голос Силе; взбешенный, он выбежал на середину чердака.

— Заткнитесь! — рывкает Силе и грязно ругается. — Что? Хотите, чтобы крестный к вам пришел?

Только при последней угрозе вопли стихают. Но продолжают смешки, возгласы, перемигивания, бестыдные жесты.

Силе успокоился, его лицо светлеет.

— Вот это — Леший! — представляет он Марина, указывая на него пальцем как на обвиняемого.

Банда разражается хохотом.

— Меня зовут Марин, сын Боа... — пытается протестовать Марин, но неожиданный удар по губам, полученный от Силе, заставляет его проглотить конец фразы.

— Тебя зовут Леший! — гремит Силе. — Так прозвал тебя крестный. Болван, — добавляет он. — А это Хромой, — продолжает Силе свои объяснения, указывая на Енаке. — Он калека!

Получив от Силе удар по губам, Марин выронил из рук мамалыгу. Один из лежащих ребят схватил ее и, с аппетитом откусив кусок, передал следующему. Хотя губы у Марина еще горят, он с тоской наблюдает, как быстро уменьшается кусок.

— Будешь спать здесь! — Силе указывает Марину место у самой двери, где нет ни циновки, ни соломы. Марин молча садится. Енаке пристраивается по соседству, но Силе, сорвав с него шапку, бросает ее к противоположной стене. — А ты — там!

У Енаке место как раз напротив Марина, такой же голый пыльный пол. Енаке ползет на четвереньках к указанному месту, стряхивает шапку и снова нахлобучивает ее на нос.

— Вот так! — удовлетворенно провозглашает Силе.

Марин растерянно ищет котомку. Ведь он положил ее рядом, но котомка исчезла, как сквозь землю провалилась.

— Эй, смотрите, смотрите, что есть у Лешего: книга! — кричит кто-то под восторженный смех и шутки остальных ребят, размахивая разорванными страницами «Книги для чтения».

Позабыв об осторожности, Марин кидается к обидчику. Но пока он добирается до него, мальчишки хватают его за ноги, и он дважды падает. Парнишка успевает покопаться в котомке и вытащить еще что-то.

— Эй, вы, да у него и свирель есть! Он пастух! Чердак содрогается от хохота.

Наконец Марину удается получить назад котомку и вещи. Енаке пытается устроиться поудобнее. Ему хочется как можно меньше попадаться на глаза

остальным, и он жметя к стенке. «Снаряд», пущенный неизвестно откуда, попадает ему в затылок у самого уха. Енаке вздрагивает и судорожно отряхивается. Теперь «снаряд» на полу; запыленный и ошеломленный падением, он тихонько ползет в сторону. Енаке с любопытством разглядывает его, потом, успокоившись, подталкивает ногой к открытой двери и выбрасывает наружу. Это лягушка.

Мальчик, который шарил в котомке Марина, словно желая загладить свою вину, заводит с Марином разговор:

— Ты умеешь читать?

— Да. Я буду механиком, — после минутного колебания не без гордости говорит Марин.

— Эй, Спиру, кем он будет? — слышится голос.

Спиру, сосед Марина, отвечает не сразу. Спиру хитрый. Он обращается к Енаке:

— А ты кем собираешься стать?

— Барышником, — чуть слышно, недоверчиво и мрачно шепчет Енаке.

— Эй вы, люди, послушайте! — провозглашает Спиру на весь чердак. — Один — механик, а другой — барышник! — орет он.

И, схватившись за живот, гогочет.

Всеобщий гомерический хохот сотрясает деревянную постройку.

— Заткни свою плевательницу! — приказывает Силе, обращаясь неизвестно к кому.

Ему надоели разговоры.

Он проходит по «бульвару» — так называется проход, разделяющий два ряда «воспитанников», — и ловким движением выкручивает лампочку.

Кажется, что чердак мгновенно погрузился в черную стоячую воду, — шумы в ней слышны приглушенно, словно откуда-то издалека.

### 3

Внизу, на первом этаже, за столом сидят Ликэ и его жена, госпожа Мими. Ликэ, видно, немного помылся с дороги. Вокруг хилой небритой шеи повязано



что-то вроде салфетки, не очень чистой, но с монограммой. Госпожа Мими занимает место напротив мужа. Она маленькая, с короткой шеей, но красивым ртом и глазами. Лицо кажется холодной восковой маской, так натянута на нем кожа. Темно-каштановые волосы завиты мелкими локонами и кажутся приклеенными ко лбу и к ушам. Госпожа Мими толстовата. Ее легко можно представить в роли кассирши в большом холодном и грязном магазине: с откровенным декольте, всегда причесанная и покрашенная, она нетерпеливо и высокомерно берет деньги, забывая отдать сдачу или намеренно обсчитывая, и с презрением прикрикивает на застенчивого покупателя.

Госпожа Мими очень много говорит о «делах». Она считает себя, и не без оснований, скорее компаньонкой Ликэ, чем женой. Ликэ же питает к ней не только любовь — госпожа Мими была в молодости почти красавицей, — но и уважение за приданое, которое она ему принесла.

Госпожа Мими благочестива. Она регулярно посещает церковь, выполняет все обряды. Это не мешает ей, однако, нередко бранить Ликэ за то, что тот не хочет идти с ней в театр.

У стола хлопочет служанка Мица. Ей восемнадцать лет, лицо у нее широкое и веснушчатое, а жидкие волосы смазаны керосином.

Госпожа Мими в цветастом халате, изящно оттопырив мизинец, раскладывает на тарелки еду. В ее движениях чувствуется хозяйка.

Над буфетом со стеклянными дверцами висит картина, на которой изображен гигантский темный арбуз с сердцевинкой, как у спелой тыквы.

Ужин подходит к концу. Полусонный Ликэ машинально раскрывает рот и швыряет туда три-четыре крупные темные виноградины, отрывая их от лежащих на столе гроздей. Госпожа Мими сосредоточенно прикрывает рукой рот и ковыряет в зубах (из них шесть золотые). Зубы один за другим подвергаются этой операции. Временами госпожа Мими задумывается, тогда рука, прикрывающая рот, соскальзывает

в сторону, и открываются красные блестящие от жира губы и алые десны. Когда госпожа Мими ковыряет в зубе мудрости, рот искривляется, губы становятся тоньше и растягиваются до самого уха, проткнутого серьгой.

— Позови завтра Горе, пусть прирежет скот. Свинину надо как можно скорее продать. Она начинает портиться, — сонно объясняет Ликэ.

— Ты еще двух мальчишек привез!

— Да. Один хромой.

— Надоели мне эти грязнули, — безразлично заявляет госпожа Мими.

— Ну, ну! — протестует Ликэ. — Они очень выгодны. Обходятся дешево, а доход приносят большой. Когда дела у меня шли похуже, они очень помогли мне, мои разносчики, — наставляет ее Ликэ своим пронзительным голосом, моргая сонными глазами.

Госпожа Мими смотрит на мужа сквозь короткие слипшиеся ресницы.

— Сколько ты дал Миелу?

— Пятнадцать.

— Много.

— Много. Больно уж он возомнил о себе. Но без него не обойдешься: и грузовик ведет и в случае драки поможет... Что с ним поделаешь? Кроме того, зять...

— Тоже мне зять! — ворчит госпожа Мими. И вдруг кричит пронзительным голосом так, что слышно на кухне: — Мадамана! Пошли Мицу постелить постели!

Через полчаса супруги уже в спальне, на втором этаже. Ликэ похрапывает, то и дело натягивая на себя большое красное одеяло, покрывающее двухспальную кровать. Госпожа Мими читает. Ее волосы убраны в сетку, на носу очки в черепаховой оправе. При слабом свете лампы, стоящей на ночном столике, кажется, будто пузатые, надежно запертые шифоньеры, которыми заставлена комната, тесней обступили кровать; только в одном углу, там, где горит лампада, сохраняются обычные пропорции.

Книга в яркой обложке соскользнула на грудь госпожи Мими: «Теодора, императрица Византии» из серии «Знаменитые любовники». Госпожа Мими вздрагивает, снимает очки и кладет их на ночной столик. Потом шумно зевает, уже не прикрывая рта рукой, и встает с постели. Вышитая, очень длинная ночная рубашка облегает ее толстый зад. Госпожа Мими проверяет щеколду — закрыта. Она забирается в постель и снова озирается по сторонам — все ли в порядке.

Потом гасит лампу.

Теперь только бледный свет лампы освещает спальню; тени расползлись по всей комнате.

#### 4

В окнах старого домишка, наполовину вросшего в землю, с подоконниками, уставленными цветочными горшками, едва виднеется свет. Миелу и Ляна сидят за ужином в комнате, выходящей в садик. Вернее, сидит один Миелу, а Ляна, обрадованная возвращением мужа, озабоченно бежит из кухни в «дом» и из «дома» в кухню.

На Миелу только рубаха да брюки. Висящая на стене керосиновая лампа разливает вокруг желтоватый свет. Миелу пьет и ест за десятерых, с мрачной решимостью заглатывая пищу. Взгляд его бессмысленно блуждает по половикам, покрывающим глиняный пол, по деревянной иконе с растрескавшейся живописью, по гардеробу кофейного цвета с зеленоватым зеркалом, покрывалу, сделанному из разноцветных квадратных кусочков, прошитых красными нитками.

Сразу видно, что между образом жизни семейства Постолаке и Миелу с Ляной расстояние если не как от неба до земли, то, во всяком случае, как от электрической лампы до керосиновой. Все вещи в комнате говорят о том, что здесь уже давно ничего не менялось, возможно, даже с тех времен, когда хоззяевами в этом доме были Ликэ и Мими. Но не эта

мысль мучит сейчас Миелу, который, наконец, закончил трапезу.

— Что еще сказала жирная? — презрительно спрашивает он.

— Мими? — откликается из кухни Ляна.

— Ага!

Миелу ковыряет пальцами в зубах.

— Приходили ее сестра и племянник-студент. Кто знает, какую штуку он еще выкинул, — продолжает она сердито.

— Потаскуха! — злобно шипит Миелу и неожиданно звонко рыгает.

— Таз! — командует он и поворачивается на стуле так, чтобы высвободить из-под стола ноги.

В комнате очень жарко. Голые ноги Миелу засунуты в заскорузлые шлепанцы.

Ляна почти бегом бежит из кухни. Она тащит жестяной таз с горячей водой и ставит его мужу под ноги. Миелу пробует воду пятками, кривится:

— Горячо, дура!

Ляна бежит на кухню, возвращается с кувшином холодной воды и выливает ее в таз.

— Хватит! Брызгаешься!

Миелу с опаской опускает ноги в воду и снова морщится:

— Холодная!

Ляна бежит на кухню и возвращается с горшком горячей воды. Она льет понемножку, внимательно приглядываясь к гримасам мужа. Миелу трет друг о друга красные пятки. Потом закуривает сигарету «Гольф» и дымит, глядя в окно на дом напротив, где на втором этаже зажегся огонь.

— Еще... немножко... холодно... хорошо, — ворчливо командует он.

Ляна присаживается на корточки и закатывает Миелу брюки до колен, обнажая мощные белые волосатые икры, на которых синеют извилистые линии вен. Потом она принимается старательно мыть ему ноги, намазывая их мылом, лежащим рядом на осколке блюдечка.

Миелу сносит все, как великомученик, покуривает и время от времени удовлетворенно рыгает.

Когда церемония омовения закончена, Ляна удаляется на кухню, унося с собой все принадлежности. Вместо того чтобы готовиться ко сну, Миелу неторопливо меняет белье и одежду. Дойдя до галстука, который месяцами висит с неразвязанным узлом на спинке стула, Миелу смотрится в маленькое зеркало, висящее на стене. Потом глядит на освещенные окна дома напротив и бормочет:

— Потаскуха! Ну, постой, доберусь я до тебя!

Входит Ляна. Она тоже успела «навести красоту». Лицо ее побелело: видно, помылась. На голове уже нет платка, тщательно зализанные волосы уродуют ее.

— Уходишь? — огорченно восклицает Ляна.

— У меня дела, — не глядя на жену, ворчливо отвечает Миелу. — Принеси костюм.

Ляна в отчаянии. Она роется в гардеробе и вынимает оттуда костюм и плащ.

— А я думала... — говорит она, как-то вдруг сникнув.

— А ты поменьше думай и давай ключ, — продолжает командовать Миелу.

Ляна приносит ключ. Миелу молча берет его и выходит из дому.

Когда дверь захлопывается, Ляна спешит к окну, отодвигает край занавески и припадает носом к стеклу. Громоздкая тень Миелу движется по двору к задним воротам, выходящим на улицу.

— Будь ты неладен! — скрежещет зубами Ляна.

Ее лицо, прижатое к стеклу, еще несколько секунд как привидение виднеется в окне, потом край занавески снова падает, и кажется, будто двор облегченно вздыхает. Луна скатилась куда-то к горизонту, и темнота ползет из каждого угла.

Все вокруг замирает и готовится ко сну.

Только на чердачной лестнице что-то шевелится. По краю лестницы взбирается какое-то маленькое существо.

Оно останавливается, прислушивается. Потом бы-

стро карабкается еще один метр. Наконец, решившись, бежит до самого верха и, юркнув в щель, исчезает внутри.

Сквозь слуховые окошки на чердак будто сеется мелкая черная пыль. Воздух наполнен храпами, вздохами, свистом. Марин, спящий у самой двери, ворочается во сне. Вдруг он вскакивает и кричит. Слышится недовольное ворчание. Где-то в глубине вспыхивает слабый свет фонарика. Появляется всклокоченный и злой Силе.

— Заткни дыру, болван, а то тебя съедят крысы! — сердито шипит он.

Марин держится за укушенный палец ноги и растерянно оглядывается вокруг большими испуганными глазами. Наконец придя в себя, он обследует дверь и при свете фонаря затыкает дыру своей шляпой — за неимением чего-либо другого.

— Давно бы так, — ворчит Силе.

Фонарь мигает и гаснет.

Марин снова растянулся на спине. Широко раскрытыми глазами он смотрит в темноту.

Тяжелая завеса молчания опускается на двор.

Где-то далеко, за домом, упала, будто сраженная, луна. В темноте уже не различить уставленных цветами окон старого домишка; свет на втором этаже давно погас.

Крепость Постолаке, темная и безмолвная, стянутая поясом стен и высоких заборов с колючей проволокой, погружается во мрак и оцепенение.



## Ремесло — это золотой браслет!

### 1

Будильник яростно дребезжит. Мадамана протягивает толстую руку, нащупывает круглую кнопку звонка, и пронзительный трезвон внезапно прекращается. В низкой и узкой комнате некоторое время еще слышится его эхо. Мадамана смотрит в окно. На улице еще темно. Мица поворачивается лицом к стене. Она спит по-молодому, с упоением. Мадамана снова протягивает руку. На сей раз она взяла

длинную палку — что-то вроде ручки от щетки, которой сметают паутину. Верхним концом ее Мадамана трижды стучит в потолок.

Потом прислушивается.

Снова легонько ударяет три раза. И снова прислушивается.

Сверху, с чердака, доносится какой-то шум. Мадамана успокаивается. Она ставит палку и снова на несколько секунд закрывает глаза.

Утренний сон так сладок, а скоро уж начнется новый трудовой день.

## 2

На чердаке среди всеобщего храпа стук Мадаманы едва различим. Даже после повторного сигнала никто не подал виду, что слышал его. Возможно, человека два, те, что неохотно перевернулись на другой бок, и поняли, в чем дело, но им, очевидно, вовсе не хотелось в этом признаваться. Однако их притворство ни к чему не приводит, потому что разбойничий свист — резкий и беспощадный — пронизывает, как невидимое сверло, все помещение. При слабом свете фонаря можно разглядеть Силе, который полулежит на кровати, засунув пальцы в рот. Он свистит второй раз. По обе стороны «бульвара» начинается какая-то непонятная возня, сопровождаемая странным шумом.

Луч фонаря с секунду танцует на дверях чердака, потом опускается. В его свете появляется всклокоченная голова Марина.

— Эй, Леший, — командует Силе, — отпирай дверь и отправляйся к Мадамане за лампочкой!

Марин одурело моргает. Он растерянно смотрит на чердачную дверь, потом кидается к ней, вынимает из дыры свою шляпу, расправляет ее и надевает на голову.

— Слышишь, Леший? Пошевеливайся!

Марин выходит.

Когда дверь закрывается, все начинают потягиваться до треска в костях, шумно зевать, толкать друг друга и переругиваться вместо приветствия.



Вернувшись, Марин застывает на пороге с лампочкой в руках. Он смотрит на нее с испугом и недоумением. Поняв, в чем дело, Спиру берет у него из рук лампочку и ввинчивает ее на место.

Силе распределяет роли:

— Иордаке пойдет со мной в булочную. И Спиру. Остальные — на колонку!

Двое-трое мальчишек кидаются к двери. За ними ковыляет Енаке.

— Постой! — кричит Силе. — Хромой! Ты убираешь помещение. Ты и Леший. Если что пропадет, переберу глотку, ясно?

Сказав это, Силе с воинственным видом удаляется.

Марин и Енаке удивленно уставились друг на друга.

### 3

У булочной. Несмотря на то, что еще темно, можно прочитать на вывеске: «Гике Берекет».

Возле закрытых дверей — вереница черных призраков.

Услышав тарыхтение тележки, которую везут Иордаке и Спиру, кое-кто из очереди повернул голову. Силе, который шагает впереди тележки, открывает ворота, ведущие во двор булочной.

— А этим чего надо? — возмущается кто-то и подходит к тележке.

— Мы берем бублики, а не хлеб, — огрызается Силе.

Мальчики и тележка исчезают во дворе.

Черные призраки ворчат:

— Ну, конечно! Муки нету, а как бублики делать — это Берекет может!

— Пропади он пропадом, этот спекулянт! — подхватывает возмущенный женский голос.

Другая женщина колотит кулаками по ставне до тех пор, пока изнутри не доносится приглушенный крик:

— Хватит, чего стучите? Не готово! Через час!

Ответ вызывает всеобщее негодование:

— Собаки поганые!  
— Слышали?! Через час!  
— Они думают, что еще не прошли времена Антонеску!

— А бублики небось с вечера заготовили!

Град возмущенных слов разбивается о красные доски ставен, но ставни по-прежнему остаются закрытыми.

В эту осень жителям Бухареста приходится немало побегать, прежде чем удастся раздобыть краюху хлеба.

#### 4

На дворе Постолаке большое оживление. У кухонных дверей стоит тележка, с которой ездили в булочную. Она нагружена доверху и закрыта клеенкой. Двенадцать мальчишек ежась от холода: студёный воздух осеннего утра пронизывает до костей. Многие из ребят побывали у колонки, но мало кому вода попала на лицо или на руки. Большинство только притворяется, что умылись. Теперь они, дрожа от холода и дурачась, толкают друг друга. Одеты мальчики как придется. Кое на ком поверх одежды — серые (в прошлом белые) халаты. На других — старые кожанки, изодранные в клочья безрукавки, одежда из грубошерстной ткани, на иных — господские обноски. Обувь — тоже самая разнообразная, если она вообще есть. Несколько мальчишек босы.

Из открытой двери кухни валит пар. Мадамана варит суп, в гигантском котле плавают несколько белых фасолин, еще какие-то непонятные овощи. Рядом, прямо на столе, огромная желто-зеленая мамалыга. Мадамана тонкой бечевкой отрезает от нее куски. Мамалыга дрожит, как студень, но толстая нижняя корка говорит о том, что она уже холодная. Очевидно, Мадамана сварила ее еще с вечера.

— Сюда! — орет Силе. — К корзинам!

Подчиняясь крику Силе, все мальчишки, дрожа, подталкивая друг друга или прыгая, чтобы согреться, собираются у входа в сарай, стоящий в глубине двора, куда уже проник «булибаша».

Через секунду Силе появляется на пороге с корзинкой в руках. Корзинка довольно большая, с ручкой. При виде Силе толпа ребят отступает на пять-шесть метров. Корзины вылетают из сарая одна за другой, брошенные ловкой рукой Силе. Мальчишкам приходится делать настоящие акробатические прыжки, чтобы поймать их на лету, не дав упасть и сломаться или вывалиться в грязь. Иногда корзинка все-таки падает, и ее обладатель под хохот всех окружающих отпускает крепкое ругательство.

Сверху, с площадки лестницы, ведущей на чердак, Марин и Енаке с беспокойством наблюдают за происходящим. Они не понимают смысла этой церемонии, не понимают, зачем нужны корзины, и не решаются спуститься без позволения Силе. И все-таки иногда они вместе с другими мальчишками прыскают со смеху.

Но Силе их заметил. Он подбрасывает корзинку выше, чем обычно.

— Лови, Жаравете! — кричит он. — На тебя смотрят механик и барышник!

Тот, кого называли Жаравете, курносый, румяный, белобрысый мальчуган, лезет из кожи вон, чтобы поймать корзинку. Круглыми глазами он с волнением следит за траекторией импровизированного снаряда, быстро отступает назад и так широко расставляет руки, словно хочет кого-то обнять.

Марин и Енаке наблюдают за этой сценой. Улыбка исчезла с их лиц, уступив место задумчивости. Они боятся Силе, и всей этой галдящей толпы, и этого сырого, холодного, негостеприимного города, где все им враждебно.

Через полчаса начинается завтрак. Неподалеку от чердачной лестницы во дворе есть две доски, выжженные солнцем и иссеченные дождем; они прибиты гвоздями к двум врытым в землю колам. Это и есть стол. На него ставят чорбу\* и мамалыгу. Другая доска, значительно уже и ниже первой, прибитая концами к двум коротким колям, изображает скамейку.

---

\* Ч о р б а — суп, похожий на щи.

Вокруг этой «столовой» на открытом воздухе начинается свалка. Те, кто повыше, во главе с Силе уселись на скамейку. Маленькие стоят перед ними. Все старательно охраняют «посуду»: глиняные и жестяные миски, старые солдатские котелки и даже консервные банки. Только у Силе белая фаянсовая (хоть и с отбитым краем) тарелка и даже почти полный прибор.

Во время раздачи еды все недовольны и протестуют. Мадамана осторожно, боясь перелить, распределяет суп, Мица — мамалыгу. Мице приходится смотреть в оба: попытки своровать мамалыгу очень часты, а покарать она может только затрешиной. Мадамана в более выгодном положении, потому что имеет возможность пользоваться иногда своей шумовкой как настоящим оружием.

Когда кажется, что еда роздана уже всем, Мица замечает Марина и Енаке. Подталкиваемые голодом, они спустились с лестницы и молча стоят в стороне. Только глаза у них поблескивают, как у волчат.

— А эти когда появились? — удивляется Мица.

— Это инженер, а хромой — оптовик, — басит Силе под хохот всего стола. Мица с удивлением смотрит на двух голодных новичков. Силе воспользовался случаем и ущипнул ее за бедро. Мица отвечает ему здоровенной оплеухой, но парень переносит удар с довольной усмешкой.

Наконец и Мадамана замечает новичков.

— Да вы не умывались, грязнули! — бранит она их.

— Умывались, помереть мне на этом месте! — врёт Енаке, вдохновленный видом еды.

— И мисок у вас нету! — снова сердится Мадамана.

Марин и Енаке недоуменно переглядываются: посуды в самом деле у них нет. Жестокое отчаяние изображается на лицах ребят. Но Спиру, уже покончивший с едой, неожиданно возникает рядом с ними и деловито предлагает:

— Сейчас ешьте из моей. А вечером отдадите мне одну порцию.

Ребята вопросительно смотрят друг на друга. Марин от имени обоих принимает предложение.

Через минуту, припав к миске, они по очереди опускают деревянную ложку в суп и откусывают гигантские куски липкой мамалыги.

## 5

Госпожа Мими, вооруженная очками, в старом утреннем капоте, в черной нитяной сетке, придерживающей уложенные на лбу и висках кудряшки, сидит за большим кухонным столом. Перед ней раскрыта огромная зеленая приходная книга.

Силе, расположившийся рядом, рывкает:

— Иордаке!

Входит Иордаке с корзиной, наполненной бубличками. Он ставит корзину на пол, чтобы госпожа Мими могла ее обследовать.

Силе перечисляет:

— Здесь десять по пять, двадцать пять по три, пятьдесят по одной и десять холодных.

Госпожа Мими отмечает цифры на листке бумаги, вложенном в приходную книгу. Морща лоб и то и дело слюнявя карандаш, хозяйка делает дополнительные расчеты, записывая их в книге. При этом она бормочет и пишет очень быстро и такими корявыми буквами, что вряд ли кто-нибудь, кроме нее, мог бы их разобрать.

— Девяносто пять лей... Тысяча двести пятьдесят.

Окончив, она бросает взгляд на счет из булочной Гики Берекета, лежащий рядом на столе, потом быстро переворачивает страницу приходной книги.

— Спиру! — снова кричит Силе, внимательно следящий за ее движениями.

Спиру влетает на кухню, стараясь не столкнуться с Иордаке, который проделывает обратный путь.

И Силе снова начинает перечисление. Госпожа Мими считает, переворачивая страницы приходной книги.

Наконец появляется Ликэ. Он тоже в потрепанном рабочем халате. Госпожа Мими уже кончила расчеты. Мадамана толчется около плиты. Силе угодливо спрашивает:

— Все в порядке, госпожа Мими?

Мими недоверчиво наблюдает за ним из-под очков в черепаховой оправе. Глаза ее кажутся злыми и холодными; на минуту они останавливаются на Ликэ и снова опускаются к приходной книге.

— М-да! Сотни не хватает, — заключает она.

— Готово, Силе? — интересуется Ликэ.

— Тут еще эти новенькие, крестный!

— Ага! — произносит Ликэ.

— Как их зовут? — спрашивает Мими, снова переворачивая страницу приходной книги.

— Одного — Боатэ Марин, а другого — черт его знает! Забыл! — досадует Ликэ.

Силе на мгновение исчезает, потом появляется вновь, подталкивая двух «птенцов», ожидавших у двери. Марин и Енаке рассматривают кухню при дневном свете. Она уже не кажется им такой огромной, как вчера вечером. От смущения они утирают рты рукавами и застывают, вытаращив глаза на госпожу Мими. Халат, сетка, приходная книга, очки — все, видимо, поражает их.

— Ну что, поели? — спрашивает их Ликэ.

Сегодня утром он выглядит веселым.

Мальчишки испуганно молчат. Мадамана, словно оправдываясь, отвечает:

— Я их накормила, а то как же!

Удовлетворенный этим заверением, Ликэ продолжает:

— Ну что ж, теперь мы из вас сделаем торговцев.

Марин и Енаке переглядываются, будто собираясь что-то сказать. Но так трудно раскрыть рот, когда на тебя уставилось сразу столько незнакомых людей, и никто из них не кажется особенно добрым! «Может быть, все-таки господин Ликэ?..» — думает Марин. Енаке стоит, опустив глаза, но ухитряется незаметно подтолкнуть приятеля локтем. Всем находящимся

в кухне ясно, что новенькие хотели бы что-то сообщить, но никто не протягивает им руку помощи. Все смотрят холодно и презрительно. Губы Марина чуть-чуть шевелятся, но из пересохшего горла не вылетает ни единого звука.

— Да, черт побери! Мы сделаем из вас торговцев, губошлепы! — снова раздается тонкий голос Ликэ.

Вокруг глаз у него собрались морщинки — кто знает, от радости или от злости?

— Я... механиком хочу... — отваживается, наконец, Марин выпалить душившие его слова.

И озирается, испуганный собственной смелостью.

— А я... барышником...

Силе ухмыляется. Он уже знает про механика и барышника.

Госпожа Мими окинула ребят высокомерным взглядом, Мадамана скорчила гримасу удивления. А Ликэ вдруг рассердился: лицо его помрачнело, губы стали тонкими. С жестокой неумолимостью, разрушая все надежды ребят, он произносит:

— Пока будете продавать бублики. Посмотрим, сколько сумеете вырабатывать.

Ребята притихли.

— Силе! — приказывает Ликэ.

— Да, крестный!

— Принеси-ка им из сарая по корзине и сумки.

Силе вышел во двор. Енаке одолевает вдруг страшный, конвульсивный кашель.

— Они еще и хворые! — с отвращением говорит госпожа Мими. — Этот небось чахоточный, — добавляет она, указывая на Енаке.

Силе уже вернулся на кухню с двумя корзинами. Корзины старые, чиненые.

— Открой на них счет, — обращается Ликэ к жене.

Госпожа Мими слюнявит карандаш, и Ликэ начинает диктовать:

— Боатэ Марин, корзина — тысяча лей, сумка — тысяча лей, обувь — пятьсот...

При последних словах Ликэ бросает взгляд на

босые ноги Марина и поворачивается к Мадамане.

— Дайте ему что-нибудь на ноги.

Мадамана на мгновение отрывается от кастрюль, бросает искоса взгляд на босые ноги и разводит руками в знак того, что ей неоткуда взять ботинок. Ликэ невозмутимо продолжает:

— Ну-ну, найдется. — И, обращаясь к Силе, добавляет: — Постриги их! Обоих!

Физиономия Силе расплылась в покорной и самодовольной улыбке.

— И влеминским смажь! — вмешивается госпожа Мими. — Так будет вернее.

— Точно! — подтверждает Ликэ. — Внеси им все это в счет.

Госпожа Мими послушно записывает что-то в приходной книге и снова переворачивает страницу.

— Как зовут хромого? — спрашивает она, не поднимая глаз.

— Стэникэ! Стэникэ Енаке... Вспомнил! — радуется Ликэ.

И, обернувшись к Силе, продолжает уже более сухо:

— Дай им эту оставшуюся сотню и отправляйся с ними, чтобы обучить их ремеслу. Ремесло — это золотой браслет, слышите вы, умники!

Марин и Енаке растерянно переглядываются: счет... влеминский... постриги их... ремесло — это золотой браслет...

— Марш! Мигом! — вдруг начинает сердиться Ликэ.

Ему кажется, что его приказание исполняется недостаточно быстро, и он нервно топает ногой.

Силе предусмотрительно удирает во двор, увлекая за собой новичков.

Через четверть часа перед задними воротами свершается последняя церемония. Мальчишки с корзинами в руках сгрудились у забора. Силе взбирается на камень и командует:

— Разойдись по постам!



— Иордаке! Чишмиджиу...\* Спиру! Братиану!\*\*  
Возьми с собой и этого Лешего, выучи его.

Марин в сопровождении Спиру молча отходит в сторону.

Силе продолжает:

— Гицок! Выставка... Ницэ! Смырдан...\*\*\* Возьми с собой Хромого... Жаравете! Пиаца де флорь...\*\*\*\* Аурикэ! Чишмиджиу... Митуликэ! Митрополие...\*\*\*\*\*

Один за другим разносчики выходят на улицу. Выходит и Спиру в сопровождении Марина. Выходят и Ницэ с Енаке.

Марин, сын Боатэ, по прозвищу Леший, и Енаке Стэникэ, по прозвищу Хромой, с корзинами в руках отправляются завоевывать Бухарест.

---

\* Известный парк в Бухаресте.

\*\* Бульвар Братиану.

\*\*\* Улица в Бухаресте.

\*\*\*\* Площадь Бухареста.

\*\*\*\*\* Холм Митрополие, где находится парламент.



### **Бублики, бублики горячие!**

— Купите бублики! Горячие бублики!

— Бубликов горячих вам недоставало! Согреешься сразу, наешься до отвала!

— Бублики, бублики горячие!

Поначалу Бухарест кажется большой деревней. Домов здесь много, улицы вымощены камнем, и по утрам все спят до рассвета. Разве что встретишь какого-нибудь старика работягу с большой железной тачкой: идет и подметает улицу. А так — ни души!

Но потом замечаешь: не успеет кончиться одна

деревня, как начинается вторая, и так все время, без конца. Бухарест — это очень много деревень, собранных вместе, так много, что, как говорит Спиру, надо идти целую неделю, чтобы дойти до поля. Правда, очень во многом он совсем не похож на деревню, думает Марин. В деревне, например, нет трамваев. Трамваи — это большие дома на колесах, выкрашенные в серый цвет. У них много окон. Трамвай идет сам собой, и от него на улице страшный шум. Счастье еще, что трамвай может идти только по своим железным рельсам, а иначе трудно было бы от него спастись, хоть он и звонит в колокольчик, когда собирается тебя переехать. Непонятно, почему столько народу лезет в трамвай. Там, где он останавливается, собирается толпа: все кидаются к задним дверям, в то время как другие спешат выйти из передних. Часто бывает, что двери трамвая не закрываются: столько людей гроздьями висит на подножках. Некоторые висят даже на буфере. Марин не может себе представить, куда это все идут и почему так спешат и, главное, зачем влезать в трамвай с одной стороны, чтобы тут же выйти с другой.

Он бы тоже не прочь проехаться на трамвае, но не в такой тесноте, когда люди отдавливают друг другу ноги. Им-то, обутым, еще ничего, а каково ему, босому? Ой-ой-ой, как досталось бы его голым ногам!

К тому же тут не одни трамваи. На улицах полно самых разных автомобилей, больших и маленьких, грязных и сверкающих, переполненных людьми и груженными товарами, и все они быстро снуют туда-сюда. Эти еще почище трамваев. У автомобилей вместо колокольчика что-то вроде бучума\*; трубят они так громко, что того и гляди оглохнешь, и когда услышишь такой гудок в двух шагах у себя за спиной, только хуже пугаешься, ведь в руках у тебя корзинка с бубликами, а с ней как следует и не побежишь: можно растерять по дороге товар.

Но самое удивительное в Бухаресте — это то, что там не встретишь на улице скотину. Ну, добро бы

---

\* Б у ч у м — пастуший рожок.

не было только кур, свиней, гусей, овец. А то ведь крупную скотину и ту не увидишь. Редко-редко пройдет лошадь, впряженная в телегу. Однажды они видели очень высокую телегу с окнами; ее тянули шесть наряженных лошадей, и Спиру сказал, что в ней возят мертвецов и что называется она погребальной колесницей.

— Купите бублики! Горячие бублики!

— Бубликов горячих вам недоставало! Согреешься сразу, наешься доотвала!

— Бублики, бублики горячие!

В городе очень трудно продавать бублики. В деревне бублики есть в лавке — висят, нанизанные на веревку. Надо тебе — вступишь и просишь у дядюшки Пыкэ. Правда, там они очень черствые. Да ведь и эти, в корзинке, не очень-то свежие, хоть Спиру и кричит, что они горячие. Марин сказал как-то ему про это, но Спиру не только дал ему подзатыльник и нахлобучил шляпу на нос, но и Марина заставил кричать то же самое, потому что так уж устроена торговля. «Если не будешь кричать, ничего не продашь, и вечером крестный задаст тебе жару!»

С тех пор Марин тоже начал кричать.

Труднее всего быстро дать сдачу. Еще хорошо, что с ним Спиру, а то бы Марину не справиться. Покупатели очень спешат и, если не смотреть в оба, уходят, не заплатив, или сердятся, что ты их задерживаешь. Разные бывают покупатели: старые и молодые, солдаты — инвалиды и не инвалиды, мамы с детьми и школьники... И почти все очень хорошо одеты. Редко-редко когда встретишь босого или без пальто.

— Это только здесь, в центре, — объясняет Марину Спиру, — а вот увидишь, как на окраине.

Марин не знает, что это за окраина, но ему нравится здесь, на Братиану, где все трамваи и машины должны огигать статую, стоящую в центре, где всегда сутолока, где народ толпится, как на ярмарке, и, кроме них двоих, много еще торговцев с корзинами. Одни торгуют тыквенными семечками, красиво упакованными в бумажные фунтики, или подсолнухами —

их продают чашечками. Другие выкрикивают: «Универсул!» «Скынтейя!» «Курьерул!» «Ромыния Либерра!» «Фапта!»\*» — и носятся как угорелые с туго набитыми сумками через плечо. Третьи ходят со стеклянной банкой под мышкой и вопят: «Орехи грецкие! Грецкие орехи!» На углу сидит на скамеечке цыган. Перед ним печурка с горящими углями, и он хриплым голосом кричит: «Жареные каштаны, горячие каштаны!» Какие-то с виду нормальные люди, одетые по-городскому, зажав что-то в руке, неотступно следуют за прохожими, нашептывая им: «Позументы, сударыня! Позументы! Китовый ус, есть китовый ус!» Есть здесь и цветочницы, а у железного забора расставлена, как на параде, масса книг, и продавец их зовется букинистом. В маленьких деревянных домиках продают сладости и лимонад, газеты и папиросы. Домики эти называются ларьками и киосками. Здесь, на Братиану, настоящий базар, и он в десять раз больше, чем в Бурдушештах в дни святой девы Марии.

— Купите бублики! Горячие бублики!

— Бубликов горячих вам недоставало! Согреешься сразу, наешься до отвала!

— Горячие бублики, горячие!

В Бухаресте много очень высоких домов. Если захочешь оглядеть весь дом, до самого верха, просто шея заболит. У одних домов большие круглые каменные столбы, у других — в углублениях стоят каменные люди. А на некоторых улицах только лавки да лавки, дверь в дверь, и окна у них величиной с дом. В лавках чего только не увидишь: одна вещь лучше другой, одна другой красивее и ярче. Однажды Марин увидел богато разодетых кукол в человеческий рост; они смотрели на него сквозь витрину. Марин остановился и долго восхищенно глазел на них, пока Спиру не подтолкнул его по-дружески в спину и не потянул дальше. Удивительно, что в Бухаресте никто с тобой не здоровается, как в деревне. Прохожие хмурые, куда-то спешат, толкаются и, если быстро не уступишь им

---

\* Названия румынских газет.

дорогу, проклиная тебя на чем свет стоит. Между собой они не знакомы, как в Бурдушештах. Они совсем не знают друг друга, и это их вовсе не волнует. А в деревне, бывало, как приедет чужой, все торопятся узнать, что за человек, как его зовут, к кому приехал и все такое...

К обеду бублики перестают покупать — за полчаса иногда попадается один покупатель, поэтому лучше прогуляться с корзинкой до площади Святого Георгия или к Романэ. От нечего делать пялишь глаза на заборы и, если ты умеешь читать, многое узнаешь, потому что в Бухаресте пишут большими разноцветными печатными буквами на всех стенах. Вот, например, бросается в глаза надпись: «Для всех началась новая эра. Начните ее миллионером! Покупайте билеты лотереи!» Даже Спиру не знает, что такое «эра», но он объясняет Марину, что миллионер — это тот, у кого много денег, а лотерея — это когда ты покупаешь билет и, если попадется подходящий номер, тебе дают десять миллионов, на которые ты можешь открыть лавку и торговать еще лучше, чем крестный.

Тогда Марин спрашивает, почему бы тогда и им не купить билеты, у них ведь есть деньги; при этом он хлопает рукой по сумке. Но Спиру смеется над Марином и обзывает его дураком: ведь если вечером во время отчета у него не хватит хотя бы одного лея, ему покажут, где раки зимуют. А когда наступает обеденное время, Спиру не позволяет Марину съесть ни одного бублика.

— У крестного, — говорит он, — уж так заведено: едят только два раза в день, утром и вечером, да и то если ты хорошо торговал и крестный доволен твоим отчетом...

Вот почему Марин, чтобы заглушить голод, читает подряд все объявления и узнает из них, что: «Детям, родившимся 31 октября, откроют счет в сберегательной кассе», — и это заставляет Марина пожалеть о том, что ему уже пошел двенадцатый год. Перед глазами Марина, сына Боатэ, мелькают надписи: «Микки Руни, миллионер», «Черная пантера», «Открытие бара Фу Чанг», «Парад мод зимнего сезона»,

«Футбол. Венус — Кармен», — и так без конца, просто голова идет кругом.

Но «Открытие бара-ресторана «Амбассадор», где, как объяснил Спиру, можно хорошо поесть и выпить, напомнило ему о голоде, который он тщетно пытался забыть.

— Купите бублики! Дешевые бублики!

— Бубликов дешевых вам недоставало! Согреешься сразу, наешься до отвала!

— Бублики, бублики купите!

К великой радости Марина, Спиру теперь кричал другое. Торговля подходит к концу, но покупают так же плохо. Народу на улицах стало меньше, и Спиру все чаще переходит с места на место. Из-за «фараонов». Это, как понял Марин, что-то вроде жандармов, только вместо ружья у них короткая палка и одеты они в теплую рыжеватую одежду. Одно время через каждые двадцать метров попадался «фараон», и Спиру был очень недоволен. Потом откуда-то сзади слышался приглушенный шум; он становился все сильнее и постепенно вылился в людские крики. «Фараоны» забеспокоились, засуетились, все прохожие стали смотреть в одну сторону, а Спиру закричал:

— Да это демонстрация! Как раз сюда идут!

Марин не знает, что такое демонстрация, но он видит массу людей, движущихся посреди улицы колоннами, словно армия на марше. Пока еще не разобрат, что они выкрикивают; идущие впереди несут много красных и трехцветных флагов, большие, в человеческий рост, фотографии незнакомых людей. Высоко над головами плывут разные плакаты, укрепленные на палках. Спиру сообщает по секрету Марину, что это «большевики» — очень злые люди, которые забирают детей и отправляют их в Сибирь, чтобы они там умерли. Так сказал им Ликэ и научил их убегать от «большевиков» как можно дальше и как можно быстрее.

— Долой Алдю! \* Долой Алдю! — катится над морем голов.

---

\* Ал д я — министр внутренних дел правительства Санатеску, бывшего у власти с августа по декабрь 1944 года.

Никогда в жизни не видел Марин такой большой и шумной толпы. Ему страшно, хочется убежать, и он удивлен, что Спиру не двигается с места, хотя «большевики» теперь совсем близко, и все прохожие останавливались, чтобы посмотреть на них. Кто ругается, а кто снимает шляпу в знак приветствия.

— Фе-не-де! Фе-не-де!\*—скандирует идущая толпа.

Даже сам Спиру не знает, что такое «Фенеде», но он советует Марину не проболтаться дома Ликэ, что они стояли и смотрели на демонстрацию.

— Эс-эс-эс-эр! Эс-эс-эс-эр! — кричат теперь демонстранты.

Марин внимательно рассматривает их. Люди как люди. Одеты не очень хорошо. У некоторых на рукавах красные повязки. Но лица у всех решительные, и кричат они очень громко.

— Вот так всегда здесь, в Бухаресте, — говорит Спиру. — Люди выходят на улицу и кричат и кричат...

Но что кричат, то есть чего хотят эти люди, этого Спиру не может объяснить Марину. Поэтому мальчики замолкают и ждут, пока пройдет вся колонна.

Потом берут корзины и снова отправляются в путь.

— Купите бублики! Дешевые бублики!

— Бубликов дешевых вам недоставало! Согреешься сразу, наешься до отвала!

— Купите, купите бублики!

В конце октября дни короткие, быстро наступает вечер, и в городе зажигается множество маленьких звезд; они разгораются все ярче, но не слишком ярко — в городе затемнение. Спиру объясняет, что такое затемнение, и Марин вспоминает, что во многих местах видал разрушенные, пустые дома, груды развалин среди черных высоких уцелевших от снарядов стен. Вечером на улицах еще больше народу, чем днем, и, несмотря на затемнение, везде сверкают электрические лампочки вроде той, что на чердаке, но побольше. Особенно светло у кинематографа, и

---

\* Национально-демократический фронт.



Марин долго смотрит на цветные и черные картинки. Вот очень красивая женская головка. Лицо нежное, кроткое, черные шелковистые волосы. «Слепая Венера», — читает Марин рядом с картинками, и сердце его наполняется жалостью к несчастной Венере. Тут же изображена другая девушка — молодая блондинка, прыгающая на одной ноге. «Хочу выйти замуж», — читает Марин афишу и сочувственно кивает головой: девушка уже на возрасте, ей пора ходить на хору \*. У них в Бурдушештах тоже так: когда девушка вырастает, она начинает выходить на хору и танцует там до тех пор, пока ее не возьмет какой-нибудь парень и не поведет в церковь к священнику, отцу Допу. В другом месте написано: «Буги-вуги», — и даже Спиру не может сказать, что означают эти смешные слова. Но он утверждает, будто все, что изображено снаружи на картинках, внутри пляшет и движется на белой стене и что в зале такая темнота, просто хоть глаз выколи, а за вход надо заплатить очень много денег. И что картинки не только движутся на полотне, но и разговаривают. Впрочем, Марин и сам слышит: на улицах около каждого кинематографа висит квадратная серая коробка, и из нее слышится музыка или какой-то хриплый голос произносит чудные слова на непонятном языке.

Очень приятно бродить целый день по Бухаресту, жалко только, что приходится таскать за собой корзинку с бубликами; хоть бубликов постепенно и становится меньше, корзина, чем ближе к вечеру, все тяжелеет, и ноют руки и плечи, и от голода урчит в животе, а от ходьбы по камням и асфальту босые ноги будто наливаются свинцом и болят. И глаза начинают закрываться сами собой, и становится холодно, и ты возвращаешься домой к господину Ликэ по неизвестным темным улицам, засыпая на ходу, а в ушах все звенит и звенит:

— Купите бублики! Горячие бублики!

---

\* Х о р а — традиционные гулянья, устраиваемые в румынской деревне по праздничным дням.



## Вечерний отчет

### 1

Прошло недели две.

Вечер. Мадамана на кухне одна. Огромная плита, как всегда, пышет жаром. Мадамана вспотела; она вытирает тряпкой большой стол и придвигает к нему стульчик без спинки. Потом через заднюю дверь выходит в темный коридор, соединяющий кухню с жилищем господина Ликэ, и попадает в переднюю. Здесь стоит стул с высокой, как у церковных кресел, спинкой; ручек у стула нет, но на спинке до

сих пор еще видны их следы. Мадамана тащит стул на кухню и тщательно устанавливает его у внутренней стены, как раз посередине. Затем она снова выходит и приносит из той же передней маленький столик, который ставит справа от стула. Потом еще раз подметает пол, обводит помещение взыскательным взглядом, чтобы убедиться, все ли в порядке: по обыкновению вытирает мокрые руки большим засаленным и тоже мокрым фартуком и уходит. Оказавшись снова в передней, она стучит в левую дверь и, не дожидаясь ответа, приоткрывает ее.

— Готово, господин Ликэ, — сообщает она, не заглядывая внутрь.

— Хорошо, — слышится из комнаты.

Мадамана возвращается в кухню, и через минуту там появляется госпожа Мими, в том же халате, что и утром, с большой зеленой приходной книгой под мышкой и карандашом за ухом.

Усаживаясь за стол, она долго вертится на стульчике, стараясь найти наиболее удобное положение для своего широкого зада.

Входит господин Ликэ, на нем мягкие домашние туфли, красный халат, расшитый шнуром, с шелковыми отворотами и кистями, что придает ему гораздо более внушительный вид, чем обычно. Господин Ликэ тоже держит что-то под мышкой. Это железная шкатулка. Он опускает ее на столик. Внутри шкатулки — другая, из жести. Только когда эта последняя вынута из нее и поставлена рядом, можно разглядеть, что лежит в шкатулке-футляре.

Господин Ликэ уселся на большой стул; он прям и величествен, как феодал, ожидающий своих вассалов, которые придут, чтобы принести сюзерену дары и молить его о защите.

Тем временем со двора доносится приглушенный шум: возня, беготня, удары, крики, жалобы...

Что же там происходит?

Могущественный Силе с царственным видом стоит у двери кухни. За его спиной идет молчаливая, но упорная борьба за то, чтобы занять место поближе, а может быть, и еще по какой-либо причине. Вот,

например, Енаке Стэникэ, по прозвищу Хромой, еще более исхудавший, чем прежде, пока Леший шепчется о чем-то со Спиру, пытается засунуть руку в его сумку с деньгами. Тощая черная рука тянется осторожно, на лице Енаке почти страдание (ведь он обкрадывает друга!) и даже страх. Но — хап! — он схватил несколько монет и бумажек. Марин замечает что-то неладное и быстро оборачивается. Но между ним и Енаке вдруг возникает губастый Гицок. Что это, случайность или обдуманный план? Как бы то ни было, Марин набрасывается на него; еще секунда — и все трое уже на земле. Они тузят друг друга как попало, а остальные, воспользовавшись случаем, роются в оставленных на произвол судьбы корзинах.

Впрочем, это не единственная потасовка. Силе подходит к дерущимся и щедро награждает их пощечинами и пинками. И хотя его удары не имеют определенной цели и не говорят о предпочтении к кому бы то ни было, они успокаивают. Во время таких драк ребята держат корзинки в руках или ставят их рядом, а сумки висят у них обычно на шее или через плечо; так что частенько эти предметы используются как метательные снаряды и щиты, а чаще просто мешают сражающимся.

На кухне Мадамана ловит каждое движение хозяев; все происходит по раз и навсегда заведенному ритуалу. Когда Мадамана, перехватив многозначительный взгляд Ликэ, заключает, что все готово, она распахивает дверь на улицу и бросает в холодный ночной воздух свое сакраментальное:

— Готово!

Не успевает Мадамана произнести это единственное слово, как на кухню врываются, неся с собой холод и беспокойство, Силе, Йордаке и Марин, которому удалось все же проникнуть в первые ряды. Ослепленные ярким светом, они движутся быстро, но неуверенно. Марин и Йордаке остаются у дверей с корзинками в руках; они натыкаются друг на друга, толкаются и лишь изредка отваживаются поднять глаза.

Силе с каким-то свертком кидается к хозяину и расстилает у его ног маленький коврик, потом с шумом опускается на колени, целует руку Ликэ и, не переводя дыхания, выпаливает:

— Готовы к отчету, крестный.

Ликэ с минуту молчит, потом произносит, словно отпускает грехи:

— Хорошо, Силе. Ступай на свое место.

Силе молча поднимается, одним кошачьим прыжком оказывается у стола госпожи Мими и послушно прислоняется к стене. Над его головой прибита почерневшая и покособившаяся от пара и времени картинка на религиозную тему. Мадамана перед ней крестится, не сознавая, что совершает тяжкий грех, ибо картинка не православная, а католическая.

Когда Силе встает, подходит Марин и, поставив свою корзинку справа от коврика, падает на колени и прикладывается к руке крестного. В дрожащих — то ли от усталости, то ли от страха — руках он, как приношение, держит сумку.

Ликэ мечтательно смотрит куда-то поверх головы Марина, а тем временем гнусавый, хрипловатый голос госпожи Мими долдонит:

— Марин Боатэ... Долг — пять тысяч двести шестьдесят лей. Взял сто восемьдесят штук. Должен принести тысячу шестьсот лей.

Читая, госпожа Мими скользит указательным пальцем по цифрам на засаленной странице приходной книги и выставляет напоказ массивное обручальное кольцо и перстень с рубином.

Ликэ очень внимательно следит за тем, что читает госпожа Мими, запоминая цифры. Когда Мими кончает, он еще несколько мгновений смотрит куда-то в пустоту. Потом опускает на Марина неестественно кроткие глаза. Нет, он не выглядит в этот момент грозным, хотя немного угрюм или, скорее, озабочен.

Марин теперь дрожит еще сильнее без всякой видимой на то причины.

— Эх ты, Леший, Леший! Эх ты, сын Боатэ! — начинает, наконец, Ликэ своим тонким, тягучим, на-

смешливым голосом. — Нет в тебе торгового таланта. Всегда ты в убытке. Ну что скажет твоя мать, когда узнает, что из тебя ничегошеньки не вышло, а? Да над тобой вся деревня смеяться будет! Ай-ай-ай, Леший, Леший! Ты и меня хочешь на посмешище выставить, что не сумел из тебя, как из других, торговца сделать!

Разговор тянется в таком же духе, пока Ликэ берет сумку из рук мальчика, высыпает ее содержимое на столик и начинает считать деньги, откладывая банкноты в одну сторону, монеты — в другую и сортируя их по достоинству на отдельные пачки и столбики.

Марин украдкой бросает на столик униженный, озабоченный и вместе с тем нетерпеливый взгляд. Отросшие волосы двумя желтоватыми вихрами упали ему на лоб и почти соединились с длинными бровями. Бледное лицо кажется довольно грязным. У глаз следы слез, пролитых недавно во дворе. В уголках рта тоже какие-то пятна. Вероятно, он что-то жевал — какое-нибудь сморщенное, но еще сочное яблоко. На тонкой, как стебель кабачка, шее блестит пуговица рубахи, такой же черной, как старые калоши с красными резиновыми заплатами, привязанные веревкой к обернутым портянками ногам. Все его существо дышит неизъяснимым страхом, который оказывается не напрасным, потому что Ликэ снова принимается выговаривать ему своим тонким голосом, скаля зубы в издевательской усмешке. Марин мысленно сравнивает хозяина с дьяволом, намалеванным на стене бурдушештской церкви, или с их священником Допом, когда тот готовится дать тебе десять розог по рукам.

— Нет, не получается у тебя с выручкой, Леший, ничего не получается. Ну что мне с тобой делать, просто не знаю; я уж тебе и красивую корзинку выдал, и сумку, и харчи даю, взятку за тебя плачу господам Маринеску и Митаке... А ведь как твоя мать меня просила, ай-ай-ай, как просила! «Возьмите вы его, господин Ликэ, возьмите, сделайте из него человека — нечем мне его кормить...»

Ликэ неожиданно меняет тон:

— Тысяча четыреста восемьдесят лей! — кричит он особым голосом лавочника, способным перекрыть галдеж покупателей.

Силе смотрит на Марина с презрением.

Госпожа Мими слюнявит химический карандаш и начинает подсчеты.

Губы Марина слегка вздрагивают, он не может справиться с этой дрожью. Ликэ протягивает руку и, ухватившись за желтоватый вихор, медленно тянет его вверх и закручивает, продолжая другой рукой раскладывать банкноты в шкатулку, а монеты — в коробку с отделениями, стоящую рядом.

— Эх, ты, Боатэ, Боатэ! Отошлю-ка я тебя назад, к матери... Пешком. Подыхай на дороге! Никуда ты не годишься, одни от тебя убытки!

Большие глаза мальчика наполняются слезами. Лицо кривится все больше по мере того, как Ликэ тянет его за вихры.

— Пять тысяч четыреста двадцать лей долга, — торжествующе объявляет госпожа Мими, не отрывая глаз от приходной книги и уверенно водя карандашом по замусоленной странице.

Госпожа Мими ошибается в расчетах. Ошибается хоть и преднамеренно, но скромно (так по крайней мере думает она).

Марин тихонько вздыхает. Раздраженный Ликэ, словно подозревая, что Марин хочет выскользнуть из его рук, отпускает волосы и несколько раз бьет мальчика по лицу сухими, короткими ударами.

— Да ты еще и жулик, Леший! Хочешь улизнуть, а? Избежать наказания?

Каждый вопрос сопровождается пощечиной. Голос Ликэ меняется. Он уже больше не тонкий и певучий. Он похож скорее на хриплый лай, а удары становятся все более сильными и свирепыми.

— Да ты просто вор! Куда деваешь деньги, а? Вот погоди, бог-то все видит, не миновать тебе, грешнику, ада!

После каждого удара Марин покорно поворачивает голову к Ликэ, боясь еще хуже разозлить его.

— Один «фараон» взял... — лепечет он сквозь рыдания, — говорит, что у него тоже дети.

— А, «фараон»! — и Ликэ снова дает ему пощечину.

— ...и Хромой украл у меня... несколько монет... ей-богу... не сойти мне с этого места... если я чего взял, — продолжает доказывать Марин в промежутках между ударами.

Ликэ приостанавливается и обращается к Силе:

— Крал у него Хромой деньги?

— Как бы не так! — отвечает Силе, вытягиваясь в струнку. — Врет он все, крестный, — прибавляет он мстительно.

— Ты слышишь, Леший? Слышишь? — продолжает Ликэ и в качестве заключительного аккорда отвечает Марину удар по макушке. — Слушай, парень, у меня не очень-то поворуешь. Да ты ведь ленив. Стоишь пялишь глаза на картинки. Бездельничаешь, а у тебя в это время крадут бублики, а может, ты и сам их съедаешь, потому что по обжорству с тобой никто не сравнится.

Голос Ликэ снова меняется. Теперь это голос безжалостного судьи:

— Пошел вон, мерзавец! Мадамана! Двухдневный пост!

Обводя глазами присутствующих и словно приглашая всех в свидетели, Ликэ продолжает:

— Как? Я должен тратить состояние и брать себе в ученики всяких хамов? Я тоже немало в жизни перенес, но всегда оставался честным и достойным человеком, не то, что этот...

При последних словах Ликэ указывает на Марину носком туфли, одновременно пиная его с такой силой, что тот чуть не падает.

— Эй, ты, слышишь? Завтра не приходи с такой выручкой, лучше прямо бросайся под трамвай!

Но мальчик уже плохо разбирает, что ему говорят. У него звенит в ушах, лицо горит, колени болят. Он с испугом и ненавистью смотрит на Силе, потом обращает на Ликэ взгляд, в котором светится раскаяние, стремление исправиться и не приходить



завтра «с такой выручкой». Сквозь слезы ему, возможно, видится огромный звенящий серый трамвай; передняя решетка, как капкан, готова поглотить Марина, а он, брошенный наземь, катится по мостовой.

Он пытается поцеловать «крестному» руку, но тот грубо отдергивает ее. Ошеломленный Марин встает и, не поднимая глаз, волоча за собой корзинку, нетвердыми шагами направляется к двери. На его штанах висит вырванный серый клоч. Ликэ смотрит ему вслед. Лицо его приняло обычное, немного насмешливое выражение.

— Припиши ему еще сто лей, и пусть Мадамана зашьет ему штаны... Урод! Мало того, что приходит с убытком, еще и рвет одежду, думает, я ему новую сошью.

Госпожа Мими снова слюнявит химический карандаш и переправляет четверку на пятерку.

Мадамана кричит вслед Марину:

— Эй, оставь их на сундуке, я тебе зашью.

В дверях Марин сталкивается с Енаке. Во взгляде Хромого сочувствие, испуг, раскаяние и, быть может, мольба о прощении. Но Марин ничего этого не замечает, он хмуро плетется вон.

Енаке садится тут же около двери, бросает вокруг быстрые испуганные взгляды, как дикий зверь, готовый при малейшей опасности снова скрыться в свою берлогу.

У ног Ликэ находится новый вассал, Иордаке. Это мальчуган с добродушным, но жуликоватым лицом, толстыми, как айва, щеками и вялыми движениями. Лоб его почти исчезает под длинными волосами. Иордаке уверенно протягивает сумку и украдкой вдыхает запахи, поднимающиеся над плитой.

— Иордаке Смынтына, — снова раздается голос госпожи Мими. — Долг четыре тысячи сто тридцать лей. Взял двести штук. Должен принести две тысячи триста лей.

Господин Ликэ напряженно слушает; Мими, называя цифры, грызет конец карандаша и одновременно краем глаза следит за Мадаманой.

— Посмотри, капуста уже утушилась? Отставь ее в сторону! — ворчит она.

Господин Ликэ берет сумку Иордаке и начинает считать.

Тем временем Марин, волоча за собой корзину, уныло бредет по двору. Около него собираются все ребята. Как школьники вокруг ученика, только что сдавшего экзамен.

— Эй, ты, скостили тебе?

— Били, что ли? — сочувственно спрашивает другой.

— Ну, как выпутался? — с любопытством осведомляется третий.

— Он его избил, — объявляет четвертый.

— Раз он балда! Одно слово — Леший! — издается Жаравете.

Но Марину не до шуток. Он молниеносно оборачивается и ударяет шутника. Удивленный Жаравете секунду колеблется, потом дает сдачи. Завязывается драка. Ребята кольцом окружают драчунов и, несмотря на темноту, то и дело поглядывают, чтобы никто не вышел из кухни или от Ляны. Марин побил противника. Жаравете поднимается с земли, утирая нос, из которого идет кровь.

— Вот погоди, скажу про тебя Силе. Увидишь тогда...

Марин, гордый своей победой, не слушает Жаравете и уходит в глубь двора.

На кухне Ликэ кончил подсчитывать и сортировать деньги Иордаке.

— Эй, Иордаке, иди-ка ты к Силе, пусть он тебя пострижет. Ишь, патлы отрастил, как цыган! Запиши ему пятьдесят лей за стрижку! — бросает он госпоже Мими.

Иордаке, хлопая глазами, смотрит на Силе, тот ухмыляется.

— А ну-ка, Иордаке, — продолжает Ликэ, — скажи мне, ты знаешь, сколько денег принес, или не знаешь?

— Не знаю, крестный, — торопливо заверяет Иордаке.

— А ведь врешь, знаешь. Думаешь, мне Силе не сказал, что ты научился считать?

— Я? Научился немного, только до тысячи, — скромно признается Иордаке, бросая новый, на сей раз враждебный, взгляд на Силе, продолжающего ухмыляться.

— И ты можешь побожиться: «Чтоб мне стать вот таким, если я знаю счет дальше»?

Ликэ сует под нос Иордаке скрюченный указательный палец.

— Чтобы мне стать вот таким, крестный, если я знаю счет дальше тысячи! — поспешно произносит тот.

— Смотри не ври, не то пресвятая богородица услышит, и сестра твоя в страшных муках умрет, если врешь.

— Это я-то вру, крестный? Пусть отсохнет моя рука, если вру!

— Две тысячи семьсот шестьдесят! — выкрикивает Ликэ голосом лавочника.

Госпожа Мими смотрит на него с некоторым удивлением, но потом покорно принимается считать.

— И откуда у тебя столько денег? У Лешего, что ли, украл, а? — снова начинает Ликэ, ухватившись одной рукой за его чуб, а другой укладывая деньги в коробку.

Иордаке стоит, мотая головой, как молодой баран.

— Не крал я у Лешего! Я продал дороже лицеистам из Лазаревского.

— Что ж, молодец! Браво! — одобряет Ликэ. — Торговец должен уметь назначить цену, — обращается он уже ко всем. — Так повелел торговцам господь бог: купи подешевле, продай подороже. Покупателя можешь и обмануть. Это не грех. Грех, когда надуваешь хозяина или идешь за большевиками. Вот что грех!

— За ним еще три тысячи семьсот семьдесят, — объявляет госпожа Мими после долгих размышлений.

Но Ликэ притворяется, что не слышит.

— А ну-ка, протяни лапы! — приказывает он Иордаке.

Лицо Иордаке немного мрачнеет, но он подчиняется.

— Разожми как следует пальцы! — прикрикивает на него Ликэ и, будто в шутку, дает ему затрепщину.

Потом Ликэ нагибается и внимательно разглядывает руки Иордаке.

— Ага! — пронзительно и торжествующе кричит он. — У тебя чесотка! Ай-ай-ай, ну и грязнуля же ты! — Ликэ брезгливо морщится. — Почему ты не моешься, а? Или ты хочешь, чтобы все заразились? Тьфу! Отойди от меня! — добавляет он и с сердцем сплевывает.

— Нет у меня чесотки, крестный, говорю, что нет, — вполголоса протестует Иордаке, но все же отскакивает в сторону. — Это от мороза кожа лупится, крестный, а так ничего у меня нет. Умереть мне на этом месте!

Ликэ сердится:

— Чего это нету, а? Чего нету? Ты, что ж, меня учить вздумал? Да много ли ты знаешь, осел ты этаким! У меня, понимаешь ли, чистота. Кто болен — немедленно лекарство! А теперь твой отец станет говорить, что я держу тебя, точно зверя какого-нибудь, в чесотке. Силе!

Силе вытягивается в струнку и ест хозяина глазами.

— Сегодня же вечером смажь его влеминским, слышишь? Протри как следует и смажь. Да так, чтоб заблестел!

Иордаке смотрит на Силе и покорно молчит.

— Ну, тогда твой долг четыре тысячи двадцать, потому что пятьдесят за стрижку и двести на влеминского. Бутылка уйдет, ведь ты вон какой вымахал!

Госпожа Мими слюнявит карандаш и с удовлетворением записывает. Иордаке, решив, что разговор окончен, подходит, чтобы поцеловать «крестному» руку.

— Пошел отсюда, еще меня заразишь чесоткой! Ты дешево отделался. Твой долг уменьшается. Если так пойдет, скоро расквитаешься и начнешь сам зарабатывать.

Иордаке уходит.

Енаке, по прозвищу Хромой, занимает его место, а в двери входит Ницэ.

Оказавшись во дворе, Иордаке так же немедленно подвергся нападению; отличаясь силой, он тут же разбросал мальчишек. На углу его поджидали Марин и Спиру.

— Ну как, поменьше стало? — спрашивает Спиру.

— Поменьше. Только он взял за стрижку и за влеминского, — сердито шепчет Иордаке. — Как же, стану я стричься у Силе, чтобы он мне всю голову ободрал.

— Да. Эта машинка чертовски щиплется, — веско подтверждает Марин: он теперь все знает.

— Старая стала. Но если мы про это скажем, он заставит покупать новую, — предупреждает Спиру.

— Что же теперь тебе делать? — продолжает расспрашивать Марин.

Иордаке отвечает с напускным равнодушием:

— Дам Силе пятьдесят лей и постригусь у Герасе.

— У тебя деньги есть, — задумчиво бормочет Марин. — У тебя долг уменьшается, а у меня все растет. Надо подкопить как-нибудь и расплатиться.

— Расплатишься после дождичка в четверг, — смеется Спиру.

Марин смотрит на него испуганно. Иордаке подтверждает.

— Я здесь уже полтора года и не видел, чтобы кто-нибудь расплатился. Всегда долги. Платишь, платишь без конца!

— Тогда что же делать? — озабоченно спрашивает Марин.

— Что делать? Лучше всего найти другого хозяина или подождать, пока крестный отдаст тебя на Пьяца Маре в трактир «Суп из потрохов». Он так

отдал одного парня, Крецу, и тот сейчас большой человек.

— Как это так отдал? — интересуется Марин.

— Парень научился так хорошо считать, что стал пререкаться с крестным, говорить, что видит, как вместо того, чтобы уменьшать долг, ему приписывают, что знает, мол, он, сколько денег принес, и что...

— Так и я считать умею! — говорит Марин.

— До скольких?

— До тысячи, — хвастается Марин.

— Мало. После тысячи, там еще труднее. В особенности теперь, когда денег так много.

— Эх ты, дурак! Да если крестный услышит, что ты говоришь, получишь столько затрещин и порций влеминского, что небо с овчинку покажется, — предостерегает Марина Спиру.

— Думаешь, мне-то за что он дал влеминского? — хвастается Иордаке. — Силе донес на меня, что я считать умею. «Ах, ты умеешь?» — говорит крестный. Ну, я не будь дурак, говорю: только до тысячи! И все равно он меня стукнул.

— Влеминский хуже всего после порки: дерет — просто глаза на лоб лезут, — комментирует всезнающий Спиру.

— Это точно, — подтверждает Иордаке.

К мальчишкам подошел Жаравете. Он слоняется без дела и, как видно, пытается подслушать, о чем шепчется эта тройка. Иордаке дает ему приблизиться и потом, будто не заметив, толкает.

— Эй, ты, ослеп, что ли? — вопит Жаравете, лежа на земле.

— Так тебе и надо, ябеда! — ругает его Спиру.

Марин сияет. Это тот самый Жаравете, которого он совсем недавно побил. Все трое и подоспевшие к ним ребята образуют импровизированный хор:

— Во-рю-га! Во-рю-га!

Жаравете поднимается, в его круглых глазах злоба и жажда мщения.

А в доме, на кухне, происходит суд над Енаке Стэникэ, прозванным Хромым.

— У него долг семь тысяч четыреста лей, — читает госпожа Мими. — Взял двести пятьдесят штук, должен принести тысячу семьсот лей.

Мими с отвращением смотрит на Енаке. Лицо мальчика осунулось, глаза лихорадочно блестят, он часто и неприятно кашляет.

— Послушай, Хромой, у тебя большой долг. И он все растет. Так и знай, отдам я тебя живодеру, пускай сдерет с тебя шкуру. Может, сделает из тебя рукавицы, хоть на что-нибудь сгодишься, — шутит Ликэ, скаля свои лошадиные зубы.

Енаке таращит большие черные и печальные глаза. Его пугает судьба, которую пророчит ему Ликэ.

— Не отдавай меня, крестный, я заплачу. Обязательно заплачу! — упрасивает он.

— А вот мы сейчас посмотрим, как ты заплатишь, — еще ехиднее продолжает господин Ликэ.

— Две тысячи шестьдесят, — выкрикивает он голосом лавочника после продолжительной паузы, в течение которой пересчитывал деньги. И тут же с приятным удивлением добавляет: — Вот черт! Эй, Хромой! Так это ты украл деньги у Лешего?

— Я не крал, — хнычет Енаке, испуганно озираясь на Силе, с которым он, по-видимому, заключил какое-то соглашение.

— Крал он, Силе, или не крал? — рывкает Ликэ.

— Не крал, крестный, — быстро отвечает Силе. — Стараюсь парень, — добавляет он с видом сообщника.

— Bravo! — продолжает удивляться Ликэ. — Имей в виду: уменьшается твой долг, уменьшается. Ты становишься человеком.

Енаке радостно моргает. Госпожа Мими считает. Ликэ испытующе смотрит на Енаке. Потом, осененный какой-то мыслью, внезапно кричит:

— А ну-ка, дай сюда корзинку!

Енаке меняется в лице. Волоча хромую ногу, он толкает корзину к Ликэ, показывает ее одной и той же стороной.

— Эй ты, калека, ну-ка, поверни ее! — сердится Ликэ.

Оказывается, что корзинка сломана.

— Ну во-от! — удовлетворенно тянет Ликэ. — Испортил прекрасную корзину.

«Прекрасная корзина» очень стара, ивовые прутья ее почернели от времени и подгнили, но Енаке об этом не думает. Он переводит испуганный взгляд с корзинки на Ликэ и с Ликэ на Силе. Потом начинает поспешно оправдываться:

— Один парень от этого Вангеле на меня набросился, хотел бублики отнять, — хнычет он.

Ликэ как будто смягчился. Он смотрит на Силе. Тот легонько кивает головой: мол, это правда, Ликэ немного подобрел, но все еще недоверчив.

— А если вангелист отобрал у тебя бублики, то откуда же деньги?

Енаке заметил, как Ликэ и Силе обменялись взглядами. Все еще всхлипывая и вздыхая, он продолжает сбивчиво объяснять:

— Ну... я его стукнул палкой.. и задел корзинку, в давке... вот она и сломалась... Вангелист побежал... и несколько бубликов выпали на тротуар... и я подобрал... и продал их тоже...

Поняв, что рассказ, лишь отчасти правдивый, сошел ему с рук, Енаке вдохновляется. Он уже не плачет.

— Он думал, если я хромой... он может сделать со мной, что хочет. Он не заметил, что у меня палка есть!..

Ликэ совсем развеселился.

— Вот чертов хромой! Говоришь, так было? И корзина сломана и денег куча? — двусмысленно хихикает он, выжидая, какое впечатление произведет шутка на Мими и Силе. — Очень хорошо, что ты его стукнул. Пусть учится уму-разуму, — прибавляет он воинственно и, обращаясь ко всем присутствующим, добавляет: — Этих вангелистов, где бы они ни попались, надо бить. Это конкуренты, да... С конкурентами нечего нянчиться. Их надо бить, и все!



После этих категорических заявлений Ликэ вдруг снова начинает тянуть нараспев, как торговец:

— Ну, а за корзинку-то ты уж уплати, так будет по чести. Корзинка — это две тысячи лей! Запиши ему тысячу, — решает Ликэ, обращаясь к госпоже Мими. И снова обращается к Силе: — Может, и починим ее. Дай ему другую! Ну, целуй руку своему крестному! — благосклонно обращается он к Енаке. Тот наклоняется и целует руку благоговейно и радостно: дешево отделался.

— Долг девять тысяч двести пятьдесят лей, — объявляет госпожа Мими, не замечая, что кончик языка у нее темно-фиолетового цвета.

Енаке тащится к двери, волоча за собой корзинку. Ницэ припадает к стопам Ликэ. Входит Спиру.

И так без конца: один входит, другой выходит, господин Ликэ считает деньги и ворчит, госпожа Мими подводит итог и пачкает химическим карандашом кончик языка, Мадамана возится с кастрюлями, а Силе стоит на своем месте под картинкой и прикидывает в уме, сколько перепадет ему за истекший день.

## 2

Во дворе Марин продолжает шептаться с Иордаке и с Гицоком. Когда дверь кухни распахивается и появляется Енаке, в глазах Марина загораются злые огоньки. Настроение у Енаке, видимо, хорошее. Ковыляя, он с трудом пробивает себе дорогу сквозь толпу мальчишек, что не мешает ему с победоносным видом отвечать на обычные их расспросы.

— Эй ты, тебе скостили?

— Мне бы скостили, да вот корзинку я сломал. Ей-богу, скостили бы! — хвастается он. — Я этому вангелисту как дал, а...

Но тут Енаке внезапно умолкает. Рядом с ним оказывается Марин: он оставил Иордаке и Спиру и незаметно подошел к Енаке.

— Ты ему дал, да? Ты ему дал? — все более угрожающе повторяет Марин.

Енаке пытается выдержать мрачный взгляд Марина, ответить на него сердито и вызывающе, но тут же отступает. Марин замахивается. В нем горит огонь мщения. Енаке пригибается и становится вдруг несчастным, беззащитным.

— Не бей меня, Марин. Не бей, — просит он. — Подожди, я тебе верну. Ей-богу, верну. Честное слово! У меня денег не хватало, страшно было идти, — канючит он.

И вдруг начинает кашлять бесконечным сухим кашлем. Хочет сказать еще что-то, но не может. Глаза его блестят, впалая грудь сотрясается от жестокого кашля, и он выглядит таким больным и слабым.

Марин застыл с поднятой рукой. Подумал, подумал и опустил ее.

— Счастье твое, что ты больной... но ты мне больше не друг! — заключает он решительно и важно удаляется.

Енаке, продолжая кашлять, печальными и злыми глазами смотрит ему вслед.

Когда подсчеты на кухне окончены, слышится команда Силе, поспешно направляющегося в глубь двора.

— Корзины в сарай!

Мальчишки толпой бегут за ним. Все по очереди протягивают ему корзинки и сумки, и Силе бросает их в сарай. Когда наступает черед Жаравете, тот дольше, чем другие, не отходит от Силе и шепчет ему что-то на ухо. Силе слушает, потом бросает злобный взгляд на Марина. Марин, почувствовав недоброе, приходит в замешательство. К Силе он подходит последним. Взяв у него корзину и бросив ее в сарай, Силе водворяет на место висячий замок и сердито спрашивает:

— Ну, что там у тебя с Жаравете? Дерешься?

Он прячет ключ в карман и направляется к Марину. Стоявшие вокруг ребята незаметно отходят в сторону.

— Жаравете! — кричит Силе.

Появляется Жаравете; вид у него высокомерный.

— Дай ему две пощечины! — приказывает Силе, кивая на Марина.

Марин оглядывается и обнаруживает, что все разбежались. Это заставляет его побледнеть. Но огорчение и испуг сменяются отчаянной яростью. Жаравете становится не по себе при виде твердо сжатого рта Марина. И, так как Жаравете трусит и не осмеливается начать, Силе, не желая терять времени с этими сопляками, подходит к нему и наносит слабый, дружеский «апперкат». Потом молниеносно поворачивается к Марину и со вкусом бьет его по лицу. Тот от неожиданности беспомощно взмахивает руками и падает. В ухе у Марина стоит звон, и ему кажется, что оно совсем разбито, но унижение от этой пощечины, которую он получил при всех, унижение от того, что он повалился, как куль на землю, наполняет его страшным гневом. Разгоряченный Марин вскакивает на ноги, хватая первый попавшийся камень и с силой бросает его в голову Силе... Но Силе — продувная бестия. Он ожидал отпора и вовремя пригнулся. Потом он кидается на Марина, и оба в слепой ярости тузят друг друга кулаками, ногами, чем попало. Ребята окружают сражающихся и подзадоривают их.

— Бей его, Силе!

— Наподдай ему, Леший!

— Держись!

— Хлопни его по башке!

Силе тоже время от времени достается от разъяренного Марина, но Силе гораздо выше, сильнее и, главное, гораздо спокойнее противника, и он награждает Марина ошеломляющими ударами. Дважды Марин падает на землю. Но всякий раз, разъяренный, упрямо поднимается на ноги. Однако на третий раз Силе валит его на спину и, вскочив на него верхом, с хладнокровной жестокостью бьет по лицу до тех пор, пока Марин не перестает сопротивляться. Иордаке благоразумно вмешивается в самом конце.

— Эй, Силе, брось его. А то помрет.

— Вот тебе! — кричит Силе, приподнимаясь и отведывая Марину последнюю пощечину.

Поднявшись на ноги, он обводит всех устрашающим взглядом.

— Еще лезет! Посмотрим, кто сильнее!

### 3

В тот же вечер на кухне голый по пояс Иордаке растирается жесткой тряпкой и смазывается влеминским — грязноватой желто-зеленой жидкостью, пахнущей серой, которую льет Силе. Силе оказал ему милость, разрешил мазаться самому. Иордаке мажется и морщится от боли. Мадамана тоже на кухне, но повернулась к ним спиной. Это зрелище ее не интересует.

— Снимай штаны! — командует Силе.

Иордаке делает ему знак, что увидит Мадамана.

— Ведь она здесь!

Мадамана продолжает чистить кастрюлю и со скучающим видом, не поворачивая головы, сердито ворчит:

— Подумаешь! Будто я не видела голого мужчины. Очень меня это интересует!

Делать нечего. Иордаке разоблачается и принимается растирать бедра.

Дверь, которая через коридор сообщается с апартаментами супругов Постолаке, резко отворяется, и появляется квадратная голова Мицы. Увидев ребят, она вскрикивает: «Ой!» — и убегает.

Силе насмешливо бросает ей вслед.

— Подумаешь, святая! Будто я не знаю, кто тебя испортил! — и подмигивает Иордаке. Тот гогочет.

При словах Силе Мадамана вздрагивает.

— А ты знай свое дело, голодранец! — одергивает она его.

### 4

Наверху, в спальне супругов Постолаке, Ликэ гасит на ночном столике лампу. Некоторое время он беспокойно вертится под красным одеялом, потом

высовывает наружу свою лошадиную физиономию и собирается уснуть. Он лежит смирно, как только что выкупанный ребенок. Госпожа Мими смотрит на мужа сквозь очки в черепаховой оправе, потом кладет книгу к себе на грудь и шепчет:

— Икэ.

Так зовется по ночам господин Ликэ Постолаке.

— Угу! — бормочет он, не открывая глаз.

— Икэ! Опять в шифоньере скопилось около пяти тысяч. Лучше бы их куда-нибудь отсюда унести. Упаси бог, снова какой-нибудь вор заберется!

— Ага! Унесу! — сквозь сон произносит господин Ликэ.

Но госпожа Мими не отстает.

— И этого Иордаке надо бы куда-нибудь отдать. Уж больно он стал нахальный. Еще других испортит.

— Отдам! Отдам! — шепчет Ликэ, словно откуда-то издалека; он готов на любую жертву, лишь бы его оставили в покое.

Госпожа Мими снова берет в руки книгу.

Эта тоже из серии «Знаменитые любовники», к которой, по-видимому, госпожа Мими питает пристрастие: «Эжени де Монтижо, императрица Франции».

Но, прочтя одну страницу, Мими откладывает книгу.

Слабо мерцает лампада, слышится легкое посапывание. Умиротворенные супруги наслаждаются заслуженным отдыхом после тяжкого трудового дня.



**Будь они все прокляты!**

1

Неделю спустя после того вечера, когда Марину суждено было понять, что Силе тоже хозяин, такой же безжалостный, как и другие — господин Ликэ, госпожа Мими, господин Миелу, — только еще более опасный, потому что он ближе и знает жизнь чердака, все ее тайны, и более жестокий, потому что всего на несколько лет старше своих подчиненных и диктатура его еще не признает никаких законов, — неде-

лю спустя после этого вечера поздно ночью в комнате Мадаманы и Мицы не спали.

Темно. Старуха легко и ровно дышит, но глаза ее открыты и устремлены на низкий покоробившийся потолок. Мица, думая, что Мадамана уснула, раза два-три переворачивается на своей жесткой постели и начинает тихонько вздыхать. Вздыхает она украдкой, как человек, который не хочет, чтобы кто-нибудь знал о его страданиях.

Но Мица напрасно надеется, что Мадамана ничего не замечает.

Старуха не забыла зловещих слов Силе. Об этом-то она и думала до сих пор, лежа без сна, несмотря на усталость. А трудовой день Мадаманы поистине бесконечен. Редко когда он бывает меньше восемнадцати часов.

После первого же вздоха Мицы Мадамана затаила дыхание и стала напряженно прислушиваться. Теперь она уже не сомневается: Мица плачет.

— Эй, ты чего? — шепотом спрашивает Мадамана.

Ласковая интонация не вяжется с грубостью слов.

Мица не отвечает, но вздыхает пуще прежнего. Мадамана приподнимается на локте.

— Ревешь, говорю, чего? Болит что?

Слова, произнесенные более отчетливо и также участливо, повисли в воздухе холодной комнаты. Ответа нет. Мадамана решается. Она слезает с кровати и садится на краешек постели Мицы. Девушка зарылась головой в подушку. Только вздрагивает плечо под тонким жестким одеялом. Мадамана протягивает руку и гладит жидкие, пропахшие керосином волосы Мицы. Ладонь у кухарки большая и жесткая, и ласкает она грубовато, — так корова своим шершавым языком лижет еще мокрую шерсть новорожденного теленка. Девушка вздыхает все чаще и свободнее, потом громко всхлипывает.

— Ну, скажи бабке, что с тобой? — хриплым голосом спрашивает старая женщина.

Мица медленно поворачивается к старухе и вдруг разражается рыданиями; она заливается слезами и

безудержно, по-детски всхлипывает. Мадамана гладит ее по щекам. Лицо Мицы, мокрое от слез, поблескивает в темноте. Растрепанные волосы мокрыми прядями прилипли к нему. Мадамана все спрашивает, скорей для того, чтобы что-нибудь сказать.

— Что с тобой? Что случилось?

— Господин Миелу, — бормочет, наконец, вздыхая, Мица.

Рука Мадаманы на секунду останавливается. Лицо становится суровым и жестким, — таким его никто еще не видел.

Она все поняла.

— Будь он проклят!.. — шепчет она с ненавистью.

Мица продолжает плакать. Мадамана гладит ее лоб.

— Ну, скажи бабке. Скажи. Облегчи себя...

И Мица, продолжая плакать и всхлипывать, рассказывает ей свою безысходно-печальную повесть.

## 2

Однажды в сентябрьский день после полудня Миелу, в свитере, без пиджака, возился на заднем дворе с грузовиком Ликэ. Нужно было привести в порядок эту развалину, потому что завтра поутру они с Ликэ отправлялись в дальний путь. С тех пор как поезда стали ходить редко, спрос на грузовик Ликэ сильно увеличился. Весь день он перевозил грузы и людей, пожитки «эвакуированных» и таинственные мешки, набитые товарами, спасенными «из огня», как объяснял Ликэ, скаля в хитрой усмешке свои лошадиные зубы. Кроме лавки, он открыл транспортную контору и назвал ее по имени госпожи Мими — «Святая Мария», надеясь, что название принесет ему счастье. Дела у господина Постолаке идут хорошо. Только Миелу недоволен, потому что весь день проводит на колесах. Иногда он ремонтирует грузовик только для виду, чтобы иметь возможность провести свободный



вечер в Бухаресте, в одном известном ему местечке, о котором подозревала только Ляна, когда, бессильная что-либо предпринять, она провожала его застывшим взглядом, прижавшись носом к оконному стеклу. Однажды Ляна попыталась увязаться за ним, но Миелу тут же, на улице, ударил ее и заставил вернуться домой.

Однако сегодня Миелу приходится чинить по-настоящему, и от этого он особенно зол. Миелу волочит к мотору брезент, с отвращением сплевывает, раскладывает его под грузовиком и залезает под серое чудовище.

На пустынном дворе (ребята на «постах») показывается Мица с гигантским тазом, доверху наполненным бельем; она развешивает белье на веревку, ловко прикрепляя его деревянными зажимками. И так как конец веревки привязан высоко к балке сарая, Мица идет на кухню и возвращается с табуреткой. Взобравшись на табуретку, она старательно развешивает простыни с монограммой госпожи Постолаке и тянется при этом всем своим нескладным телом подростка, показывая толстые красные ноги и бедра, тянется до тех пор, пока ее старенькое ярко-красное платье не лопається под мышками.

Из-под грузовика показывается огромная голова Миелу: он смотрит вверх, на Мицу. Девушка не знает, что он там, и продолжает по-детски тянуться к веревке. Мице лень спуститься со стула и взять белье из таза, — она наклоняется так, что, кажется, вот-вот упадет, берет вещь двумя пальцами правой руки и перебрасывает ее в левую, как мячик. Миелу застыл и как-то странно посматривает на акробатические упражнения Мицы. Когда девушка низко нагибается, он, не владея собой, отвратительно причмокивает. Мица пугается. Она оглядывается и замечает шофера.

— Ой, как вы меня напугали, господин Миелу! — смеется она, растянув рот до ушей.

Мица слезает с табуретки и переставляет ее подалее. Трудно сказать, что больше испугало ее, причмокивание или мутный взгляд господина Миелу.

Миелу многозначительно ухмыляется и снова сует голову под грузовик. Мица забирает пустой таз и уходит в прачечную.

Миелу провожает девушку глазами. Потом вылезает из-под грузовика и оглядывает двор. Никого. Миелу тоже скрывается за дверями прачечной.

Некоторое время на дворе пустынно. Потом Миелу выходит из сарая и возвращается к грузовику. Он вытаскивает папиросу, закуривает, несколько раз с самодовольным видом затягивается и, наконец, снова исчезает под серой колымагой.

Из-за дощатой двери прачечной доносятся приглушенные рыдания девушки.

### 3

Мица плачет в темной комнате на плече у Мадаманы. Она закончила свой рассказ и немного успокоилась. Мадамана молчит.

— Что делать? Он все время ко мне пристаёт, — с отчаянием в голосе произносит Мица.

Мадамана, словно про себя, бормочет:

— А ведь Силе что-то знал...

— Да. Теперь и этот сопляк ко мне привязался... — продолжает жаловаться Мица.

Мадамана внезапно распрямляет спину. Она хмурится в темноте и принимает невероятное, как ей кажется, решение.

— Расскажи про него госпоже Мими. Ей-богу, расскажи ей... — повторяет она, сама не понимая, о ком говорит.

Мица вскакивает как ужаленная.

— Нет, нет! Она меня выгонит! Ради бога, не говори ей, не говори!..

— На твоём месте я бы лучше по миру пошла, — бранит её старуха; голос у неё резкий, а спина по-прежнему прямая. — Не осталась бы я здесь служанкой, чтобы всякая свинья меня марала.

Мица плачет, уткнувшись в подол старухи. Мадамана машинально гладит жесткие, пропахшие ке-

росином волосы девушки, а в это время губы ее не перестают шептать проклятья — кому, это знает она одна.

4

Лавка Ликэ Постолаке находится на улочке Сфынтул Иоан Ноу. На единственной витрине — имя: «Стелиан Постолаке». Над ним белыми буквами по кругу написано: «Из Мехединцев». *«Канцелярские принадлежности и галантерея»*. Товара за витриной маловато: две-три тоненькие пожелтевшие тетрадки, краски «Петух», несколько зеленоватых пакетиков с зубочистками; бумага от мух, ржавые перочинные ножи, коробка с шестью цветными карандашами и три деревянные игрушки: два осла и кенгуру. И все это лежит еще с 1943 года. Пыль и мухи поработали здесь так усердно, что витрина выглядит, как музей древностей. Можно подумать, что купец давно умер, а наследники его какие-то вертопрахи, либо, что торговля не идет и хозяин занялся другими, более прибыльными делами.

Но, как это ни странно, внутри лавки очень оживленно. Помещение узкое, но такое длинное, что дальний конец его тонет во мраке. Сперва такой же длинный узкий прилавок, за которым у окошечка под вывеской «Касса» восседает сам господин Ликэ в сером халате, с лицом, расплывшимся в улыбке. Впечатление тесноты вызывается и тем, что лавка мала. Хотя на полках и у стен разложены кое-какие товары: здесь рулоны бумаги, там — толстый кривой столб из жестяных ведер, вставленных одно в другое и сверхъестественно сверкающих, клиенты не очень-то покупают. Одни беседуют с единственным продавцом, другие просто стоят и смотрят на входную дверь, которая постоянно открыта, или просто перед собой — в пространство. Время от времени они поодиночке подходят к Ликэ и шепчут ему что-то на ухо. Ликэ выслушивает их, как монарх нашептывание вероломного советника, а глаза его при этом устремляются из темной глубины лавки куда-то вдаль, за Пьяца Маре, к Брынковянскому госпиталю. Конечно, клиент пред-

лагает потрясающее дело, — он расписывает его не только словами, но и глазами и руками. Ликэ, не глядя на говорящего, играет кончиком карандаша, прикрепленного цепочкой к подвижной металлической подставке, слушает и молчит. Клиент старается изо всех сил говорить как можно убедительнее, пока, наконец, соскучившийся Будда — Ликэ не произносит несколько магических слов: «мура», «накладная», «липа» или даже «к пальцам не прилипнет», «особое внимание».

Во время одного из таких разговоров в лавку входит дама. На ней каракулевое манто, купленное по случаю, но очень мало потертое. Зеленая плюшевая шляпа тщательно подобрана к только что сделанной прическе и искусно, но чуть крикливо накрашенному лицу. Дама держится с большой важностью и, даже не поздоровавшись, пренебрежительно оглядывается вокруг. Продавец и — как ни странно — все покупатели внезапно становятся очень любезными и внимательными. Все на разные лады лепечут приторно-сладкое: «Целую ручку, госпожа Мими».

Но госпожа Мими не склонна удостоить их ответом. Она бросает на покупателей презрительный взгляд и ждет, пока Ликэ закончит разговор.

— Мура! — прерывает Ликэ своего собеседника.

И тот, рассерженный, отходит в глубь лавки.

Госпожа Мими приближается к окошечку. Все почтительно расступаются. Ликэ с удовольствием смотрит на Мими, но взгляд его рассеян.

— Ты была у парикмахера? — спрашивает он. Мими кивает. Потом возмущенно шепчет:

— Миелу волочит за Мицей. Какой позор! Пожалуйста, вызови его после обеда и отчитай. Так не может продолжаться. Это черт знает что!

Ликэ рассеянно слушает. Глаза его, как всегда, беспокойно бегают по сторонам. Девушка торгуется из-за гребенки... У Брынковянского госпиталя столпились трамваи... Мими, не обращая внимания на рассеянность Ликэ, продолжает:

— Он нас ославит на всю округу. Хорош свояк!

— Ладно, дорогая, — спохватившись, ласково отвечает Ликэ. — Не волнуйся, я с ним справлюсь.

Мими продолжает что-то нашептывать. Мясистые, ярко-красные губы старательно и быстро двигаются. В углу рта у нее родинка.

Потом госпожа Мими берет свою большую сумку и запахивает шубку. Она очень величественна. Комната снова наполняется возгласами: «Целую ручку, госпожа Мими». Окинув всех серьезным, озабоченным взглядом, госпожа Мими отмечает про себя все приветствия и выходит, не удостоив никого ответом, — неприступная королева каракуля.

В лавке возобновляются переговоры.

## 5

Только через две недели Ликэ решается, наконец, на серьезный разговор с Миелу. И то лишь потому, что госпожа Мими, вне себя от возмущения, объявила ему:

— Эта девка наверняка беременна. Или ты, можешь, хочешь растить ублюдков своего зятя?

Кто знает, откуда стало известно госпоже Мими слово «ублюдок». Во всяком случае, оно ей понравилось, казалось оригинальным, и она частенько употребляла его.

Ликэ сегодня в хорошем расположении духа. Ублаженный сытным обедом, он сидит, выставив ноги на середину столовой. С этим Рэдеску\* шутки плохи. Будьте уверены, он припрет к стене большевиков. Не то, чтобы господину Ликэ приходилось когда-либо иметь дело с большевиками, но он чувствует, что хорошего ему ждать от них нечего, что в один прекрасный день они доберутся и до него, хотя пока что никто не обращает на него внимания. Довольный своей

---

\* Рэдеску — глава румынского правительства, образовавшегося 6.XII 1944 года и ушедшего в отставку в марте 1945 года. В правительстве генерала Рэдеску участвовали демократические силы, но реакционные партии играли руководящую роль.

хитростью, господин Ликэ улыбается. Главное, чтобы люди не замечали, что у тебя есть деньги. Живешь скромно, много работаешь, а деньжонки знай себе копят, и никто об этом не ведает. Наконец, когда тебе заблагорассудится, — бац! — все ликвидируешь и становишься рантье. Или нет, не рантье. Лучше заняться более чистой торговлей, так, для отвода глаз, а на оставшиеся деньги финансировать других. Стой себе в тени и дергай за веревочки. В этом все дело: надо уметь управлять другими.

Мысли Ликэ прерваны появлением Миелу: шофер кажется сегодня еще толще, чем обычно, может быть, и он только что пообедал. Миелу садится и нагло смотрит на хозяина. Ему неизвестно, зачем его позвали. Ликэ, наверно, опять хочет предложить ему какую-нибудь сделку, от которой Миелу не получит ничего, кроме неприятностей, а Ликэ останется с барышом.

Миелу приготовился ответить ему, как подобает, дать понять, что времена теперь не те и Ликэ со своим складом на Пиептенарь у него в руках. Когда же, наконец, Ликэ открывает рот, появляется Мица. Она принесла кофе со сливками — любимый напиток Ликэ. Девушка боится взглянуть на Миелу, но тот не обращает на нее никакого внимания.

По мере того как Ликэ, шумно глотая горячий кофе, выкладывает то, что он должен сказать, разочарование на лице Миелу постепенно сменяется наглой и хитрой усмешкой.

— Вот так, Миелу. Мими на тебя сердится. Я тебя своим зятем сделал, зарабатываешь ты достаточно. Брось ты это, Миелу!

— Что же делать, дядюшка Ликэ? Я, что ли, к ним пристаю? Сами лезут, — отвечает Миелу, прикидываясь дурачком и ухмыляясь, хотя упоминание о зарботке его немного разозлило. Он понимает, что сейчас не время предъявлять претензии.

Но у Ликэ есть свои семейные принципы. И он продолжает сердиться.

— Ляна слишком уж с тобой терпелива, вот в чем беда! — говорит он строго.

— А что? Виноват я, что Ляна такая? — огрызнулся вдруг Миелу. «Мало того, что я взял эту идиотку, теперь ко мне же претензии!» — думает он про себя.

— Оставь в покое Ляну, — сердится Ликэ. — Мими говорит, что не может от тебя уберечь ни одной девушки.

— А-а-а, госпожа Мими... Тогда другое дело, — отступает Миелу, но в голосе его сквозит ирония.

— Ну, видишь, как ты ее сердишь? Ты ведь знаешь, какая она! — продолжает Ликэ, уверенный, что Мими — существо высшего порядка и что Миелу это понимает. — Так что... прошу тебя! Образумься! — строго заключает он.

— Я буду благоразумен, дядюшка Ликэ, буду благоразумен, — смиренно ухмыляется Миелу.

— Хорошо, — удовлетворенно произносит Ликэ, думая уже о генерале Рэдеску, и по рассеянности выпивает кофейную гущу.

Не постучавшись, входит госпожа Мими. Она в капоте, по черному фону большие оранжевые цветы. На пышной груди виднеется вышитая розовая комбинация. Мими степенно переводит взгляд с одного на другого. Мужчины молчат.

— Ты сказал ему? — проверяет она.

— Да, сказал, — серьезно и послушно отвечает Ликэ.

Госпожа Мими усаживается на стул перед Миелу, оправляет капот и озабоченно оглядывает себя. Потом, наклонившись к шоферу, произносит:

— Так вот, Миелу. Мы ведь родственники. Неужели ты не нашел кого-нибудь получше, кроме этой дурищи Мицы? Такой мужчина, как ты...

Миелу слушает вначале с неудовольствием: «Ну вот, теперь эта заладила!» Он упорно и злобно глядит на декольте госпожи Мими, потом смотрит ей в глаза. Их взгляды встречаются, и, хотя обоим это неприятно, ни один из них не хочет опустить глаза первым.

— Для вас я что угодно сделаю, госпожа Мими, — галантно заявляет Миелу.

— Готов даже съесть жареного цыпленка, — вмешивается вдруг Ликэ; он слушает их разговор, но мысли его, как обычно, скачут с одного предмета на другой: Миелу, Рэдеску, склад на Пиептенарь...

— Для меня, Миелу... Сделай это для меня, — словно в религиозном экстазе твердит госпожа Мими. Но, сообразив, что сказала слишком много, умолкает. Она чувствует на себе любопытный взгляд Миелу, закрывает словно от холода отвороты капота и добавляет:

— Для меня, ведь мы с тобой свояки!

В конце января Мицу выгоняют.

— Не могу больше держать двух женщин, — жалуетса госпожа Мими. — И потом мне потаскухи в доме не нужны.

— Будь они все прокляты! — заключает Мадама на свои наставления Мице, как дальше жить и что делать.





## Черная городская зима

### 1

Зима в городе совсем другая, чем в деревне, думает Марин, припоминая все зимы, проведенные в Бурдушештах. В деревне зима очень белая, все время идет снег, много снега, и все вокруг бело: и земля, и небо, а дома долго-долго, до самой весны, не снимают своих пуховых белых шапок. В Бурдушештах зимой все сидят дома, у печки. Мало кто выходит на улицу: разве что по делам или в воскресенье в церковь. Ма-

рин же с братьями и тогда не выходит, потому что им нечего надеть.

А здесь, в Бухаресте, зима гораздо чернее. Да, именно чернее. Не успеет лечь на больших улицах пушистый снег, как тут же под колесами машин становится желтым; потом подтаивает и делается грязным и, наконец, совсем исчезает, обнажая серые камни мостовой и желобки между ними, черные, как мазут. Что снег в Бухаресте не такой белый, как в Бурдушештах, видно и по сугробам, в которые его сгребают (а здесь многие занимаются этим, не то что в Бурдушештах). Сугробы начинают таять, и чем меньше они становятся, тем больше чернеют.

И еще зима здесь черная из-за улиц — их слишком много — и из-за людей, которые день-деньской мечутся туда-сюда, и еще потому, что здесь холодно и грустно. В городе даже в трескучий мороз ветер швыряет в тебя не серебристую россыпь, а черную, гадкую пыль, которая лезет в глаза, в рот, просто непонятно, откуда она только берется.

Да, зима в городе черная, черно и на сердце у Марина: он бродит по улицам Бухареста, с трудом волоча ноги, замотанные в портянки и бумагу и обутые в дырявые калоши. Никогда в жизни у него так не мерзли ноги и не трескались так страшно уши и руки. Профессия продавца бубликов не была бы такой тяжелой, если бы ты знал по крайней мере, что вечером вернешься туда, где кто-то тебя пожалеет. Или если бы чувствовать, что ты тоже зарабатываешь копейку и можешь себе что-то купить или отложить кое-что, и когда-нибудь — летом, осенью, бог знает когда — поехать в Бурдушешты, чтобы показать людям, сколько ты заработал, и чтобы о тебе потом говорили в селе, как о работающем и полезном в доме человеке.

Как прошли эти месяцы — декабрь, январь, февраль, — Марин даже и не мог сказать. Иногда ему казалось, что недели бежали одна за другой, как весной полноводная река. А иногда представлялось, что время движется бесконечно медленно, словно ты идешь по черному озеру с вязким дном, и пока поднимешь ногу и снова поставишь ее, проходит год и

еще целое лето. Столько событий за день, и одно хуже другого; а ночью ему бы спать мертвым сном, но тут начинают мучить такие тревожные и яркие сны, что уже не различишь, что происходит во сне и что наяву; и не знаешь как следует, когда держишь в замерзшей руке черствый, но мокрый бублик и когда во сне тщетно пытаешься схватить кольцо желтоватого дыма — то тоненькое, как веревочка, а то расплывающееся в нечто огромное и враждебное.

Но кому какое дело до того, что творится в голове у Лешего под большой шляпой, которую он то и дело сдвигает на затылок, чтобы видеть, что происходит вокруг него.

## 2

Здесь, в городе, то и дело приходится спрашивать у кого-то разрешение, даже на самые обычные вещи. Вот сейчас, например, Марин идет по бульвару Домницы. Он с трудом волочит промерзшие, тяжелые, как камни, ноги. Корзинка еще очень тяжелая. Торговля шла сегодня неважно, хотя уже приближается обеденное время. У Марина нет даже сил кричать, предлагая свой товар. Он держит корзину в левой руке, а пальцами правой проводит по круглым черным прутьям железной решетки. Ему нравится звук, который издает замерзший металл, и он развлекается, ударяя ногтями по железу, то часто, то редко, то сильно, то слабо, как заблагорассудится. Он похож на школьника, который, возвращаясь домой, забавляется, чтобы скоротать дорогу.

Но вдруг замечтавшийся школьник исчезает, и снова появляется предусмотрительный продавец бубликов. Взгляд его становится быстрым и острым. Он молниеносно осматривает все близлежащие углы и, как заяц, удирает в первую же боковую улицу. Происходит это потому, что в каких-нибудь тридцати метрах перед собой он замечает хорошо знакомую фигуру, при появлении которой сердце его всегда екает, — полицейский в рыжеватой форме, круглой фуражке, с резиновой дубинкой. Спина мальчика не

раз уже отведала удары этой дубинки; вскоре от них на тонкой коже появляются большие синяки, которые исчезают лишь через несколько недель.

Леший бежит так, что только пятки сверкают. Перед тем как завернуть за угол, он оглядывается и снова бежит, пока не устает рука, держащая корзинку. Тогда приходится остановиться. Он совсем запыхался. Довольный, что вовремя скрылся от опасности, он садится передохнуть.

Но не проходит и минуты, как рядом с ним вырастает хорошо знакомая фигура в рыжем мундире; неизвестно, откуда она появилась, может быть, сзади, из подворотни.

Грубый голос заставляет Марина похолодеть от ужаса.

— Эй, ты, слушай, есть у тебя разрешение?

Когда сердце Марина перестает бешено колотиться и с лица исчезает выражение ужаса, он бормочет:

— Есть, господин полицейский, есть. Как не быть?

— А ну-ка, покажи!

Марин дрожащими руками шарит в сумке, в карманах, за пазухой и даже в шляпе. Тем временем «господин полицейский» смотрит на корзинку и выбирает — не глазами, а рукой — несколько бубликов.

— А посвежее у тебя нет?

Марин забывает о разрешении. Впрочем, забыть нетрудно: разрешения у него и не бывало. Он роется своими грязными руками в корзинке и отыскивает, наконец, «более свежий». Полицейский преспокойно сует бублик в карман и поворачивается, чтобы уйти. Глаза Марина расширяются от ужаса. Он знает, что ему будет за это во время «вечернего отчета». Набравшись храбрости, он кричит:

— Господин полицейский! Деньги!

Полицейский смотрит на него удивленно и сердито.

— Какие еще деньги? Где разрешение? Вот сейчас я покажу тебе такие деньги, что с места не сдвинешься, — добавляет он, многозначительно помахивая резиновой дубинкой.

И величественно, как и подобает повелителю, удаляется.

Марин свирепо ругается себе под нос, берет корзинку и отправляется дальше. «Крестный» не дает им разрешения. Он говорит:

— Ничего, ничего. Пусть хлебнут горя! Учить вас надо, голодранцев!

### 3

Одно из первых слов, которое Марин узнает в городе, это «спекулянт». Рано утром он стоит на перекрестке. Место это выгодное. Люди поспешно сходят с одного трамвая и бегут точно сумасшедшие ко второму. А в это время из второго сходят другие люди, которые торопятся к первому; они сталкиваются, ругаются, и это зрелище забавляет Марина. Иной раз трамваи запаздывают, и люди в ожидании дрожат от холода, беспокойно посматривают по сторонам и, так как многие из них вышли из дому голодные, направляются к Марину, у которого таким образом растет сбыт.

— Эй, почем продаешь? — спрашивает небритый человек с маленькими желтыми глазками, одетый в черное полупальто.

— Двести, две сотенки, — отвечает Марин и, чтобы согреться, приплясывает у своей корзинки.

— Так дорого? — сердится человек в полупальто. — Да ведь это же спекуляция!

Марин в ужасе замирает. Он не понимает этого слова. Может быть, человек плохо его выговорил.

— Двести! — в замешательстве повторяет он.

— Это настоящая спекуляция! — угрожающе произносит покупатель, щупая самый большой бублик.

— Нет, барин, — возражает Марин.

Спиру учил его быть вежливым с покупателями. Человек вертит в руках бублик, маленькие кунжутные семечки падают в корзинку. И вдруг Марину кажется, что он понял смысл слова. Он внимательно смотрит на покупателя. Ему уже приходилось замечать, что эти городские ничего не смыслят в сельском хозяйстве.

— Нет, барин. Совсем не свекляция. Это не свекла, это кунжут, потому и дороже.

Человек смотрит на него сердито. Вздумал издеваться над ним сорванец? Он рассматривает тщедушную фигурку мальчика, стоит еще мгновение — то ли сердится, то ли нет... Потом бросает деньги в корзинку, ругается и, хрустя бубликом, уходит. Марин забирает деньги, кладет их в сумку и смотрит на трамвай. Когда пассажиры сошли, он принимается кричать:

— А ну, бублики! Возьмите бублики! С кунжутом, не со свеклой!

И снова приплясывает, как людоед около своей жертвы.

Подходит студент.

— Эй ты, купец, какие там у тебя бублики?

Женщина давно уже ждет трамвая, который упорно не приходит. Она злыми и жадными глазами смотрит на переполненную корзину. Может, у нее нет денег.

— Хлеба не продают, а бублики на каждом углу!

К удивлению Марина, студент дружелюбно отвечает:

— Что поделаешь, спекулянты!

Однажды в разговоре со Спиру Марин выясняет, что такое спекуляция.

— Покупателям, понимаешь, хотелось бы получать бублики задаром. Да кто ж им даст задаром-то?

Марин мысленно соглашается: «Как же можно задаром!»

— Понимаешь, кто умеет спекулировать, тот молодец. Слышал, что крестный говорил?

Марин про себя замечает, что спекуляция — странная вещь. Покупатели говорят — плохая, продавцы — хорошая. Кто же прав? Разве не нужно продавать как можно дороже, чтобы расплатиться с «крестным»?

В глубине души он решает: когда ему еще раз скажут, что он спекулянт, он надуется и дерзко и сердито ответит:

— Кому не нравится, не покупайте!

В эту черную городскую зиму, когда все и вся словно сговорились доставлять Марину одни неприятности и огорчения, в этой серой безысходной жизни, среди постоянного холода и издевательств, было и светлое пятно. Так в отвратительном болоте, где, насколько хватает глаз, господствуют тусклые, грязные краски, вдруг появляется круглая, белоснежная, бархатистая, сверкающая головка лилии.

Лилии этой примерно одиннадцать лет, на ней — короткое темно-синее пальто, из-под которого видны тонкие ноги в черных чулках, хрупкие и изящные. Зовут девочку Маргарета, Маргарета Черкез.

Марин увидел ее впервые в утренней давке все на том же перекрестке, около магазина Ницэ Стере. Много раз воскрешал Марин в памяти эту сцену.

Девочки — с Маргаретой ее приятельница — ждут трамвая. Марин, как всегда, приплясывает у корзины. Он замечает школьниц, и его взгляд устремляется на ранцы. Оба ранца кожаные. У большой девочки ранец висит на плече, а у той, что поменьше, с тоненькими черными ногами, — за спиной. Марин незаметно для себя перестает прыгать и таращит глаза на ранцы. В Бурдушештах у двух ребят тоже были красивые ранцы. Он думает: как это, должно быть, хорошо, когда у тебя есть чистые книги и ты можешь их читать, когда сидишь в тепле за партой рядом с товарищами, а госпожа учительница рассказывает что-то своим спокойным, приятным голосом! Марин смотрит так пристально, что девочки это замечают и начинают шушукаться.

— Эй, куда ты уставился? — кричит кто-то, и Марин испуганно вздрагивает.

Это покупатель. Марин дает ему бублик, берет деньги и снова мечтательно глядит на кожаный ранец. Особенно нравится ему тот, что за спиной. Лицо девочки почти скрыто под шапкой и шарфом, видны лишь огромные светло-голубые глаза с поволокой и маленький носик, но Марина особенно пленяет ранец — пuzатый, набитый книгами, сверкающий...

Подходит другой покупатель.

Продавец бубликов занимается своим ремеслом, драгоценным, «как золотой браслет».

Когда же он снова устремляет взгляд туда, где стояли девочки, их уже нет.

Но через три дня они появляются снова. Марин не может глаз отвести от ранцев. Девочки подходят совсем близко и все время хихикают, пересмеиваются. Меньшая вскидывает на плечи ранец и собираетсякупить бублик.

— Не бери, Маргарета, они плохие! — отговаривает другая.

Голубые глаза девочки в темно-синем пальтишке обследуют корзинку с товаром.

Марин онемел, что-то сдавливая ему грудь.

— Нет, они очень хорошие! — протестует девочка больше из упрямства. — Сколько они стоят? — щебечет она.

От волнения Марин путает цену.

Другая девочка дуется, что ее не послушали.

— Разве ты не видишь, Черкез, какие у него грязные руки? — ехидно замечает она.

Руки у Марина обмороженные, багровые, с потрескавшейся кожей. Да, нельзя сказать, чтобы они были очень чистые. И если до сих пор руки мальчика чувствовали лишь холод и боль, то теперь они начали гореть. Марин поскорее прячет руки в карманы. Он ненавидит этих избалованных девчонок. Ему хотелось бы, чтобы с ними случилась какая-нибудь беда, большая беда: чтобы они упали, потеряли свои ранцы...

— Неправда! Они посинели от холода, — неожиданно защищает его девочка с голубыми глазами. — Ты ничего не понимаешь, Лили.

Какой волшебник вдруг окутал Марина чудесным ласковым воздухом, воздухом, пахнущим печкой и горячим хлебом? В груди у него заструилась новая, горячая кровь. Лицо пылает, а глаза наполняются слезами и напоминают теперь глаза теленка, вместе с которым несколько месяцев назад он ехал из Бурдушештов.

Девочки поворачиваются и уходят.



— Видела, какие у него красивые глаза?

И, конечно, это тоже сказала Черкез.

Марин ошеломлен.

Как? У него красивые глаза? Он задумывается, но как ни роется в памяти, не может припомнить, чтобы кто-нибудь говорил о нем такие хорошие, такие чудесные слова. Никто, в самом деле никто. Может быть, только раз, когда госпожа Макицеску, учительница, привела его в пример. Она сказала:

— Смотрите, как хорошо читает сын Боатэ.

Но это было давно, очень давно, и он не может припомнить, чтобы госпожа Макицеску еще когда-нибудь его хвалила. У него не было книг, он пропустил уроки. Трудно ему, бедняге, было! А потом мать совсем взяла его из школы.

Чудесные слова продолжали, как белые бабочки, порхать над головой Марина: «У него красивые глаза! У него красивые глаза!»

И где ему было понять жестокость этих слов Маргареты Черкез, девочки в темно-синем пальто, с тонкими ногами в черных чулках, слов, сказанных без всякого стеснения, — так говорят о том, кто не способен понять — о младенце или, еще чаще, о щенке, который нравится.

И он не мог понять, почему при последующих встречах девочки не обращали на него никакого внимания, хотя у него заболели глаза, так старался он поймать взгляд голубых глаз девочки, защитившей тогда с такой ангельской добротой его посиневшие, обветренные руки. Когда же, совсем случайно, ему удалось встретиться с ней взглядом, Марин почувствовал, как тысячи слепящих искр рассыпались вокруг и заслонили от него все. А Маргарета Черкез ничего не почувствовала. Она продолжала щебетать с подружкой, и обе то и дело хихикали над какими-то пустьками, может быть, и над Марином.

Но он ни о чем не догадывался, и не раз на чердаке у Постолаке в мечтах или во сне перед ним являлись голубые глаза. Иногда он старался вызвать их в памяти, чтобы уснуть потом в их волшебных лучах.

Начало февраля. Площадь Росетти. Морозно, но солнце уже предвещает более теплые дни. Марин стоит перед кинематографом «Сити». Теперь он уже научился выбирать людные места: школы, кинематографы, перекрестки. К несчастью, нельзя обосноваться там, где хочется. Все хорошие места заняты. Если остановишься, где не полагается, можно получить хорошую трепку. Вот почему Марин пока не торговал у кинематографов, в «центре». Здесь, на Росетти, безопаснее. Нет конкуренции. Кинематограф тихий, люди сюда ходят солидные, положительные, чаще всего спокойные парочки, и дела здесь идут неплохо.

Возможно, Марина привел к «Сити» также и фильм, который здесь показывают: «Руки Орлака». Он внимательно разглядывает картинки. Внутри кинематографа, в коридоре, тоже картинки, из других фильмов. Снаружи большая афиша: две огромные черные сжатые руки преступника. Марин украдкой смотрит на свои руки и сравнивает их с руками на афише. И есть из-за чего. Словно нарочно, чтобы опровергнуть добрые слова Маргареты, через неделю Спиру устанавливает, что у Марина чесотка.

— Ну просто весь в чесотке, несчастный! — рапортует Спиру Силе.

Таким образом Марину довелось познакомиться с жидкостью Влеминского и испытать на себе, как она жжет. И вот что странно: пока он не знал, что у него чесотка, он, конечно, чесался, но не сильно, как все люди. Нельзя же человеку не чесаться. Но с того вечера, как он узнал, что у него чесотка, начались новые мучения. Зуд все усиливался, точно по телу разливалась едкая жидкость; его прошибал пот, на расчесанных местах образовались язвы. Засыпал Марин очень поздно. Однако и после того, как он подлечился (зимой, когда кожа из-за мороза растрескана и чесотка, как говорят в народе, готова сесть и на пятке, окончательно никто не вылечивался), у него остался страх. Как увидит прыщик, пугается,

начинает чесаться, а потом сам мажется влеминским; от этого кожа горит еще больше. Таким образом, к прежним бедам Марина прибавилась новая, которой он очень стыдился.

Потому-то Марин больше и не ходит по утрам к магазину Ницэ Стере. Как он покажется в таком виде Маргарете Черкез и в особенности ее злой приятельнице?

Лучше умереть.

— Чего ты здесь ищешь, Леший? — раздается вдруг голос Силе.

Парень производит «обход». Как видно, в этом и состоит его ремесло. Силе переходит от одного мальчишки к другому, чтобы удостовериться, находятся ли они на установленных им «постах», заняты ли делом и не случилось ли чего-нибудь особенного, о чем нужно немедленно рапортовать «крестному»; кроме того, у него есть и другие дела, личные.

— Эй ты, чего здесь ищешь? Хочешь, чтоб тебя схватили вангелисты?

— Тебе-то что, если и схватят! — дерзит Марин.

— Дерьмо! — презрительно обрывает его Силе. — Гони две монеты!

Марин с ненавистью смотрит на него, но не двигается.

Силе подходит, сует руку в сумку Марина и, сверля его злым взглядом, берет вдвое больше, чем спрашивал.

— Взял бы поменьше, если б ты заткнул свою плевательницу...

Что поделаешь, Марин терпит. Но он чувствует, как в нем закипает глухой гнев, как бессильная злоба наполняет все его существо. Тем временем Силе от него отходит и направляется к кассе. Купив билет, он снова смотрит на Марина, плюет прямо на его калошу и поднимается по лестнице. В глазах Марина сверкает зависть, ненависть и отчаяние. Он устало берет корзину, на четверть заполненную товаром, и уходит. Нельзя оставаться на этом месте, где все напоминает ему об унижении и позоре.

В уже знакомой нам столовой Ликэ с кем-то разговаривает. Его собеседник, толстый злой старик, то и дело поглаживает порыжевшие от табака усы. На столе — стаканы с вином и домашние пирожные, испеченные госпожой Мими. Старик все время пьет и утирает рукой усы. Госпожа Мими одета строго — ведь она присутствует при деловой беседе! Время от времени она тоже пьет, не спеша, с достоинством. Только Ликэ не пьет; он лишь макает губы в вино.

Ликэ сердится.

— Нет, дядюшка Гикэ, не могу, и все. Не подходит это мне, — плаксивым голосом говорит он. — И так у меня всегда скандалы с ценами. А это уж что-то невиданное. Вдруг сразу на пятьдесят процентов. Нет, ей-богу, это слишком!

Ликэ укоризненно смотрит на булочника Гикэ Берекета. Но старик хитер и неумолим. Он глядит в сторону, на госпожу Мими.

— Ай-ай-ай, и вы еще плачетесь! — удивляется он. — Вы, молодой человек, имеющий красивую, здоровую жену?

— Оставьте, господин Гикэ, к чему эти комплименты? — вмешивается в разговор Мими, польщенная и вместе с тем задетая взглядами бесстыдного старикашки. Лицо ее остается холодным и непроницаемым: к деньгам Мими тоже равнодушна. Она снова наполняет стакан старика.

— На пятьдесят процентов! Откуда мне взять столько денег? Этак я обанкрочусь, дядя Гикэ! — продолжает ныть Ликэ.

— Я за вас не боюсь, — стоит на своем Берекет.

— Это невозможно, — продолжает упираться Ликэ. — Не могу, господин Гикэ! Не могу!

Старик берет в руки стакан.

— Ну, будьте счастливы, и желаю вам достроить дом в Домении.

— Так мы никогда его не достроим, — вставляет госпожа Мими.

— Не могу, господин Гикэ. Не могу, — твердит Ликэ, словно это самый серьезный аргумент.

Ликэ и госпожа Мими остаются с наполненными стаканами в руках, только старик опрокидывает свой, причмокивая и вытирая усы рукой. Берекет с грустью смотрит на пустой стакан и, словно рассердившись, что его больше не наполняют, говорит:

— Ну, если так, что поделаешь! Придется мне договориться с Вангеле. Ну, а если и он не захочет, — старик заранее парирует и этот удар, — беда не велика! Не буду делать бубликов, и все тут. К чему мне скандал? Свертываю производство, батенька мой. Мне есть на что жить!

Ликэ и Мими переглядываются. Это более серьезно, чем они думали.

Госпожа Мими берет слово.

— Мы вам дадим ответ завтра, господин Гикэ. Мы тоже еще подумаем. Подсчитаем. Посмотрим, устраивает ли это нас, а не то, ваша правда, у нас тоже найдется на что жить!

Госпожа Мими вежлива, но надменна.

— Хорошо-о! — несколько угрожающе заключает Берекет. — Я подожду до завтра, пожалуйста!

Он встает.

— Ох-хо-хо, жаль, что моя Софица стара да больна! Некому заняться с этими оболтусами-разносчиками, а то бы я и без вас со всеми делами справился. Тогда б вы увидели, я три дома в Домении отгрохал бы, а не один! — говорит он, уходя.

Оставшись вдвоем, Ликэ и Мими озабоченно смотрят друг на друга.

— Этот осел способен один справиться со всей работой! — выходит из себя Ликэ.

— Погоди, этот старый хрен еще себе любовницу заведет! Чему уж тут удивляться! — соглашается госпожа Мими.

## 7

После этого разговора прошло несколько дней.

Леший неподвижно стоит около своей корзины на углу у лица Лазаря. Его одолевает раздумье. Маль-

чик то и дело надвигает шляпу на лоб, будто принял серьезное решение, но все кончается тем, что он пристально глядит на свои калоши, словно это не калоши, а какие-то диковинные звери.

Двое увлеченных горячим спором прохожих останавливаются около маленького торговца. Результат переговоров между Ликэ, Мими и Берекетом находит конкретное выражение в машинальном ответе продавца бубликов.

— Ты что, с ума сошел? — кричит покупатель. — Пятьсот лей за эту черствую дрянь?

— Не нравится — не берите! — кричит Марин.

Его маленькое лицо потемнело от злости.

— Да ты еще и нахал! — удивляется покупатель. — Вот погоди, бездельник, сейчас позову полицейского!

Поняв, что сглупил, Марин замолкает и берется за корзинку. Он хочет уйти, уйти от этого человека, из этого города, где черная зима...

— Оставь его. Ну, кто он! Несчастный эксплуатируемый.

Неизвестно почему Марину показалось, что его глубоко оскорбили. Все над ним издеваются. Его охватывает холодное бешенство. Повернув голову, он выкрикивает:

— Сам ты несчастный! — и ругается сквозь зубы.

Отведя таким образом душу, Марин убегает.

Зачем его обозвали несчастным? Что, он сам не умеет издеваться? Да еще как! В Бурдушештах, может, и не умел, а уж на чердаке у Ликэ достаточно научился.

И потом еще обозвали «эксплуатируемым»! Этого слова он раньше не слышал и поэтому счел его особенно обидным.

Марин подыскивает другое место для торговли и, позабыв о непонятных оскорблениях, которые ему нанесли, погружается в прежние размышления.

Надвинув на лоб шляпу, он опять смотрит на свои дырявые калоши, точно хочет волшебным огнем взгляда превратить их в гигантские и прочные, желтые, сверкающие ботинки. Правда, когда Марин хмуро

глядит вниз, он вовсе и не видит своих калош. Другое не выходит у него из головы. И вот уже который раз он стремится припомнить все до мельчайших подробностей.

Марин забрел туда случайно. Он любит побродить, может быть, потому, что знает город хуже, чем остальные, а может быть, потому, что так Силе труднее разыскать его. Заметив во дворе девочек, Марин понял, что это, должно быть, школа. Он оглянулся по сторонам. Полицейского поблизости не было. Тогда он прислонил корзинку к основанию железной решетки и принялся выкрикивать:

— А ну, горячие бублики, горячие!

В школах всегда находятся покупатели. Дети любят что-нибудь пожевать. И не спорят из-за цены. Есть деньги — покупают. Нет — тихо уходят. Так и вышло: когда он начал кричать, несколько покупателей подошли к решетке. Одни девочки. Вскоре они собрались здесь целой стайкой, как трудолюбивые, неутомимые муравьи у крошки хлеба. Марин торгует не спеша и с выгодой. Заметив, что у решетки что-то происходит, сюда сходятся и другие любопытные. В их непрерывном щебете Марин слышит голос, показавшийся ему знакомым. Он поднимает глаза и замечает девочку, которую видел у трамвайной остановки. Не Черкез, другую, ту, злюку, которая отнеслась к нему с презрением. Девочка стоит в кругу подруг и что-то быстро говорит своим тоненьким голосом, по временам показывая на решетку. Марину кажется, что речь идет о нем, но слов разобрать он не может.

— Эй, дай сдачи! — пронзительно кричит одна из маленьких покупательниц.

Марин запутался в счете. Голова у него гудит. Если здесь эта злая девчонка, значит и та, с голубыми глазами, где-то недалеко. С тех пор как он видел ее, прошли недели. Правда, Марин все время о ней думал. В его воображении всплывали коротенькое темно-синее пальто, тонкие ноги в черных чулках, голова, скрытая под шапкой и шарфом, и глаза, эти большие ласковые глаза, излучающие сияние, бледно-голубые, как зимнее небо.

А если и она подойдет к нему, чтобы купить бублик, что тогда делать? Как на нее смотреть? Куда спрятать свои большие, посиневшие, растрескавшиеся руки? Руки, которые он натирал жидкостью Влеминского! Уши Марина пылают, щеки бледнеют, сердце бешено колотится. И вдруг, как бы в подтверждение его мыслей, раздается крик:

— Черкез! Черкез!

— Маргарета!

— Черкез, иди сюда!

Марин поднял голову, глаза его лихорадочно осматривают большой двор. Торгует он рассеянно, и маленькие покупательницы удивляются или сердятся.

— Черкез! Черкез!

Как красиво звучит это имя! Он много раз шептал его: Маргарета — цветок; Черкез — небо \*...

— Сюда, дорогая, скорее!

Вот она.

Маргарета Черкез, на сей раз без шапки, в одном красном шарфе, повязанном вокруг шеи, бежит к тем, кто зовет ее. Из общего гама выделяется голос ее подруги, той гадкой девчонки. Сердце Марина переполняется дикой радостью. Черкез бежит грациозно, как козочка, ноги ее едва касаются земли. Кудри разметались, как золотистое ласковое пламя.

Вот она уже близко. Лицо покраснелось. Глаза сверкают, она слегка запыхалась.

— Что такое, Лили? Что случилось?

Из середины группы доносится неприятный голос Лили. Марину он хорошо знаком.

— Маргарета! Посмотри, дорогая, пришел твой любимый!

Девочки хохочут звонким, пронзительным, безудержным смехом.

Сердце Марина остановилось.

Маргарета с недоумением смотрит, куда показывает Лили. На мгновение ее голубые глаза встречаются с «красивыми глазами» продавца бубликов. Марин не в силах улыбнуться. Да он бы и не осмелился.

---

\* Небо по-румынски — «чер».



С неба льется ослепительный дождь, он пронзает его, жжет сладостным огнем.

Голубая молния давно погасла, но он все еще не в силах пошевелиться.

Маргарета Черкез повернулась к Лили.

— Я его не знаю, — с трудом произносит она.

Ее тонкие губы дрожат от злости. Маргарета делает равнодушный вид и не спеша отходит в сторону, не глядя на Лили и на забор.

Девочки продолжают хохотать. Лили смеется до слез и, задышавшись, рассказывает:

— Ей-богу, дорогая! Она сказала, что у него красивые глаза. Вот честное слово!..

Покупательницы Марина вдруг начинают смотреть на него с преувеличенным интересом; потом отходят и присоединяются к смеющимся девочкам.

Оставшись у решетки один, Марин смотрит вслед уходящей Маргарете. Каждый ее шаг наносит рану его сердцу, его самолюбию. Лишь позднее, когда фигурка с тонкими черными ногами исчезла, он замечает, что девочки, стоящие поблизости, показывают на него пальцем и умирают со смеху. Лили царствует среди них, она чувствует полное удовлетворение и уверенно руководит хором насмешниц.

У Марина темнеет в глазах. Он ненавидит эту злую девчонку. Он готов побить ее, вцепиться в нее, оттащить ее за волосы.

Взяв корзинку, мальчик уходит, исполненный стыда и гнева.

Эта черная городская зима (девочки и те одеты здесь в черное) лишила его единственного и последнего тайного утешения...

Весь день он бродит по городу, и черная злоба душит его, как камень, привязанный к шее.

Вечером на чердаке обсуждается, что такое «эксплуатируемый».

— «Исплатируемый» — значит бедный, — высказывает свое мнение Йордаке.

— «Исплатируемый» — это тот, который за все платит, — вмешивается в разговор другой, помысленнее.

— Помолчи, осел! Эксплуатация — это вроде спекуляции, — уточняет Спиру.

— Первому, кто открывает рот, я покажу такую «исплатацию», что он вылетит отсюда к чертовой матери! — гремит разозленный Силе.

«Объяснения» стихают.

Все отправляются спать.

Марин, лежа с закрытыми глазами, решает, что если ему когда-нибудь попадется эта Лили, он всыплет ей по первое число.

## 8

В зеленой приходной книге Мими долг Марина, сына Боатэ, все растет. Да и как не расти ему, коли Леший такой неудачник! Не проходит и недели, чтобы с ним чего-нибудь не приключилось.

Правда, сегодня дела идут получше. Время близится к вечеру. Марин стоит перед входом в сад Чишмиджиу и считает деньги. Товара осталось мало. Удовлетворенный Марин закрывает сумку и кричит во все горло:

— Бублики горячие! С пылу, с жару! Купите скорее, нет лучше товару!

Прохожий снисходительно улыбается. Приободрившись, сын Боатэ кричит как заведенный.

Со стороны улицы Заломита показывается другой продавец бубликов. Это мальчишка поменьше Марина, в военных брюках галифе. Новый торговец располагается рядом с Марином. Хоть мальчишка не из команды Постолаке, Марин относится к его вторжению равнодушно: сегодня дела идут хорошо.

Но малыш вдруг заявляет:

— Эй, ты, сматывайся отсюда! Не нашел себе другого места?

Марин вздрагивает, неприятно удивленный, и смотрит на него. Мальчуган маленький, красный от холода. Марин переходит в наступление:

— А затрещины не хочешь?

Мальчонка не уступает. Увидев, что к ним на-

правляется покупатель, он хватает свою корзинку и кидается навстречу.

Мальчишки начинают толкаться.

— Ну, ну, ребята, не надо! Я у каждого возьму по одному, — мудро и примирительно говорит покупатель.

Когда старик уходит, ребята со злобой смотрят друг на друга и бранятся.

— Ну, ты, тебе чего? — задирает малыш. И с высокомерным видом наступает на Марина.

Мальчишки обмениваются взглядами. Малыш плюет в корзинку и, когда Марин подходит ближе, щелкает его по носу.

Начинается драка.

Результаты сражения легко предугадать. Марин сильнее, и вскоре мальчуган, оказавшись на земле, начинает вопить.

Из-за угла выбегают еще два продавца бубликов немного повыше первого. Они ввязываются в драку будто для того, чтобы разнять дерущихся, но теперь уже нетрудно понять, что малыш просто провокатор.

— Эй, ты, отстань, чего лезешь? — кричит один из них и толкает Марина.

— К малышу пристаешь? — подхватывает другой и с силой толкает Марина в плечо.

Провокатор скулит:

— Он отнял у меня деньги! Он отнял у меня деньги!

— Сколько он у тебя украл? — продолжает разыгрывать сцену один из ребят.

Теперь Марин понимает, что попался «на удочку». Он пытается схватить корзинку и убежать, но уже поздно.

— А ну, постой, куда бежишь? Разве это дело?

— Отдавай деньги!

— Не брал я у него ничего, — в отчаянии оправдывается Марин, в то время как один из агрессоров трясет его. — Он плюнул мне в корзинку...

Но Леший не успел закончить фразу. Кулак угодил ему как раз «под ложечку». Марин скорчился от

боли. Сорванец уже запустил руку в сумку. Марин делает нечеловеческие усилия и, преодолевая боль, выхватывает у него сумку; он действует с отчаянной храбростью человека, который знает, что ждет его вечером дома, если он вернется без сумки. Марин мечется между тремя мальчишками, бьет направо и налево, кричит что есть мочи.

Драка разгорелась вовсю. Какие-то прохожие не спеша подходят к скандалистам и зовут на помощь, чтобы их разнять. Но вот откуда-то доносится свисток, и нападающие уносятся, как ураган, с корзинками и со всем своим добром в направлении улицы Заломита. Марин подбирает свою корзинку. Проверяет, что осталось в сумке. У него текут слезы, лицо поцарапано, и из носу идет кровь. Марину кажется, что среди прохожих, пытавшихся установить мир, он видит ржавую тень полицейского. Он быстро смотрит налево, направо, ищет пути к отступлению — и не находит. Наконец, решившись, бежит к парку Чишмиджиу с такой быстротой, словно за ним гонятся волки.

Он знает: с полицией лучше не связываться.

Вечером госпожа Мими с удовлетворением приписывает новую сумму к долгу Марина Боатэ.

## 9

С некоторых пор в Бухаресте творятся непонятные для Марина вещи. Например, этой черной зимой однажды утром где-то на краю города, на большой фабрике, которая называется Малакса, произошло настоящее сражение... Палили из пулеметов. Многие рабочие были убиты.

— Этих большевиков надо перестрелять всех до единого! — заявляет Ликэ во время «вечернего отчета».

— Эти большевики — враги торговли, — развивает Силе на чердаке «идеи» Ликэ. — Им бы только командовать, а другие чтобы работали, — убежденно разглагольствует он. — Если кто их увидит, смывайтесь: они всех детей от десяти до пятнадцати лет хва-

тают и везут в Бэрэган, чтобы впрячь их в ярмо, как скотину.

Население чердака испуганно слушает. Их особенно возмущает, что «эти большевики» против торговцев. Если не станет торговцев, что ж им тогда делать? Им, приехавшим в город для того, чтобы стать торговцами? И так как каждый из ребят возлагает надежды не только на Постолаке, но и на других торговцев, к которым можно поступить «мальчиками» в лавку, а идеал каждого — самому стать торговцем, им в души западает мысль, что лучше держаться подальше от этих большевиков, от этих коммунистов или вредить им где только возможно.

Поэтому и Марин всякий раз, когда видит какую-нибудь манифестацию, то есть множество людей, идущих посредине улицы с флагами и плакатами, убегают на другую улицу, а если нельзя убежать, отходит в сторонку, в укромный уголок, и оттуда со страхом и почти с возмущением наблюдает, как проходит кричащая толпа. Правда, когда «фенедисты» останавливаются, чтобы послушать кого-нибудь из своих, торговля у Марина идет особенно бойко. Так случалось уже не однажды. В первый раз ему было очень страшно, хотелось убежать, чтобы не отняли товар и не побили, но вдруг показалось, что если побежишь, «фенедисты» поймут, что он за торговцев, и тогда ему несдобровать, и он остался. Потом Марин привык. И теперь, едва завидит Леший демонстрантов, как бежит за ними и не отходит часами, вернее сказать, до тех пор, пока не опустошится корзинка.

Однажды манифестация началась на самом бульваре Братиану, около кинотеатра «Скала». Собралось много народу, и вначале слушали, как кто-то говорил «через громкоговоритель», — это был генерал Рэдеску, как узнал Марин от демонстрантов. Люди эти не были «фенедистами», и Марин чувствовал себя среди них спокойнее, чем обычно. Когда кончились речи, демонстранты двинулись вверх по бульвару Братиану. Марину не очень-то нравилось, что они делали. Например, несколько человек выходили на тротуар и останавливали кого-нибудь из прохожих.

— Документы!

Кто не хотел показывать, получал несколько тумачков или пинков и в конце концов вынужден был их показать. Иных после этого заставляли кричать:

— Долой Фенеде! Да здравствует Рэдеску!

И потом отпускали.

Были и люди, которые кричать не хотели. Таких били. А некоторых били — об этом шептали вокруг, и Марин слышал — только за то, что они венгры или евреи. Пощечины и тумачки сыпались на них, пока не пройдет вся группа, и хотя демонстрация была жиденькая, не такая, как у «фенедистов», но когда человека отпускали, вид у него был очень скверный: одежда разорвана, волосы всклокочены, лицо исцарапано, окровавлено.

Тем, кто пытался помочь таким людям, доставалось так же, если не хуже.

Некоторое время Марин шел следом за манифестацией, потом обозлился и отстал от нее. Не нравились ему эти злые люди. «Фенедисты» казались более порядочными: их было гораздо больше, но они никого не били. Они шли по улице и кричали: «Хотим правительства Фе-не-де»!

Сегодня, например, — Марин узнал это из огромных плакатов, укрепленных на крышах трамваев, — в послеобеденное время снова будет манифестация. И вот после полудня он направился к Пьяца Маре. Прошел Марин и мимо лавки Постолаке. Он издали с опаской поглядел на дверь, но, к его удивлению, лавка была заперта, ставни закрыты и прижаты двумя железными перекладами, на концах которых висели огромные замки.

На площади собралось так много народу, что Марин никогда бы не поверил, что столько людей есть на земле. До Пьяца де Флорь и дальше, до проспекта Рахова, простирается море голов. Довольно скоро — примерно к половине пятого — Марин успел продать весь свой товар. И по хорошим ценам, так как сегодня не то, что обычно: никто не ругает его за дороговизну.

Просто непонятно, почему на него сегодня не кри-

чат. Ведь Марину известно, что «фенедисты» не только против торговцев, но и против спекулянтов. Лучше уйти домой. Марин пробирается сквозь толпу. Его не интересует, да он как следует и не понимает, что говорят люди, которые взбираются на красную трибуну, стоящую у подножия холма Митрополии. Их голоса наполняют площадь, они звучат с каждого столба. А толпа кричит так оглушительно, что Марин бы не удивился, если бы ее слышали в Бурдушештах.

Марин собрался было уйти, но вдруг остановился. Он оказался рядом с группой крестьян. Они слушали, вытянув шеи, как будто человек на трибуне, среди красных знамен, говорил бог знает какие интересные вещи. Марин подошел ближе. Он и сам не понимал, что влечет его: колючие ли бороды или порванные на локтях армяки, опинки со вздернутыми кверху носами или хорошо знакомый запах земли и бедности, запах акации и конюшни, запах пыли и скота.

У самых его ног сидят двое. Они, кажется, слушают не так внимательно, как остальные. Один задумчиво покуривает. Другой медленно жует кусок мамалыги. Время от времени они перекидываются словом, Марин прислушивается.

— Эх, ты, дурья голова! — ворчит старик.

— Это я-то? — удивился другой, тот, что с полным ртом. Потом еще пожевал, пожевал мамалыгу, да и говорит:

— Плюнь мне в глаза, дядюшка Павел, если оно не так будет.

Окурок в руках у старика крошечный, как дымящаяся горошина. Он бросает его и с сердцем сплевывает.

Сверху, из микрофона, текут слова городских людей.

Марин слушает и не понимает. Когда все аплодируют и кричат: «Хотим правительства Фе-не-де!» — молчат только два крестьянина да он.

— Болтаешь ты все попусту, — снова принимает старик бранить своего товарища, когда стихают крики.

— Пока что попусту, а потом посмотрим, кто тебя поддержит. Уж я-то небось знаю.

— Черта с два ты знаешь! Как языком трепать, это ты знаешь.

Старик огорченно и внимательно разглядывает брюки человека, стоящего перед ним. Желтая кожаная заплата, поставленная на черных брюках для прочности, приводит его в восхищение. Молодой прислушивается, словно где-то вдалеке крикнул кто-то, чей голос знаком ему одному.

Марину с ними хорошо. Но, перекидывая корзинку из одной руки в другую и то и дело щупая сумку, он думает, что пора уже идти домой.

Вдруг крестьянин, жевавший мамалыгу, вскакивает и так наваливается на старика, что тот чуть-чуть не падает.

— Ну-ну, ты, медведь! — ругается дед.

Но парень не обращает на него внимания. Выпученными глазами глядит он на красную трибуну. Потом хватает старика за плечи, изо всех сил трясет.

— Слышишь ты? Слышишь?

На его лице застывает радостное изумление: словно разверзлись небеса, и ангелы сошли с неба и манят его слоеным пирогом.

Старик сердито вырывается.

— погоди ты, шут гороховый...

Но вдруг и он умолкает и, не вымолвив больше ни словечка, пытается встать.

Слова, льющиеся из репродуктора, его потрясают.

— ...земля принадлежит тем, кто ее обрабатывает... отдать землю крестьянам...

— Вот видишь? Вот видишь? — торжествующе кричит молодой.

— Замолчи, дурак!

Старик ударяет его кулаком в спину. Молодой, вместо того чтобы рассердиться, радостно смеется. Дядя Павел сдвигает шляпу на затылок: так вроде лучше слышно.

Стоя рядом, Марин смотрит на них. И его теперь поражает то, что говорит репродуктор. Родная дерев-



ня, о которой он не вспоминал вот уже несколько месяцев, мгновенно оживает перед ним. Он видит мать, Флоарю, двух братьев, лачугу. Землю — отдать землю крестьянам. Это значит, что и его мать получит землю. А земля — Марин знает — означает мамалыгу, еду в доме, возможность покупать керосин, ботинки, одежду. Но кто хочет дать землю крестьянам? И почему? И допустят ли бояре и жандармы, чтобы крестьянам дали землю? Как ответить сразу на столько вопросов?

Вокруг него страшный шум.

Совсем рядом кто-то оглушительно кричит. Марин не верит своим глазам: это старик! Он стоит, опираясь на плечо своего товарища, и кричит:

— Хотим правительства Фе-не-де! Хотим правительства Фе-не-де!

Только Марин не кричит. Слишком много мыслей выросло вдруг из засохших корней воспоминаний, слишком много мыслей теснится под старой большой шляпой.

Поэтому Марин не замечает, как двинулась толпа и он вместе с ней. Он держится поближе к тем двум крестьянам.

— Эй, Ницэ, куда нас ведут? — спрашивает дядя Павел, тяжело, вразвалку шагая за толпой. Он снова чем-то недоволен.

— К господарю! Во дворец! Чтобы дал землю! — с важным видом отвечает Ницэ.

— Молчи, дурак!

Немного подумав, дядя Павел решает:

— Нам бы теперь домой податься. Земля-то там, а не здесь.

Ницэ пожимает плечами.

Дядя Павел продолжает идти впереди, в колонне.

За ними шагает, вопреки всем своим убеждениям торговца, продавец бубликов Леший. «Хорошо, если дадут землю!» — думает он. Можно будет вернуться в Бурдушешты. Не навсегда. Марин не отказывается от мысли стать механиком. Но прежде всего надо помочь матери получить землю, потом еще немного поучиться в школе у госпожи Макицеску, —

Марин понял, что знает еще слишком мало, — а потом... Потом он посмотрит. То и дело ощупывая сумку, размышляя о земле, которую дадут Лине Боатэ, Марин машинально шагает вперед. Он и не замечает, как попадает вместе со всеми на Каля Викторией, как проходит мимо здания полицейской префектуры, не обращая внимания, что много народу смотрит на них с тротуаров, и не думает о том, что кто-нибудь из шайки Постолаке может его увидеть и донести на него хозяину.

Лишь на Пьяца Палатулуй \* Марин замечает, где находится. Он давно уже потерял двух своих знакомцев: дядю Павла и Ницэ. Давка теперь ужасная, и он с трудом протискивается вперед из-за корзинки, которая мешает и ему и другим. Но уходить не хочется. Может, будут составлять какие-нибудь списки, тогда он запишет свою мать. То-то удивятся все в деревне, когда увидят, что Марин, сын Боатэ, записал свою мать на землю в самом Бухаресте! А он станет таким важным, что эта дуреха Флоаря больше не посмеет, как раньше, к нему придиратся.

Убаюканный этими радужными надеждами, Марин не слышит первых выстрелов. Только когда люди вокруг начинают волноваться и тесниться к одной стороне, он понимает, что происходит неладное. Короткие и сухие хлопки выстрелов слышатся все отчетливее. Испуганная толпа гудит. Люди кричат, надрываются. Кто-то падает—раненый или сбитый с ног, и все бегут. Бежит и Марин. Бежит так, что только пятки сверкают. Бежит, прижимая к себе корзинку и сумку, и сам не замечает, как добирается до сада Атенеул.

За несколько минут площадь почти совсем опустела. Какие-то люди, собравшись небольшими группами вокруг убитых и около грузовиков, размахивают руками.

Сердце Марина бьется так, что кажется, вот-вот выскочит из груди. Бьется потому, что он бежал, и потому, что ему страшно. Убегая, он видел человека,

---

\* Пьяца Палатулуй — дворцовая площадь.

который корчился на асфальте. Держась за живот, он кричал. Руки у раненого были окровавленные, и рядом растеклась лужица крови. Марин не может забыть эту красную лужу. Ноги у него дрожат, ему хотелось бы убежать домой.

Между тем на площади снова собрался народ. Люди возмущены, яростно кричат. Кто-то взобрался на статую, другой — на решетку дворца, и оттуда что-то говорят, грозят кулаками.

Марину боязно идти дальше. Он стоит в своем укрытии и смотрит. Теперь, когда страх немного прошел, он с жадностью наблюдает за происходящим на площади, а в уме его снова роятся вопросы. Кто стреляет? Почему «фенедисты», именно «фенедисты», которые против торговцев, хотят дать землю крестьянам? И как они отважились вернуться на площадь, туда, где лежит раненный в живот человек и лужа крови, должно быть, растеклась еще больше?

Вскоре его размышления были прерваны. На площади снова начали стрелять. Люди прячутся на боковых улицах, но теперь они отступают медленно, с угрозами и не очень далеко. Как только смолкают выстрелы, толпа снова выливается на площадь, яростная и неутомимая.

Марин тоже полон ярости. Он возмущен теми, кто стреляет. Врагами этих «фенедистов», которые хотят наделить крестьян землей! «Почему бы не дать землю крестьянам?» — в отчаянии спрашивает себя Марин, боясь, что его мечту о том, чтобы получить землю для матери и с почетом вернуться в Бурдусешты, поглотит эта черная зима в большом и злом городе.

Ночь, медленно опустившаяся на площадь, опустилась и на его душу.

Исчезает и мечта о земле, разбитая злыми людьми, которые, прячась в засаде, сеют вокруг смерть и кровь.

Марин, с трудом волоча усталые ноги, ковыляет к дому.

Где-то на бульваре он видит посреди улицы огромный костер. Марин направляется туда. На мосто-

вой горят кипы газет. Ветер подхватывает почерневшие листки и швыряет их в глаза людей, стоящих вокруг. Людей этих немного. Их лица, освещенные дрожащим пламенем, красны, как у чертей. Заинтересовавшись, Марин подходит к костру. Кто знает, может, тоже «фенедисты»? Но нет. Из воплей оратора он понимает, что не они. Это другие, враги «фенедистов». А горит, как говорят стоящие вокруг зеваки, газета «Скынтейя». Человек в сапогах протискивается в середину и мешает ногой газеты, чтобы лучше горели.

— Долой «фенедистов»! — кричит он, и несколько голосов из толпы подхватывают крик.

Марин отходит в сторону. Человек в сапогах кричит еще несколько раз, потом замолкает. Молчат и другие. Марин потихоньку уходит.

Ночь, огромная и тяжелая, давит на город.

Бульвар почти пуст.

Пламя молчаливо угасает.

И вдруг раздается тоненький ребячий голос:

— Хотим правительства Фе-не-де!

Хулиганы удивленно поворачивают головы. Человека два спешат туда, откуда донесся крик. Но виновника не удается обнаружить. Они возвращаются к едва тлеющему костру.

Где-то далеко, по бульвару, сквозь тьму этой ночи, этой черной зимы, бежит что есть духу мальчуган с корзиной в руках.



## Весна приезжает на поезде

### 1

Весна тоже въезжает в Бухарест с Северного вокзала.

Не потому, что она приезжает на поезде (хотя и это не было бы удивительно), а потому, что Северный вокзал — самое большое окно города. Через Северный вокзал в столицу вливается свежий воздух. Теплый и животворящий, он долетает сюда со всех концов родины, и не только родины.

И вот первый признак весны: толпа, жалкая и озабоченная, наполнявшая зимой залы ожидания, ютившаяся во всех уголках, способных хотя бы отчасти укрыть людей от холода, горя и напастей, теперь разбрелась по длинным перронам, многие из которых разбиты во время бомбардировок, или расположилась прямо на ступеньках лестницы, ведущей с вокзала в город.

Люди, которые зимой старались лишь погрузиться как можно глубже в безмолвие сна, теперь вышли на улицу. Они радуются еще не жаркому, но веселому солнцу, очень много говорят, их глаза неожиданно загораются. Особенно ярко блестят глаза у солдат и крестьян — двух категорий людей, переполнявших в последние годы вокзалы.

Раньше солдаты, возвращавшиеся в столицу, были угрюмы. Их желтые лица выглядели постаревшими, мертвенный взгляд, казалось, замораживал все, на что обращался. А уезжавшие на фронт смотрели на небо так, будто над ними навис выкованный из тумана нож гигантской гильотины, невидимый, но грозный.

Теперь же солдаты, которые едут на фронт, словоохотливы. Они с уверенностью смотрят на мартовское солнце; на них новое обмундирование, и гигантский красный лозунг — «Все для фронта» — улыбается им ободряющей улыбкой. Пьянящая близость победы, как крепкое вино, румянит всем лица. Вернувшиеся с полей Венгрии или с гор Чехословакии объясняют тем, кто уезжает, «как там». А уезжают многие: новое правительство отправляет на фронт войска, которые палач Рэдеску держал при себе, надеясь заставить их стрелять в коммунистов.

Но не только весна и солдаты придают новый облик Северному вокзалу. Наибольшее оживление вносят крестьяне: они шумят и толкуются в вагонах с разбитыми окнами, шепчутся и жестикулируют, и на их бородатых суровых лицах из-под потертых кэчул поблескивают быстрые, острые и дерзкие глаза.

Те, кому удастся подслушать их разговор (едва появляется незнакомый человек, они умолкают: немо-

та, характерная для этой зимы, сковывает их — так ряска затягивает поверхность озера, потревоженную змеей), те без труда понимают, в чем причина этого оживления, откуда эти разругавшиеся щеки и блестящие глаза. С языка этих крестьян не сходят два волшебных слова; они слаще меда и пьянят сильнее самой крепкой водки: аграрная реформа. Да, аграрная реформа всколыхнула всю страну, и отголоски этой бури врываются в Бухарест сквозь все заставы и сквозь главные его ворота — Северный вокзал.

Трудно поверить, что именно эти два волшебных слова привели Марина, сына Боатэ, с его корзинкой, наполненной бубликами, к вокзалу. Правда, и он греется на солнце и размышляет о том, что длинная черная городская зима уже позади, растаяла, как туман, под теплыми лучами. Но на душе у мальчика все так же холодно и темно. Голубые глаза-огоньки давно уже забыты. Долг у «крестного» все растет. Долг стал чудовищным, давящим, бесконечным. Чесотка прошла, потом началась снова и опять прошла. Жидкость Влеминского по-прежнему щиплет. Кулак Силе бьет так же больно, а голос «крестного» продолжает монотонно пищать:

— Эх ты, Марин, Марин! Эх ты, Боатэ, Боатэ! И что только скажет твоя мать, а?..

Жители Бурдушештов тоже пробудились на солнце, но они где-то далеко, на краю этого злого мира, там, откуда приходят длинные тяжелые поезда, наполняющие оглушительными свистками бесконечную улицу Гривицы, израненную бомбардировками прошлой весны.

Бублики Марина стоят теперь дороже, чем когда-либо. Покупатели пугаются цены, хмурятся и бранят его. Какой-то крестьянин и солдат уходят, так и не купив. Женщина с орущим младенцем на руках возмущенно кричит:

— Чертовы спекулянты!

— Я, что ли, спекулирую? — сердится Марин. Теперь он прекрасно знает смысл этого слова.

— Парнишка прав. Это его хозяин спекулирует.

Из него, из нас кровь пьет, — примирительно вмеши-  
вается носильщик.

— Чтоб они все сдохли! — проклиная женщина  
и уходит.

Марин глядит на номер носильщика.

— Вы с вокзала? — отваживается спросить он.

— Да, — отвечает тот усталым голосом.

— Сколько стоит билет на поезд? — интересуется  
мальчик, и глаза у него загораются.

— Докуда?

— До Бурдушештов! — скороговоркой отвечает  
Марин.

— Бурдушешты? Это где?

— Бурдушешты — это мое село, — Марин начинает  
нервничать. — Оно за холмом Моштены.

— Что еще за Моштены? Какого уезда?

Марин приуныл.

— Не знаю. Не знаю, какой там у нас в Мехедин-  
цах уезд.

Носильщик смеется.

— А, Мехеденицы! Так это и есть уезд, дурачок  
ты этакий! Должно быть, несколько тысяч лей, — под-  
считав, решает он.

— Тысяч лей... — помрачнев, шепчет мальчик.

— А разрешение у тебя есть?

— Разрешение?

Носильщик молчит.

— А где его дают, разрешение? — продолжает не-  
утомимо расспрашивать Марин.

— В полиции.

— А-а, в полиции, — уныло повторяет Марин.

Насчет полиции у него твердое мнение: ее надо  
бояться как огня.

Носильщик уходит.

Марин долго смотрит ему вслед.

Паровоз свистит протяжно и пронзительно, слов-  
но ему очень жаль расставаться с Северным вок-  
залом.



На чердаке после вечернего отчета.

Енаке кашляет в своем углу. В этом странном хрипе смесь громкого коклюшного кашля с сухим, туберкулезным.

Марин, хмурый и унылый, рассеянно смотрит на Енаке, потом спрашивает Спиру:

— Летом тоже здесь спать будем?

— А то где же? Некоторые и на дворе спят, — объясняет Спиру. Потом, указывая на Енаке, добавляет: — Он сильно болен!

— Лучше уж быть больным, чем побитым, — решает Марин, которому недавно дважды влетело: от Ликэ и от Силе.

— Ерунда. От болезни можно помереть, — серьезно говорит Спиру.

Марин молчит. Слово «смерть» пугает его. Он опять пристально смотрит на Енаке.

— А ему не давали лекарства? — спрашивает он, снова оборачиваясь к Спиру.

— Давали порошок... Не помогает.

— Бедняга! — сочувствует Марин, направляясь в угол к Енаке.

— Ну как, Енаке?

Но мальчик его отталкивает:

— Отвяжись! Тебе-то что!

Марин, раздосадованный, возвращается на свое место. Через некоторое время он трясет Спиру за плечо и таинственно шепчет ему:

— Ты когда-нибудь видел мертвеца?

Спиру смотрит на него презрительно:

— Конечно. Во время бомбардировки.

Марин задумчиво отходит в свой угол. В деревне он тоже видел мертвецов. Они были желтые, от них противно пахло, и их везли на кладбище на телеге или несли на плечах. Марин вспоминает о человеке на Пьяца Палатулуй. Он лежал скорчившись и кричал от боли, а на асфальте росла кровавая лужа.

Спиру посмотрел, посмотрел на Енаке, потом направился в глубь чердака к Силе и что-то сказал ему,

указывая на угол, где лежит Хромой. В ответ послышался недовольный голос:

— Да ну его к чертям, ничего у него нету! Прикидывается!

Силе идет к двери. Он приоделся, из обитателей чердака только у него есть смена.

— Спать! — приказывает он.

Через секунду Силе выкручивает лампочку и уходит. Слышно, как он запирает дверь снаружи.

В темноте Марин обращается к Спиру:

— Куда пошел Силе?

— Не знаю. К девкам.

— Как так?

— Подружка у него, дурак.

— Девушка? — снова спрашивает Марин.

— Нет, осел ты этакий! — отвечает Спиру. Потом прибавляет раздраженно: — Заткни глотку!

Наступает тишина.

Марин лежит на спине с открытыми глазами и вспоминает о Маргарете Черкез, о ее кожаном ранце.

Вдруг Енаке начинает отчаянно кашлять.

— Вот ведь никак не подохнет! — слышится чей-то сердитый голос. — Всю ночь грохает. Спать не дает.

Марин свертывается калачиком у теплой спины Спиру. Спиру спокойно дышит.

Надтреснутый одинокий кашель оглашает черный чердак.

### 3

В маленьком домике, по пояс ушедшем в землю, разгорелась ссора. Ляна и Миелу, как два голодных пса, мечутся по кухне и с ненавистью смотрят друг на друга.

— Нет у меня денег! — злобно кричит Ляна.

— Попроси у своего братца, он богач, — рывкает Миелу.

— Он сказал, что ты и так достаточно зарабатываешь.

— Ах, я зарабатываю? — свирепеет Миелу и дает ей, как непослушному ребенку, подзатыльник, но такой увесистый, что Ляна икает.

— Ах, так я зарабатываю, да? Скажи, зарабатываю? Или нет? Вот тебе! Вот тебе!

Напрасно Ляна пытается защитить голову руками: град ударов обрушивается на нее. Ляна не стоит, не плачет. Она все сносит молча, как собака, которую хозяин бьет палкой, а она еще не знает, зарычать ли, укусить или терпеть.

Наконец Миелу наскучило колотить ее по голове. Он злится, потому что у него нет ни копейки денег, а Ляна — он это знает — могла бы извлечь кое-что из своих идиотских тайников. Миелу останавливается. Ляна смотрит на него налившимися кровью глазами, словно говоря: «Ну, бей меня, бей, все равно ничего не дам. Вот как!»

— Твой братец! — снова распаляется Миелу. — У него горы золотых, а я должен зарабатывать, да?

Он уходит в дом, с силой хлопая дверью.

Ляна ощупывает голову, поправляет платок и прямо идет следом за Миелу.

Не снимая ботинок, он развалился с ногами на кровати, накрытой лоскутным покрывалом.

— Ноги-то опусти, стираешь небось не ты, — ворчит она, глядя на него одновременно с робостью и вызовом. — Разоряешься на разных дурех, а потом приходишь ко мне за деньгами.

Даже не взглянув на жену, Миелу непристойно ругается. Ляна продолжает ворчать.

— Пошла отсюда, тупица! — снова вскипает Миелу и угрожающе приподнимается на локте.

— Не уйду! Не уйду! — вопит Ляна. — И с Мицей. Что, думаешь, я не знаю? — выпаливает она. Должно быть, ей все сказал Ликэ.

Миелу вскакивает и бросается на жену. Ляна предусмотрительно оставила дверь на кухню полуотворенной. Она пытается убежать, но нога мужа все же настигает ее в дверях.

Потом Миелу одевается и уходит.

Он проходит по кухне с таким видом, словно там никого нет. Ляна лежит на короткой кушетке. Провожая мужа распухшими глазами, она кричит ему вслед:

— Бандит!

Через четверть часа «бандит» уже восседает на диване в гостиной тетушки Аретии. В ее маленьком домике шесть девушек. Миелу беседует с девушкой, чем-то напоминающей госпожу Мими. Разговор не клеится. Девушка не очень-то решается открывать рот.

Из коридора появляется одна из «воспитанниц». За ней в полутьме можно различить силуэт юноши. Через мгновение показывается курчавая голова Силе. Увидев Миелу, он торопливо отступает назад.

Но слишком поздно.

— Поди-ка сюда, — рычит Миелу.

Силе, дрожа, подходит. Глаза его растерянно бегают. Обе девушки и тетушка Аретия с любопытством наблюдают за происходящим.

Миелу закатывает Силе две звонкие пощечины. На щеках парня появляются белые полосы, но он продолжает стоять неподвижно. Девушки набрасываются на Миелу.

— Пошел вон! — приказывает он и направляется к своему месту, делая знак девушке, чтобы та подошла. Девушка покорно подходит и с испуганным видом слушает, что он шепчет ей на ухо.

Тетушка Аретия вдруг вспоминает, что она хозяйка.

— Мне очень жаль, господин Миелу. Но скандалы здесь запрещены. В моем доме они запрещены. Я запрещаю оскорблять клиентов.

И тетушка Аретия продолжает, понизив голос, что-то запрещать.

Но Миелу уже не слушает ее. Он сумрачно смотрит на женщину, сидящую рядом с ним. Почему-то ему кажется, что она стала похожа на Ляну.

#### 4

В трактире «Суп из потрохов» на Пьяца Маре за столом сидит Ликэ с каким-то смуглым пузатым субъектом. Собеседник Ликэ похож на разбогатевшего зеленщика. У него большая голова и красная

физиономия пьяницы. Каждый раз, опрокинув стопку, он по старой привычке затягивает пояс.

— Что будем делать, Вангеле, с этими разбойниками-булочниками? — ноет Ликэ.

— Что поделаешь! — хриплым голосом небрежно отвечает пузатый. — Они дорожатся, и мы дорожимся. Так-то. А что же делать? Одно зло за другим тянется, да нет худа без добра, — философствует он. — Митикэ, еще стопочку!

— Что ж, так оно и получается! — вздыхает Ликэ, пригубив стопку водки, стоящую перед ним.

Постолаке не пьет во время деловых переговоров.

— Сколько у тебя теперь ребят, Вангеле? — выпытывает он.

— Мало, — осторожно отвечает пузатый.

Ликэ скалит в усмешке лошадиные зубы.

— Как же так, братец ты мой, мало, когда ты распространился по всему Бухаресту! — говорит он с завистью и упреком.

— А ты будто нет, — отвечает ему в тон Вангеле, — черт побери этих твоих торговцев! Они всегда обкрадывают моих ребят. Избивают их и обкрадывают. Ей-богу, правда, господин Ликэ, — продолжает он учтиво (у Ликэ есть еще и лавка, он влиятельный торговец!). — Это нечестно, — и Вангеле с глубоко разочарованным видом опрокидывает стопку. — Еще одну, Митикэ! — небрежно бросает он в сторону.

— Что ж из этого? Они сами бранятся, сами и мирятся, — с невинным видом объясняет Ликэ. — А ты разве что-нибудь теряешь? У меня они за любой убыток платят.

— И у меня, — спешит заверить Вангеле. — Но знаешь...

— Конкуренция, Вангеле. Конкуренция — душа торговли, — смеется Ликэ, и в его смехе как будто слышится издевка.

— А с этими типами из санитарной комиссии ты как поступил? — спрашивает Вангеле.

— А что такое? — хмурится Ликэ.

— Разве ты не знаешь? — вяло удивляется Вангеле.

Кажется, он пожалел, что заговорил об этом.

— Слушай, да что случилось? — Ликэ начинает проявлять нетерпение.

— Ну как же, теперь ведь голодранцы забрали силу, — кипятится Вангеле, посылая «голодранцев» к чертовой матери. — И вот один такой большевик, ни дна ему ни покрывки, — знаешь, рваные локти, в зубах нож — явился ко мне и говорит, чтоб я, видишь ли, сделал им кровати, чтобы они... прости, господи! Да ведь если их так содержать, какой мне, братец ты мой, в них интерес? — вопрошает Вангеле, удрученный трудностями своего ремесла.

— Как? Кровати? А еще что? — интересуется Ликэ.

Выпивая, Вангеле дает ему попутно бесконечные объяснения.

— Да ты «смазал» ли доктора-то? — озабоченно спрашивает Ликэ.

Вангеле кивает.

— Черт подери! Значит, сели они нам на голову, — задумчиво произносит Ликэ.

— Сели, — безнадежно заключает Вангеле. — Митикэ, еще одну!

Наконец заключается соглашение.

— Значит, держим те же цены, Вангеле? Договорились?

— Договорились, господин Ликэ.

— По рукам!

## 5

Через несколько дней во время вечернего отчета на кухню ворвался Силе, за ним Спиру и Жаравете. Когда Силе поцеловал Ликэ руку, «крестный» стал приняховаться, будто что-то учуял. Все молчат. Госпожа Мими ковыряет шпилькой в ушах. Мадамана хлопчет у плиты.

— А ну, выйдите вы двое! — приказывает Ликэ Спиру и Жаравете. Те с недоумением уходят. — Как идут дела с новыми ценами?

— Идут, крестный, идут! — угодливо заверяет Силе. Потом добавляет: — Но похуже. Вангелисты продают дешевле.

— Да? — Ликэ приходит в ярость. — Свинья всегда остается свиньей! Послушай, как бы их пойма-ть да отколотить, а?

— Это уж положиись на меня, крестный! — бахва-лится Силе.

— Ну, какие еще новости? — допрашивает Ликэ, продолжая принюхиваться.

— Хромой почти ничего не продал. Говорят, он больной.

Ликэ сердится.

— Больной? То есть как это больной? А ну, води его сюда!

Силе выходит и возвращается с Енаке. Хромой и на самом деле выглядит плохо: изможденный, под глазами круги.

— Вы только посмотрите на него! — набрасывается Ликэ на мальчика. — Это называется болен! — па-ясничает он. — Разве это болезнь? На ногах? Когда человек болен, он подняться не может! Вот это бо-лезнь!

Именно потому, что Енаке пытается «держаться», он кашляет. Он ни жив ни мертв от страха и с ужа-сом смотрит на свою корзину, наполовину наполнен-ную сероватыми бубликами.

Ликэ берет у него сумку и с презрительным ви-дом подсчитывает деньги.

— Эх ты, Хромой, Хромой! Притворяешься ты, вот и все! Послушай, такой же кашель был у меня три года подряд. Я харкал кровью и вот, смотри, не умер же. Но у тебя, конечно, другое дело. Ты лодырь и мошенник, вот кто ты. Сколько у него, Мими?

— Девять тысяч триста восемьдесят, — тоном осуждения произносит госпожа Мими.

— Фьють! — изумленно присвистывает Ликэ. — Эх ты, банкрот, банкрот! Выброшу я тебя к черту, и все! Если завтра так же вернешься, катись тогда в... — и Ликэ грязно ругается. — Убирайся. У меня тебе больше нечего делать. Нет, вы посмотрите! Восемьсот лей. Тьфу, чтоб ты сдох!

Госпожа Мими подсчитывает:

— Десять тысяч четыреста долгу.

— Эй, ты, слышишь? — снова вскипает Ликэ. — Слышишь? Десять тысяч! Марш отсюда! Мадама-на! Сегодня вечером не давайте ему жрать. Ах, барин болен? Болен господин Хромоножка? Хорошо. Дайте ему английской соли. Дайте ему английской соли, и мы посмотрим, насколько он болен.

Господин Ликэ разнервничался. От возмущения у него срывается голос. Надрываясь от кашля, он продолжает бороться с «леностью» и «безволием» тех, кого «делает людьми».

## 6

Через несколько дней Ликэ таскает за собой Миелу по амбарам и сараям в глубине двора.

Утро. Ребята давно уже разошлись по «постам». В этот день Ликэ запоздал с кофе. Сегодня он решил не открывать лавки.

— Ну ее к черту! На что мне это нужно? Чтобы у меня целый день проверяли товары и накладные? Пусть все видят, как коммунисты убивают торговлю. Ведь теперь три часа пробегаешь, четырнадцать лавок обойдешь, прежде чем найдешь что-нибудь.

Миелу со скучающим видом следует за ним.

Наконец Ликэ принимает решение:

— Вот здесь. Значит, вобьешь колья и сделаешь им нары, как в казарме, двухэтажные. Так. Несколько одеял и бязь возьмем на складе, и спальня готова. Да еще какая спальня! Барская, ей-богу. И просто из ничего.

Он внезапно поворачивается к Миелу, стоящему с равнодушным видом.

— Чтобы сегодня же было готово! Сегодня же, потому что завтра придет инспекция, и тогда мы погорим с этими «фенедистами», чтоб им сдохнуть.

Но Миелу почему-то все больше мрачнеет.

— Договорились? — верещит Ликэ. — Ну что?

Тут Миелу, наконец, решается заговорить.

— Ты уж кого-нибудь другого возьми, — ворчливо и нехотя произносит он. — Разве это работа для меня?



Ликэ приходит в ярость.

— Барина из себя корчишь? А чем ты, собственно, скажи на милость, занимаешься? Бьешь баклуши, по городу шляешься? Нет, вы посмотрите на него! Ну, делай как знаешь, возьми на помощь Ляну, — решает Ликэ. — И если ты человек — через несколько часов все будет готово.

Миелу выдавливает из себя «м-да», и в голосе его звучат возмущение и издевка.

— Если завтра не будет готово, так и знай, не миновать нам ссоры, слышал? — Ликэ берет пронзительную ноту и, чуть не захлебнувшись от злости, кричит: — Скотина!

— Что ты сказал? — угрожающе наступает на него Миелу. — Что ты сказал? А ну, повтори еще раз! Повтори-ка еще раз! — задыхается он, побелев и не находя слов от ярости.

Ликэ испуганно отступает. В гневе Миелу напоминает быка на бойне, почуявшего близкую смерть.

— А-а-а-а! У барина претензии! Барин недоволен! Барин сердится!

Взяв себя в руки, Ликэ раздражается бурей угроз.

— Ты что, забыл, откуда я тебя вытащил? Забыл? Да по одному моему слову ты угодишь на всю жизнь в тюрьму! Остолоп несчастный!

Миелу не сдается. Он тоже угрожает, хотя более вяло.

— А по одному моему слову, — передразнивает он Ликэ, — тебя разве не упекут за саботаж?

— Это меня-то? — взвизывает господин Ликэ. Он кричит теперь на всю округу: — Как бы не так! Да я, как только захочу, сразу освобожусь, слышишь, ты? Как только захочу! Я не за один, за три саботажа заплачу. А ты? А ты, черт возьми? И легионер и бандит. Или ты думаешь, что я вроде тех, с которыми ты в лесу расправился, а? Что ты думаешь, черт возьми? Что ты думаешь?

И господин Ликэ поднимает свои хилые руки, словно собираясь ударить Миелу. Но тот даже не отстраняется. С него вдруг слетела вся спесь.

— Эй, дядя Ликэ, замолчи, черт подери! — испу-

ганно оглядываясь, просит он. — Замолчи! Нас могут услышать. Сделаю, черт подери! Сделаю!

— Ды, ты сделаешь. Сделаешь. Ведь я тебя кормлю. Я из тебя человека сделал. Я дал тебе и дом, и жену, и деньги. Все я тебе дал.

Распахнулись двери, и во двор вылетели Ляна и Мадамана.

— Хорошо, хозяин, хватит. Сделаю. Довольно! — Миелу повышает голос при виде нежелательных свидетелей.

— Да, ты сделаешь. Ведь и я для тебя кое-что сделал. Для всех вас.

— А ну, пошли отсюда! — накидывается Миелу на женщин.

Женщины скрываются за дверьми.

— Да-да. Я надрываюсь, работаю ради вас, — скулит Ликэ, направляясь к воротам.

Ликэ убежден, что он мученик, приносящий себя в жертву кучке лентяев и дураков.

Дойдя до ворот, он вдруг возвращается, уже вполне успокоенный.

— Ладно уж, возьми на помощь Тэнасе! — делает он последнюю уступку.

## 7

Вернувшись вечером, продавцы бубликов по очереди заглядывают в окно сарая, где устроена спальня.

— Эй, вы, посмотрите, какие кровати! — удивляется Иордаке Смынтына.

Марин тоже изумлен.

— Здесь спать будет поудобнее, — заключает он.

— Ты дурень! — смеется Иордаке.

— Почему?

— Ты, что ж, думаешь, тебя кто-нибудь туда пустит?

— Тогда зачем же все это сделали? — мрачнеет Марин.

— Чтобы дураки дивились!

Спиру, который стоит поблизости, объясняет:

— Да это ж для санитаров. Чтoб его не оштрафовали.

Марин задумчиво смотрит на Спиру.

— А у нас теперь работы в поле начались! — вдруг начинает Иордаке.

— Эх ты, пастух! Соскучился по своим овцам! — издевается над ним Жаравете и убегает. Иордаке бежит вдогонку.

— Вот бы домой поехать! — вздыхает Марин.

Спиру он доверяет, тот несколько раз защищал его.

— Тебе есть куда. У тебя мать есть. А я? — говорит Спиру. Всем известно, что он сирота.

— Идти-то мне небось далеко, — продолжает Марин.

— Не меньше трех недель ходу, — подсчитывает всезнающий Спиру. Потом смотрит на Марина и возвращает его к действительности.

— Если тебя поймают, ох, и порку же зададут!

— Уйду, — вдруг решает Марин.

Глаза у него горят.

— Да ты что, рехнулся, что ли? — вмешивается в разговор Иордаке, который незаметно вернулся.

Марин испуганно смотрит на него. Что, если донесет?

— Тебя полиция поймает! — равнодушно продолжает Иордаке, тон его означает: «По мне, делай что хочешь, только ты дурак!»

— Или большевики, как бродягу, на соляные копи отправят, — убежденно добавляет Спиру.

— Эти если схватят, то пошлют на бойни. Они из человеческого мяса консервы делают, слышал, крестный говорил? — присоединяется Иордаке.

Но физиономия у него хитрая. Видно, он и сам не верит своим рассказам.

— Я не верю, — размышляет вслух Марин. — В Бурдушештах были русские и ничего плохого не сделали. Раз даже раздавали еду бедным.

— Да? — удивляется Спиру. — Кто его знает? Может, среди них есть и хорошие.

— Может, землю нам дадут, — осторожно вставляет Марин.

Спиру, не обращая внимания на то, что говорит Марин, развивает свою любимую мысль:

— Но хуже всех полицейские. Из-за одного только разрешения, а в особенности...

Разговор трех мальчишек длится еще долго. Спиру и Иордаке горячо спорят и два раза прогоняют от себя Жаравете.

Марин плотно сжал губы и как будто слушает, но глаза его странно блестят.

Медленно спускается ночь.

Взяв корзины, ребята направляются к кухне, где начинается обычный вечерний отчет.



## Газетчик

### 1

Утром следующего дня за завтраком Спиру и Иордаке едят пустой суп.

Силе не в духе и напускается на них:

— Эй, вы, чего мамалыгу не жрете?

— Неохота, — отвечает Спиру.

— Мы ее за обедом съедим, — объясняет Иордаке.

— Это что ж, нос дерете, а? — с подозрением спрашивает Силе.

Жаравете успел сообщить ему, что Марин, Иор-

даке и Спиру что-то замышляют, но что именно, он и сам не знает. Силе не забыл о пощечине, полученной как-то ночью, и с усердием исполняет свои обязанности, чтобы восстановить таким образом авторитет, поколебленный в его собственных глазах.

Поэтому Силе притворяется, что не заметил, как Спиру сунул Лешему свой кусок мамалыги, едва успели они выйти из дому. Марин, опасливо оглянувшись по сторонам, спрятал ее в корзину под бублики. Силе удивленно поднимает бровь, не понимая, в чем тут дело, и решает отправиться следом за Лешим.

Вскоре Марин остается один. Медленно размахивая корзинкой, он направляется на свой «пост»: Чишмиджиу, первый.

— Еле переставляет ноги, щенок! — рассуждает вслух Силе, раздосадованный тем, что ему придется тащиться так медленно, чтобы «механик» не заметил слежки. Раза два Силе приходит в голову соблазнительная мысль — бросить все и отправиться по своим делам. Силе сам не знает, почему ему так не по душе этот «механик». Не потому, что они подрались, нет, совсем напротив, это был единственный поступок Лешего, возвысивший его в глазах Силе. Тут что-то другое. Он сам не может понять, в чем тут дело. Может быть, в том, что Леший очень редко ругается и свято выполняет свои обязанности по отношению к «крестному», хотя его долг не только не уменьшается, но, наоборот, все время растет. Или скорее всего потому, что Марин часто молчит, глядя куда-то вдаль своими телячьими глазами. Или оттого, что парень подружился со Спиру и Иордаке, этими смышленными ребятами, угрожая таким образом внести раскол в ряды команды Силе.

Как бы то ни было, не нравится ему эта бледная немочь. Теперь Силе прячется за углом улицы Заломита и поглядывает за Лешим, который принялся за свою обычную работу: продает бублики, дает сдачу, почесывает голову, роется в карманах, развязывает веревку, держащую калоши, и снова завязывает ее, потуже.

Силе недовольно прищелкивает языком: пустая трата времени. Он закуривает и в десятый раз припоминает сцену, разыгравшуюся вечером у тетушки Аретии. За что взъелся на него дядюшка Миелу? Силе досадно, ведь шофер во многих отношениях для него образец. Стукнул его так, что всю ночь в ушах звенело. За что? Чем он провинился? Боится, как бы Силе не донес на него Ляне? Но для этого достаточно было сказать: «Эй, Силе, попрдержжи язык!» И все было бы в порядке. А так... Бить его там, при «этих»? Злость против бывшего идола закралась в душу Силе. Что ж, при желании можно будет рассказать про него «крестному», и тогда посмотрим, как запоеет Миелу... Силе про себя крепко его выругал. А если шофер расскажет «крестному», что и он, Силе, был там? Это, пожалуй, будет похуже. «Крестный» в таких делах шутить не любит. Сам он не пьет, не курит. Благочестив. «Крестный» избил бы его не столько за то, что он был там, сколько за трату неизвестно откуда взятых денег. В отношении денег «крестный» неумолим.

Хорошо. Если так, выходит, нельзя доносить на Миелу «крестному». От бессилия Силе начинает еще больше ненавидеть шофера. Силе снова отыскивает взглядом Лешего: погрузившись в размышления, он забыл о мальчике. А, черт! Подумать только, улизнул парнишка! Силе спешит на бульвар, но вскоре успокаивается. Марин не спеша шагает к лицу Лазаря. Силе подумал было догнать его и наподдать разок другой, так, для порядка. Но нет. Это ни к чему. Кроме того, лицом Лазаря входит в участок Лешего. Нет никакого повода. Не надо торопиться.

Но Марин не задерживается и у Лазаревского. Вот он проходит еще сто метров, снова останавливается и снова идет. Теперь он углубляется в извилистые улочки: Сфынтул Константин, Берза, Анджелеску. «Куда это, черт подери, его несет?» — в нетерпении ругается Силе.

Теперь можно было бы к нему придраться: он вышел за пределы участка.

От Пьяца Матаке Мэчелару Марин отправляется

к Гривице. Погруженный в свои мысли, он едва тащится, останавливается у каждой витрины и все время кричит:

— Горячие бу-блики, горячие!

Силе проходит мимо кино «Модель». Сейчас утренний сеанс. Он смотрит на фотографии: «Тура, богиня джунглей» и «Ангелы с грязными лицами, или Джеймс Кэгни и шестеро уличных ребяташек». С афиши на него глядит Тура: она почти голая, с длинными черными волосами и пленительными глазами. Рядом лохматый Джеймс Кэгни бросает вызов Нью-Йорку. Два фильма и журнал.

Силе побренчал деньгами в кармане. Хватит. Еще раз взглянул на Лешего; тот пялит глаза на витрину. Внезапно Силе решается и входит в кино.

Марин, вдоволь насмотревшись на витрину, поворачивается и проходит мимо кинематографа. Один раз. Второй. Признаться, ему очень хочется зайти в кино: прячась в чаще, тигр подстерегает Туру, а один из шести уличных мальчишек страсть как похож на Марина.

Но Марин отрывается от фотографии, хватая корзину и решительными шагами уходит. Останавливается он только у садика перед кинематографом «Маркони», где сталкивается с Иордаке.

— Привет, Леший! — окликает его Иордаке с видом заговорщика. — Избавился от Силе?

— Он зашел в «Модель», — отвечает Марин неожиданно весело. И торопливо добавляет: — Я тебе отдам корзину и сумку, ты их домой отнеси. Ну ладно, я пойду... — заявляет он, стараясь преодолеть страх и волнение, которые сдавливают ему горло.

Иордаке, хоть он и старше, с восхищением смотрит на Лешего.

Иордаке завидует ему.

— А ты знаешь куда? — с сомнением спрашивает Иордаке.

— Ничего, найду! — хвастается Марин.

Он храбрится, хотя именно эта задача пугает его. Иордаке роется в корзинке и, вытащив два куска мамалыги, протягивает их Лешему.



— Целых два? Откуда взял-то?

Иордаке делает жест, означающий одновременно щедрость и большую хитрость.

— Один зажулил.

Леший вынимает из корзины свою старую котомку и запихивает туда три куска мамалыги. Котомка немного раздувается.

— Лучше возьми деньги с собой, — говорит Иордаке, пока Марин подсчитывает свою утреннюю выручку. — В дороге пригодятся.

— Не хочу! — решительно и мрачно отказывается Марин. — Скажут, что я вор, убежал с деньгами, и натравят на меня полицию. Ну их к черту со всеми их деньгами!

Иордаке поражается.

— Ну ладно. Но ты дурак, так и знай.

— Ну и пусть дурак! — соглашается Марин.

Говорить больше не о чем. Мальчики долго молчат.

Чтобы прервать молчание, Иордаке рассуждает вслух:

— А я? Что я скажу им?

— Что? Струсил? — стыдит его Марин.

Иордаке отрицательно мотает головой.

— Скажи им, — продолжает Марин, ставший неожиданно сообразительным, — что я оставил тебе все, потому что пошел в уборную, у меня живот заболел... И что я, мол, не вернулся, и ты не знаешь, что со мной... Что ты меня везде искал, но без толку...

— Ну и пройдоха же ты, Леший! Знаешь, как им потрафить! — восхищенно смеется Иордаке. Потом с сомнением добавляет: — Будто крестный такой дурак, что поверит!

Марин испуганно смотрит на него.

— Ладно уж, повожу его за нос, — хвалится под конец Иордаке.

Марин протягивает ему руку.

Лицо Марина снова побледнело, глаза мрачно поблескивают.

Иордаке роется в кармане.

— погоди ты! На вот, возьми!

Он протягивает на ладони несколько монеток.

Марин отнекивается.

— Слышь, что говорю? Возьми, не то рассержусь. Ты, что ж, хочешь с голоду подохнуть в дороге? Возьми, я обойдусь. Это не очень-то много, — извиняется он.

Марин берет деньги, смотрит на них и сует в карман.

— Ну, пока! До свидания! — шепчет он.

Подбородок у него трясется, голос дрожит. Глаза начинают неестественно блестеть. Он смотрит в сторону.

— Пока, желаю тебе удачи и...

Иордаке тоже взволнован.

Они долго, по-мужски жмут друг другу руки.

Потом Марин уходит, увлекаемый безразличной людской толпой. Сзади его старые штаны выглядят как-то особенно плачевно. За спиной болтается котомка, Иордаке провожает его долгим взглядом.

Марин отправляется в путь.

## 2

В эту беспокойную весну площадь перед Северным вокзалом необычно оживленна. Бесконечная толпа заполняет ее. Трамваи с трудом пробираются, непрерывно звякая спрятанными где-то внизу звонками. Машины сигналият, огромные грязные грузовики пыхтят, сотрясаясь своими старыми кузовами. Из окрестных больших улиц: Гривицы, Басараба, Динику, Голеску, Виттинга — на площадь беспрерывно выливаются все новые и новые люди: пассажиры, спешащие на поезд, сотни разносчиков, чистильщики сапог, продавцы цветов, носильщики и путешественники, обвешанные багажом, солдаты и крестьяне, жители Бухареста, отправившиеся за покупками, и другие, которые вышли «прогуляться», всякого рода жулики и наводчики, зеваки, железнодорожники, люди, предлагающие дешевые меблированные комнаты или какие-либо выгодные сделки, — целый мирок, на который яркое послеобеденное солнце льет свой золотистый теплый свет.

Вокруг — большие здания, выщербленные осколками бомб, и среди них, подавляя все своей высотой и столичным видом, возвышается бетонный почерневший скелет будущего железнодорожного дворца. Кажется, будто каменные громады с нежностью взирают на этот копошащийся внизу муравейник, без которого все они были бы лишь гигантскими серыми безжизненными коробками.

Смотрят они и на Марина, сына Боатэ, который тоже пришел на вокзальную площадь. Да он и не мог не прийти: все дороги из Бухареста начинаются от Северного вокзала. А может, его привела сюда надежда уехать на поезде? Ведь у него есть немного денег. Котомка болтается теперь где-то у колен. Солнце приятно пригревает. Когда ты распрощался с чердаком Ликэ Постолаке, мир не может не казаться прекрасным и заманчивым, даже если где-то в глубине души шевелится червяк сомнений. Впервые Марин шел по площади как путешественник, освобожденный от неизменной корзинки с бубликами, которая стесняла его движения и безжалостно закрывала от него мир. Поэтому походка у Марина сегодня упругая, хоть калоши надоедливо застревают в выбоинах мостовой. Задрав голову, мальчик глазееет по сторонам на все то множество вещей, которое раньше заслоняла от него корзинка с бубликами; он свободен как птица, легок как пух, он проворен, силен и весел; улыбка у него широкая, глуповатая, словно она сама удивляется, что попала на его лицо, с которого многие месяцы не сходило угрюмое, хмурое, напряженное выражение.

Марин размахивает котомкой. Он бесстрашно, даже с каким-то наслаждением вверяет себя торопливой людской волне; так опытный пловец, беззаботно отдаваясь течению, плывет на спине по любимой и хорошо знакомой реке. Течение уносит Марина. Он может идти и может стоять. Может отправиться куда глаза глядят, может съесть мамалыги или истратить те несколько монеток, которые Йордаке подарил ему в порыве неожиданной самоотверженности. Свобода пьянит Марина.

Но это опьянение кратковременно, как всякое опьянение.

Вдруг сразу с нескольких сторон слышится странный ропот. Трамваи и машины останавливаются. Из них выходят встревоженные люди. Марин замечает, что толпа куда-то устремляется. Несколько человек беззастенчиво наступают ему на ноги. Оглядевшись, он видит, что люди собрались кучками. Вокруг царит толкотня и суматоха; потом народ подается назад. Какая-то сила постепенно, но упорно оттесняет людей к центру площади; нечто непреодолимое, вызывающее яростные протесты, но непреклонное сжимает кольцо, пока отдельные группы не смешиваются, и тогда перед ними, наглые и неумолимые, появляются жандармы с винтовками в руках и полицейские с резиновыми дубинками.

Это облава.

«Лава», — как называли ее на чердаке у Постолаке. «Лава» — это что-то очень плохое. От нее надо бежать как от чумы, если ты торгуешь бубликами в Бухаресте и у тебя нет ни вида на жительство, ни разрешения и никаких других бумаг, чтобы предъявить их полиции. «Лава» означает побои, тюрьму и высылку за бродяжничество. Она означает ад, еще более страшный, чем у Постолаке.

Вот почему исчезла с лица Марина едва успевшая появиться улыбка и он с отчаянным упорством пытается пробиться сквозь «кордон». Один раз, второй. Только удары дубинкой по спине заставляют его притихнуть.

Сотни людей, и Марин в том числе, сгрудились, как в гигантском загоне, ожидая проверки документов. Проверка проходит очень медленно, несмотря на большое число патрулей.

Удрученный, уверенный, что его звезда, сиявшая так недолго, снова закатилась, и теперь уже навсегда, Марин чувствует полное изнеможение.словно подкошенный внезапным параличом, он опускается на край тротуара.

Люди вокруг немного успокоились. Начинаются разговоры.

— А у меня, как назло, паспорта нет с собой!  
— Военного билета достаточно.  
— А зачем эта облава?  
— Спекулянты.  
— Здесь?  
— Здесь. Знаете, все эти, которые приезжают и уезжают на поездах.  
— Говорят, ищут каких-то бежавших legionеров.  
— Да нет! Рассказывают, будто объявился один знаменитый международный авантюрист.  
— Хорошо, но меня ждут ученики! Я учитель!  
— Ничего, подождут. А меня, что ли, не ждут? Всех ждут.

Рядом с Марином сел мальчишка-газетчик. Он спокоен и даже весел, так как благодаря облаве ему удалось продать все свои газеты.

Картонная папка, привязанная к шее веревкой, висит теперь пустая, и мальчишка беззаботно поглядывает по сторонам.

На мгновение взгляд его останавливается на Марине, и он делает движение, словно узнал его. Но Марин этого не замечает. Глаза мальчика прикованы к полицейскому, который стоит всего в пяти шагах. Потом, обхватив голову руками, Марин снова опускает взгляд.

Показалось ли это газетчику, или в самом деле на мостовую упала слеза? Газетчик приглядывается. Он встает и делает несколько шагов, не упуская Марина из виду. Паренек немного повыше Марина, с виду бойкий, шапка по-разбойничьи сдвинута на ухо. У него большой лоб, глаза зеленые, и с лица не сходит улыбка.

— Эй ты, пацан, чего плачешь? — спрашивает он покровительственно.

— Я не плачу, — отвечает Марин немного испуганно и тайком утирает слезы.

Он не доверяет незнакомцу, и все-таки на сердце у него становится теплее: приятно чувствовать кого-то рядом.

— Послушай, ты случайно не продавец бубликов? — развязно спрашивает газетчик.

— Нет-нет, — поспешно отвечает Марин, боясь, что, как только его разоблачат, придется вернуться к Постолаке.

— Нет? А то мне показалось... — извиняется газетчик. — Так откуда же ты?

Он садится рядом, на край тротуара.

— Я из Бухареста, еду в Мехединцы, — сообщает Марин с уверенностью и спокойствием, которые удивляют газетчика.

— У тебя есть свидетельство?

— Какое свидетельство?

— О санобработке. О том, что у тебя нет вшей, — объясняет парнишка, видя, что Марин его не понимает.

— Нет, нету, — торопливо отвечает Марин.

Уши у него предательски краснеют, потому что в действительности на чердаке всегда были вши, и в этом отношении он не может за себя поручиться. И потом, разве можно гарантировать, что он избавился от чесотки?

— Ну, если нету... Тогда как же с билетом? Есть у тебя билет? — продолжает газетчик допрос.

— Нету, — огорченно признается Марин.

— А-а-а, хочешь проехать зайцем, в ящике, — понимающе произносит газетчик. — Трудное дело. Они все время под вагонами ищут, — предупреждает он, всеведущий, как настоящий газетчик.

Марин не совсем соображает, в чем дело, но не показывает виду. Ему нравится этот мальчишка с зелеными глазами. Хотелось бы узнать у него, как идут дела у газетчика, но приходится прикусить язык.

Проверка уже приближается к ним. Газетчика это мало трогает. Марин с ужасом видит, что комиссар совсем рядом и скоро придет его черед.

Вот человек в черном, в черной с золотом фуражке уже перед ними.

— К бродягам, — едва взглянув на ребят, бросает он стоящему рядом полицейскому.

— Какой же я бродяга, господин комиссар! Я газетчик. Вот только что продал последние три газе-

ты, — с живостью защищается парень. — Пускай они скажут!

— Это правда, — подтверждает человек, стоящий рядом; комиссар уже просмотрел его документы, и, найдя их в порядке, сделал знак, что он свободен.

— Так ты говоришь, газетчик? — продолжает, даже не поворачиваясь, комиссар.

— Газетчик, ваша честь. А это мой брат. Честное слово семьянина!

Кое-кто из соседей смеется.

— К бродягам, — повторяет комиссар, так и не повернувшись.

Он очень спешит. Надо проверить сотни человек.

Марин бледен как бумага.

К комиссару подходит полицейский.

— Зачем набивать грузовики этими босяками, господин начальник? — с брезгливой миной шепчет он.

Комиссар, занятый другим, утвердительно кивает головой. Полицейский оборачивается к мальчишкам и слегка ударяет каждого по спине дубинкой.

— А ну, пошли, голодранцы!

Освобожденные пулей кидаются бежать. Газетчику легче: он босой. Марину мешают калоши, но он старается не отставать от «брата» и то и дело оглядывается назад. Ему не верится, что они спасены. Потом он замедляет бег.

— Наподдай, увалень! — кричит газетчик.

Когда Марин нагоняет, тот хвалится:

— Видел, как я тебя спас? Надо уметь потрепать-ся, вот что!

Марин улыбается застенчиво и дружелюбно. Он благодарен газетчику, тот ему нравится, несмотря на то, что распекает его.

— Как тебя зовут, птенец?

— Марин.

— А меня Фане! Слушай, Марин, ты порядочная растяпа. Сразу видно, что из деревни. Здесь надо иметь хорошо подвешенный язык.

Марин смотрит на него немного обиженно.

— Ну что? Разозлился? Вместо того чтобы сказать «мерси», надуваешься? Есть у тебя по крайней мере какая-нибудь жратва там, в котомке?

— Мамалыга, — смущенно бормочет Марин, по-прежнему преисполненный благодарности.

— Неважнец! Колбасы нет?

Марин виновато пожимает плечами.

— Ну, пацан, нищета у тебя в котомке. Мамалыга! Ну, ладно, дай хоть мамалыги, а то в животе урчит.

Они уселись в укромный уголок и принялись закусывать.

— Так куда, значит, ты едешь, а, Марин? — говорит Фане с набитым ртом.

— В Бурдушешты, — мрачно повторяет Марин.

— Семья есть?

— Мать и братья.

— М-да. А у меня нету, — говорит Фане, словно очень довольный таким положением. — Нас разбомбили. Со всего двора только я да одна бабка, которая за покупками ходила, уцелели.

— Дом разбомбили?

— Да.

— И где же ты спишь?

— Где придется.

— А этой ночью знаешь, где спать будешь? — спрашивает Марин не без задней мысли.

— Знаю. Но это секрет.

Марин удивленно таращит глаза.

— Да, да. Там очень здорово. «Фараонам» слабб сунуть туда нос.

— Почему?

— Боятся!

— Кого?

— Слишком много хочешь знать. Боятся, и все.

— Да-а? — удивляется Марин.

Кого это могут бояться полицейские? Разве они не самые сильные? У них и револьверы и резиновые дубинки. Бьют, кого хотят.

— Послушай, знаешь что?.. — решает внезапно



Фане. — Пойдем со мной. Сделаю из тебя газетчика.

— Газетчика?

— Да. В шесть утра получаешь газеты. Продаешь их — и вечером готов заработок. Честный труд, и никто к тебе не пристаёт.

Фане позволяет себе и приврать и похвастаться. На самом деле у него тоже есть хозяин. Он авансирует Фане деньгами и каждый вечер требует назад двойную сумму. Того, что зарабатывает Фане, едва хватает на еду. Он даже не может запросить больше, чтобы остаться с барышом, как это делают продавцы бубликов.

— Нет, я домой, — упрямо качает головой Марин.

— Да как же ты доберешься?

— Пешком. Как придется.

— Пешком? Да ты с ума сошел!

— Мне домой надо, — повторяет Марин, больше для того, чтобы убедить самого себя.

— Ну что ж, если у тебя есть мать... — раздумывает Фане, пораженный смелостью собеседника. — Вы богатые?

— Нет, бедняки. Но теперь нам, может, дадут землю. Не знаю. Я иду работать.

Фане смотрит на него с нежностью: «А он головастый, этот крестьянин!»

— Да ты, я вижу, чокнутый! — говорит он с восхищением. — Но смелый. Знаешь что? Сегодня идти не стоит. Весь день будет эта облава. Знаю я их. Опять схватят, и не будет больше с тобой «братишки», который тебя спасет. Айда со мной!

— Куда?

— Не веришь, что ли?

Марин не очень-то верит, но весть о том, что весь день будет облава, пугает его. Он готов пойти куда угодно, только бы не поймали.

— Нет, верю, — вяло возражает Марин.

— Тогда пошли!

Фане поднимается и ударяет его по плечу.

— Смелей, птенец, зарежу я тебя!

На набережную Дымбовицы тихо спускается вечер.

Тени цепляются за еще безлиственные кроны деревьев, и кажется, что они начинают таинственно шевелиться и расти. Тьма уже полностью завладела маленьким парком у церкви Домницы Бѣлаши и крадется теперь на набережную, стекает с черных дрожащих ветвей каштанов, растущих перед высоким, массивным и холодным зданием Трибунала. Поток света над бетонным мостом сужается. Вскоре от него остается лишь желтоватый ручеек, который струится под плотным покровом бухарестской ночи и изливается, наконец, в светящееся озерцо Сенатской площади.

Напротив старого театра Оперы две маленькие тени скользят с набережной на берег Дымбовицы. Тени скатываются по откосу среди едва зазеленевшей травы, и трава, как сообщница, отвечает им шелестом. Они похожи на водяных крыс, спешащих нырнуть в зыбкое зеркало реки.

Фане тянет приятеля за руку. Марина пугает черная ленивая река, зияющий провал под мостом, неизвестность, навстречу которой он идет.

Мальчики пробираются сквозь железную решетку под мост.

Вначале ничего не видно.

Но вот то тут, то там вспыхивает спичка или дрожащий неверный огонек зажигалки, как те далекие звезды, свет которых то появляется, то исчезает. Есть здесь и «звезды» неподвижные: может быть, это свечи. Но их неяркий свет скоро поглощается тьмой, струящейся со сводов моста; какие-то странные тени мечутся, стелются под ногами. Тут же у входа Фане приветствует кого-то вроде швейцара.

— Здравия желаю, дядя Стерикэ!

В темноте, повторенный эхом, гудит басистый голос.

— А это кто?

— Братишка, — кричит Фане.

— Смотри не приведи легавого, а то сам пойдешь на корм крысам, слышишь? — угрожает голос из тьмы.

Марин напуган. Рука, за которую его держит Фане, вспотела. Его пробирает дрожь. Ему кажется, что здесь очень холодно: холодный, влажный воздух обволакивает его, точно мокрая простыня.

— Не беспокойся, дядя Стерикэ, — успокаивает Фане этого змея тьмы голосом, который отнюдь не кажется Марину самоуверенным.

Через какие-нибудь пятьдесят шагов, пройдя мимо всевозможных типов «жилищ», Фане останавливается.

— Здесь? — устало шепчет Марин.

— Здесь. Что, разве плохо? — обиженно спрашивает Фане. — Ты-то где спал?

— На чердаке.

— Что ж, лучше было у твоего Ликэ? — укоряет его Фане.

— Да нет, — покорно шепчет Марин.

Мальчишки крутятся вокруг избранного места, как собачонки, которые десять раз перевернутся, прежде чем улечься калачиком.

Потом оба в темноте жуют.

— Понимаешь, здесь лучше не зажигать света, — объясняет Фане.

— Почему?

— Никогда не знаешь, вдруг кто-нибудь обхамит. Это ведь поножовщики, с ними шутки плохи...

— Почему ж ты здесь ночуешь? — жалеет Марин Фане.

— Негде мне больше! Но летом удеру. Найду чего-нибудь. — Потом, помолчав, говорит с сожалением:

— Так, значит, не хочешь быть газетчиком?

— А ты продавцом бубликов хочешь? — отвечает Марин вопросом.

— М-да, это тоже не находка. Но все же лучше, чем ничего. По крайней мере на еду хватает.

— Бог с ней, с такой едой.

— Да, газеты не съешь, — философствует Фане. Потом устало добавляет: — Давай спать.

Но мальчики болтают еще целый час, прежде чем уснуть. Во сне рука Марина ищет плечо Фане.

Тоннель заботливо сомкнул над ними свои своды.

Когда на следующий день на рассвете газетчик просыпается и потягивается так, что кости трещат, место рядом с ним оказывается пустым. Фане начинает ощупывать землю слева и справа, но все напрасно. Газетчик резко поворачивается, приподымается на локтях и кричит тихо, потом громче.

— Марин! Эй, Марин! Где ты, Марин?

— Заткнись! — раздается угрожающий шепот.

Фане замолкает. С этими уркаганами шутки плохи.

Обнаружив, что котомка его нового друга тоже исчезла, он заключает:

— Должно быть, ушел, дурень! Бедняга! Сильно чокнутый.



## К западу

Марин благополучно прошел мимо Северного вокзала. Он не забыл предупреждения Фане. Раз десять с испугом оглядывал он цющадь, боясь попасться в когти облавы. Но вокруг все спокойно. Возможно, еще слишком рано. Марин прошел по улице Гривицы до моста Гранта. Купил — вот ирония судьбы! — несколько бубликов. Хлеб можно получить только по карточкам, а его карточка (которую он, впрочем, никогда и не видел) хранится у Ликэ. Все карточки госпожа Мими держит под замком. Прежде чем купить бублики, он долго торговался и все же

истратил на это почти половину денег, полученных от Йордаке.

Покупал у взрослого, не у мальчишки вроде него самого. И неспроста. Марин подошел к инвалиду в военной форме и, получив бублик, сообщил:

— Я из Мехединцев!

Человек промолчал, спрятал деньги в кошелек и принялся отыскивать глазами других покупателей.

— Мехединцы — это далеко на востоке, — хитро добавил Марин.

— Откуда ты взял? На западе! — удивленно поправил его инвалид.

— А я думал, на востоке, — продолжал неугомонный Марин.

— На западе. За Крайовой, — повторил инвалид.

— А как идти в Крайову?

— Как идти? Ты хочешь сказать, ехать? Это в другой стороне. Поезд на Крайову не проходит через Китулу. Он поворачивает налево.

— Ага! Вот так, налево? — повторил Марин, махнув рукой в этом направлении.

— Да. Туда. А на что тебе это? Если хочешь туда ехать, надо сесть на поезд с Северного вокзала, а не здесь.

Марин понимает, что следует соблюдать осторожность. Никто не должен знать, что он задумал, что хочет предпринять. Иначе получатся одни неприятности. Марин решительно направляется к мосту.

Инвалид сердито смотрит ему вслед.

— Послушай, вокзал не там! Вон там!

— Я иду не на вокзал, — отвечает Марин. — Я только после обеда поеду.

И вот он на мосту Гранта.

Здесь очень красиво. Мост большой и высокий. Когда смотришь вниз, просто кружится голова. А под ним все время проносятся поезда. Одни приезжают, другие уезжают. Может, проходит и поезд на Крайову. Ну разве это не красота? Как сердито пытит паровоз! Марин с жадностью вдыхает дым, поднимающийся из-под моста. Дым солоноватый, приятный на вкус. Но тут Марин пугается, что попусту теряет вре-

мя, и идет дальше. Шагает он решительно, но не спеша. Еще вчера все было обсуждено с Фане: нужно всячески избегать людей и в особенности военных. Только бы никто не проведал, кто он, откуда и куда идет. Идти надо вдоль железнодорожного полотна. Тогда уж непременно доберешься куда хочешь.

Значит, перейти через мост, повернуть направо и, когда увидишь линию налево, пойти по ней. Надо все время спрашивать железнодорожников. Они все знают про поезда.

Широкая улица, по которой он идет, скоро кончается. За ней другие все более узкие, плохо мощенные или вовсе не мощенные. Вскоре впереди открывается поле. Последние улицы и домишки тонут в необъятной равнине.

Теперь Марин шагает по железнодорожной линии на Крайову. Куда идти, он узнал у будочника. Идет не торопясь, как человек, собравшийся в дальний путь. На душе спокойствие и решимость. Погода хорошая, даже жарко, и калоши мешают идти. Марин то и дело меняет путь: то идет по шпалам, но так быстрее устаешь, то по тропинке на насыпи, то по нижней дорожке, за кюветом.

Когда солнце поднялось высоко над головой, он передохнул. Поел мамалыги, поглядел на белесое далекое небо и даже разрешил себе немножко поваляться на траве.

После полудня снова двинулся в путь. Он шел все дальше и дальше, пересек несколько ручьев, напился воды у стрелочника.

— Куда ты идешь? — спрашивает Марина жена стрелочника.

— Вон туда, вниз, — хитрит Марин.

Женщина смотрит на него недоверчиво.

— Да куда ж это вниз? — И она произносит название, оканчивающееся на «ешты».

— Да, туда, — продолжает хитрить Марин, хотя он и не понял как следует названия.

— Так зачем ты идешь по полотну? Ступай вон туда, — и она указывает на проселочную дорогу.

Марин идет по проселку. Когда домик стрелочни-

ка скрывается из виду, он сворачивает в поле и снова оказывается у железной дороги.

Но вот уже заходит солнце.

Тень за спиной Марина постепенно удлиняется. Удлиняется, потом бледнеет и, наконец, вовсе исчезает. Там, на горизонте, багровое солнце медленно погружается в небытие.

Впереди лес. Когда Марин добрался до него, стало совсем темно. Он плутает среди молоденьких деревьев в поисках места для ночлега. Потом закусывает под деревом, сворачивается калачиком и, испуганно оглядевшись, моментально засыпает.

Сон отрезал Марина от этого злого мира, от ужасов леса, но кошмары лавиной обрушились на него. Он мечется, что-то бормочет и каждые полчаса просыпается от холода и страха. Ему кажется, что из-за деревьев сверкают глаза волков, готовых его растерзать; он в ужасе, хочет убежать, но ноги отяжелели, а веки налились свинцом. Потом кошмар смешивается с воспоминаниями: «крестный» бьет его ремнем, голова Силе, остроконечная, с заостренными, как у черта, ушами, выглядывает то из-за ствола, то сверху, из молодой листвы.

Так промучился Марин часа два, прислушиваясь, вздрагивая, вскакивая, пока ему не пришла мысль вскарабкаться на старый ветвистый дуб. Примостившись, наконец, на суку и нахохлившись, как сонная курица на насесте, Марин задремал.

Проснулся он утром, когда сквозь ветви редкого лесочка стал медленно сеяться еле видимый синеватый свет.

Марин совсем окоченел, у него болит шея, ноют ребра, и он не может пошевелиться. Одежда намочена от росы. Холод пробрал его до самых костей, и он порядком напугался, увидев, что сидит на дереве. Лес наполнился разноголосым и пронзительным птичьим гомоном. С большим трудом Марин слез, вернее сказать, свалился кулем на землю, покрытую опавшей листвой.

Съев скудную порцию мамалыги и бубликов, Марин сразу же почувствовал невероятную жажду. Но



веселое апрельское солнце уже взошло, и он обрадовался, обнаружив вблизи железную дорогу, и храбро пустился в путь. Из первой же лужи напился воды, черпая ее прямо пригоршнями. Вода показалась очень вкусной, и Марин с удовлетворением вытер рот рукой, даже не подумав, что может заболеть.

Когда железнодорожное полотно оказывается рядом с шоссе, Марин спускается с насыпи: приятно снова почувствовать под ногами привычную дорогу. Его калоши блестят, он намочил их, перебираясь через канаву, на дне которой стояла вода. Марину нравится на шоссе: то машина проедет, то телега. Но он не поднимает руку, чтобы его взяли. Фане предупредил, что и на большом расстоянии от Бухареста деревни тоже подчиняются столице, так что лучше не рисковать. Поэтому, едва заведя на шоссе военных, он бежит к железной дороге, пересекает ее и продолжает свой путь под укрытием насыпи. Время от времени он взбирается на откос и, как заяц, высовывающий голову из травы, чтобы осмотреть поле, смотрит на шоссе: там ли еще военные? Военные прошли, да и жандармы ли это были? За плечами винтовки, а один нес в руке фуражку, хотя солнце начало уже припекать.

Марин держится поближе к железной дороге, обходит стороной деревни, избегает всех людей, кроме железнодорожников; порой защищается от встречных собак. Так проходит полдень, и снова наступает вечер. Марин не знает, сколько прошел. И, что еще хуже, от ходьбы у него разыгрался зверский аппетит. Бублики уже давно кончились, и он то и дело с грустью посматривает на последний кусок мамалыги, который тает на глазах. Вскоре от мамалыги остаются одни черноватые крошки, часть из которых прилипла к замусоленным страницам старой «Книги для чтения», лежащей в котомке.

Калоши совсем развалились. В полдень Марин стащил их с ног и со злостью бросил. Потом вернулся назад и положил калоши в котомку. Кто знает, может, на что-нибудь пригодятся. Когда ты беден, ничего нельзя выбрасывать.

Босые ноги начали зудеть. Идти становится все тяжелее. Под глазами у Марина появились огромные синяки, взгляд стал лихорадочным, блестящим.

Вторую ночь Марин переспал под мостиком. Все-таки удобнее, чем на дереве. Но грохот бревен под колесами мчащихся грузовиков или лениво ползущих повозок заставлял его всякий раз вскакивать в холодном поту.

Проснувшись на рассвете, Марин почувствовал голод. Оставалось еще немного денег, но купить еду можно только в деревне, а заходить туда очень опасно. Марин отправляется дальше, так и не решив, что предпринять. Идет, опираясь на палку, которую добыл в первый же день в лесу, но теперь болят подошвы, и он едва держится на ногах. Отяжелевшие ноги не слушаются. В голове какой-то шум.

Солнце светит теперь сзади, и Марин определяет время по тени, которая укоротилась и сдвинулась в сторону. Спину так припекает, что приходится снять куртку и подвесить ее вместе с котомкой на палку, которую он несет на плече.

Из кустов, растущих у краев железной дороги, на Марина, рыча, кидается собака. Мальчик нагибается и, подняв с насыпи камни, бросает в собаку, но та от него не отстает и лает все свирепее. Потом прибегают еще две, и все вместе с лаем набрасываются на мальчика. Справляться с ними становится трудно, Марин теперь принужден обороняться палкой, словами и камнями. Вскоре он устает, и ему становится страшно. Псы худые, лохматые. Возможно, их больше интересует котомка (они не знают, что она пуста), чем хилая фигурка беглеца. Собаки наглеют. Одна вцепилась желтыми клыками в штанину, и без того достаточно рваную.

Положение делается критическим.

Глаза Марина дико сверкают. Удары, которыми он пытается укротить псов, становятся все более яростными и беспорядочными и поэтому все реже достигают цели. Собаки неотступно следуют за Марином, и он тщетно пытается от них отделаться. Как быть? Может, снова влезть на дерево? Лай, переходящий

в злобный визг, мешает ему думать. Он совсем было пал духом, как вдруг услышал голос:

— Пошли прочь, заразы!

Из кустарника вышел человек в шапке-кэчуле, с сумой и палкой. Он молча смотрит на Марина. Вид у него довольно грозный.

Собаки тотчас же перестают лаять. Они виновато вертятся, продолжая ворчать и повизгивать, но подчиняются низкому голосу незнакомца, очевидно хозяина. Марин тоже останавливается. Он весь дрожит. Говорить он не в состоянии.

— Проголодались звери! — объясняет человек. — Укусили они тебя?

Марин отрицательно качает головой.

— Да я их и не боюсь, — произносит он, понимая, что надо что-нибудь сказать.

— Они как волки. Злые, — продолжает человек, с любопытством подходя ближе.

— Нет ли у тебя чего-нибудь поесть? — спрашивает Марин. — Я заплачу! — с гордостью добавляет он.

Человек качает головой.

— Нет, у меня нету. Но в деревне найдешь, если у тебя есть деньги. Далеко ли идешь? — снова любопытствует он.

Марин готов пустить в ход одну из выдумок, припасенных для подобного рода вопросов. Но неизвестно почему говорит правду:

— В Мехединцы.

— В Мехединцы? Это далеко. Очень далеко, — рассуждает пастух (из-под кустов показались спины нескольких овец).

За несколько минут овцы заполонили все пространство от кустарника до насыпи. Человек издает горлом какой-то странный звук, слышав который собаки с лаем кидаются к овцам.

— А где деревня? — решившись, спрашивает Марин.

— Там, — показывает пастух палкой. — Часа два ходьбы.

Марину хочется спросить, есть ли в селении жан-дармское отделение, но он не осмеливается.

— Я найду там чего поесть?

— Да, найдешь, если захотят тебе продать, — неуверенно отвечает пастух.

— Пойду туда, — объявляет Марин.

— Счастливого пути!

Марин уходит. Через час пути у въезда на железнодорожный мост его останавливает часовой.

— Здесь нельзя.

— А где же?

— Внизу, через брод! — солдат кивает головой.

На плече у него винтовка. Вид очень озабоченный.

— Отойди в сторону, поезд идет!

В подтверждение его слов раздается короткий свисток. Марин ждет, когда пройдет поезд. Пыхтя, приближается паровоз. За ним послушно бегут вагоны. Люди гроздьями висят на лестницах, на буферах, на крышах. Когда поезд проезжает, многие машут руками, кричат. Одни бросают бумажки, огрызки яблок, другие просто поплеывают со скуки.

Поезд прошел. Часовой, застывший в положении «смирно», вдруг оживает и делает несколько шагов.

— Нельзя здесь, слышишь? — кричит он, увидев, что Марин не ушел.

Мальчик замечтался и словно не слышит окрика.

— Проваливай!

У реки прохладнее. Марин отдыхает на лугу. Где же брод?

Наконец Марин находит его. Река глубокая, по пояс. Раздевшись донага, с пожитками над головой Марин пускается в путь; ледяная шуба одевает ему спину. Ступает Марин осторожно, чтобы не угодить в какую-нибудь яму. На другом берегу отряхивается и сушится. Потом растирается одеждой, но долго еще стучит зубами; голод мучает его. Вдалеке показывается деревня. Он идет к ней напрямик через пашню. В голове роятся самые разнообразные мысли. Вдруг там жандармы? А что, если ему ничего не продадут? Где он будет спать? Вспоминается чердак у Ликэ. Все-таки там было лучше, чем в поле. Но нет. Что это ему взбрело на ум? Хуже всего предрассветная роса. Промерзаешь до мозга костей.

У входа в село Марина встречают собаки. Но теперь ему не страшно. Здесь вокруг люди. Вернее сказать, дворы, потому что на улице пустынно.

В трактире галдеж. Войдя, Марин сразу смотрит на полки: пустые. Не видно связок бубликов, как у дядюшки Пыкэ. Никто не отвечает Марину на его приветствие. Он подходит к прилавку и ждет, пока освободится хозяин.

— Тебе чего? — спрашивает трактирщик.

Он косоглаз, и Марин не может понять, куда он смотрит — на него или на кого-то рядом.

— Я хочу чего-нибудь поесть, — бормочет, наконец, Марин.

— Ничего нет. Только вино, табак...

— Мне бы поесть, — настаивает Марин.

Он держит в руках деньги, чтобы трактирщик не принял его за нищего.

— Ты откуда? — интересуется хозяин, продолжая смотреть куда-то в сторону.

— Иду домой, — уклончиво отвечает Марин.

— Больной? Из больницы возвращаешься?

Теперь человек как будто смотрит на Марина. На самом же деле он обозревает столы. Потом снова смотрит в сторону, то есть на Марина.

— И денег-то у тебя маловато. Чего тебе дать?

— Немножко чорбы, мамалыги... что есть, — загорается надеждой Марин.

— Хорошо. Садись за стол, — решает корчмарь и забирает у Марина деньги.

Легко сказать садись! В комнате один-единственный стол, и за ним несколько местных крестьян. Люди все рассудительные, и ведут они жаркий спор, из которого Марин слышит лишь обрывки. У него болит и кружится голова, его бросает то в жар, то в холод. Присев в уголке, Марин ставит рядом с собой котомку.

Горячий суп его подбадривает. Марин глотает его, как голодная собачонка. Ест он и холодную зеленую мамалыгу. Когда трактирщик не видит, Марин прячет добрый кусок мамалыги в котомку.

Потом получает еще одну миску супа.

— Хватит с тебя. Решил на неделю нажраться? — сердится трактирщик.

Люди говорят о земле.

— Э, да на что мне, братец ты мой, земля, коли нечем мне ее обрабатывать?

— А ты работай на пару с Кирилэ.

— Скотину-то прирезал, чертов Цугуля.

— А то он дурак, будет тебя ждать.

— Эй, пойдемте в комиссию и потребуем, ведь он обязан!

— Да теперь с него взятки гладки.

— Пускай Фенедэ с него потребует.

— Сытый голодного не разумеет!

Спор продолжается. У Марина слипаются глаза. По телу разливается сладкое тепло, голова падает на плечо. Хорошо бы переночевать здесь, в этой комнате, наполненной шумом и дымом.

— Вот как пойду к партийным начальникам с шефом жандармского отделения, тогда он увидит! — угрожает кто-то Цугуле.

До Марина доносится только «шеф жандармского отделения». Мальчик мучительно старается проснуться, потом вдруг застывает от ужаса. Шеф жандармского отделения? Что, если он придет сюда? Что, если спросит: «Ты кто? Откуда идешь?»

Никто не замечает, как Марин, крадучись, выбирается из трактира. Холодный ночной воздух сразу прогоняет сон. Надо как можно скорее выйти из деревни. Нет смысла заходить еще в какой-нибудь двор. Подумают, что он вор или бог знает кто.

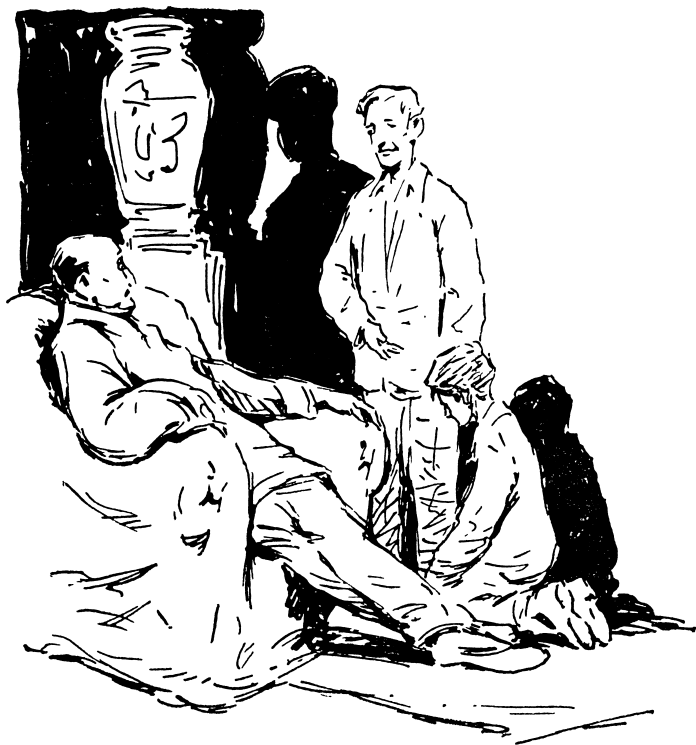
Вначале Марина сопровождают собаки, потом шум деревни, потом звезды, и, наконец, он остается один.

Спит Марин в яме, сытый и усталый.

Так проходит еще одна ночь и еще один день.

Он идет наобум. Проходит через ручьи, лесочки, деревни, поля. Мамалыга уже давно кончилась. Солнце печет. Отдыхать приходится все чаще и чаще. Вечером он падает в полном изнеможении, уже не выбирая места для сна.

Еще один маленький дикий зверек на необъятных просторах придунайской степи.



## Замена

### 1

В день побега Лешего во дворе Ликэ Постолаке царит волнение.

Иордаке пришлось тут же сообщить новость, хотя это вовсе не входило в его планы. После полудня он встретился с Жаравете, и две корзины в руках Иордаке вызвали у того такое невероятное любопытство, что он не отстал, пока не выведал все, или, как ему казалось, все. Благодаря таинственному беспроволоч-

ному телеграфу все мальчишки Постолаке оказались в курсе дела еще до вечернего отчета.

Поэтому, когда Иордаке вошел во двор,—а он намеренно пришел позднее, чтобы иметь возможность все обдумать,—ребята кинулись к нему. Они засыпали его вопросами, таращили на него глаза, как на диковину, щупали корзинку Лешего, словно желая удостовериться, что она на самом деле существует и в ней нет ничего необыкновенного, и не переставали изумляться.

Енаке просто остолбенел. Он один ни о чем не подзревал. Когда волнение немного улеглось, Хромой тоже подходит к Иордаке.

— Это правда, что Марин убежал домой? — испуганно спрашивает он.

Глаза его блестят — от жара, любопытства и зависти.

— Да, — устало и озабоченно отвечает Иордаке.

Потом, не совсем уверенный в Енаке, передумывает и продолжает:

— Ничего я не знаю. Во всяком случае, он идиот. Его поймают.

— Кто?

— Жандармы. Думаешь, крестный дурак, что ли?

— Значит, он не доберется до дому? — заключает Енаке с сожалением, но не без удовлетворения.

— Может, и доберется. Если не помрет по дороге, — двусмысленно добавляет Иордаке.

Енаке испуганно моргает. Иордаке бросает на него неприязненный взгляд и уходит. Жалкая, одинокая фигурка Хромого сотрясается от глухого кашля.

Вторым человеком, узнавшим с опозданием эту необыкновенную новость, оказывается Силе.

Жаравете оповестил его, едва он вошел в ворота.

— Эй, ты, где Леший? — угрожающе спрашивает Силе, подходя к Иордаке.

Вся шайка сгрудилась вокруг, чтобы послушать объяснения Иордаке. Силе внезапно приходит в ярость.



— А ну, вы, черт бы вас подрал! Пошли отсюда! — приказывает он.

Они остаются вдвоем. Остальные, столпившись у чердачной лестницы, прислушиваются и напряженно следят за происходящим.

— Как же это он оставил тебе деньги и товар? — недоверчиво удивляется Силе. — Вот идиот! А ну, давай сюда деньги!

Иордаке вручает ему деньги. Силе задумчиво пересчитывает их: если б этот дурак Иордаке сказал заранее, пока еще не узнала вся округа, тогда можно было бы свалить на Лешего, а деньги, товар, корзинка и сумка остались бы ему, Силе. Иордаке можно было кое-чего подкинуть. А так? Холодная злость внезапно охватывает Силе. Он ударяет Иордаке по уху, потом два раза пинает ногой. И хоть Иордаке довольно силен, он не дает Силе сдачи и убегает. Вслед ему несутся проклятия «булибаши».

— У, тупая олтенская\* рожа! погоди, крестный набьет тебе морду! Он тебе покажет! И всем вам влетит, — страшает он ребят.

На самом деле Силе беспокоится за себя. Он знает, что Ликэ ему этого не простит. Оштрафует по своему обыкновению. А что, если заблаговременно обезпечить себя? Силе направляется к Енаке, который стоит в сторонке.

— Хромой, гони монету!

Енаке поднимает на него страдальческие, молящие глаза побитой собаки. Силе украдкой роется в его сумке и прячет в карман несколько бумажек. Потом идет к Жаравете, к Ницэ, столь же молчаливо опустошая их сумки. И так как Ницэ протестует, Силе приходит в бешенство.

— Ты что, Ницэ! Не хочешь платить долги? — кричит он для порядка. — Влеминским мазался? Хочешь, чтобы я положил тебя на обе лопатки, как этого осла Лешего?

Вечером Силе получил две пощечины и заплатил

---

\* Олтения — область на юго-западе Румынии; олтенец — уроженец Олтении.

штраф. Иордаке же был заперт в новой спальне и вернулся оттуда с пылающими ягодицами.

— Двадцать пять ударов получил! Как в полиции! \* — объявляет Силе во всеуслышание.

## 2

Ликэ в суконном халате, отделанном красным шелком, разговаривает по телефону.

— Алло! Кто это? — раздраженно верещит он. — Господин помощник комиссара Фэникэ у себя?

В участке, в полупустой комнате с полом, намазанным мастикой, сонный полицейский снимает трубку.

— Кто? Господин шеф Фэникэ? Сию минуту.

Полицейский почтительно стучит в соседнюю дверь, на которой написано «Шеф-комиссар». Это маленький кабинет районного полицейского участка. За письменным столом, развалившись в кресле начальника, сидит румяный лысоватый помощник комиссара.

— Здравия желаю! К телефону, господин начальник, — набравшись храбрости, произносит полицейский.

— М-да. Кто это? — ворчит лысый.

— Не могу знать. Спрашивают вас.

— Ну какой черт тебя сделал полицейским? — вдруг оживляется помощник комиссара. — Слушай, деревенщина, — продолжает он наставительно, — спроси сначала, кто это, и тогда посмотрим, здесь я или нет. А то куда это годится? Кто ни позвонит, пожалуйста, извольте подходить?

Полицейский с виноватым видом уходит.

— Алло! Кто это? — басит он в трубку. — Нет, это не я, а кто это? — путаясь, говорит он.

Агент — новичок и, видно, с телефоном обращаться не привык. Голос в трубке, пронзительный и раздраженный, неистовствует.

Полицейский снова входит в кабинет комиссара.

---

\* Обычная «норма» наказания в старой румынской полиции.

— Здравия желаю! Это какой-то Постолаке. Говорит, что знаком с вами.

— Вот так, приучайся, дубина! — удовлетворенно прикрикивает на него помощник комиссара. — Кто, говоришь? Постолаке? Ладно!

Он делает знак агенту, чтобы тот вышел, и лениво протягивает руку к телефону.

— Кто это? А-а-а, господин Постолаке! — Физиономия помощника комиссара расплывается в улыбке. — Здравия желаю, господин Постолаке, здравия желаю. Как дела, господин Ликэ, как дела?

Помощник комиссара делает особое ударение на слове «дела». И нервный, тоненький, как ниточка, голос Ликэ так же упирает на это же слово.

— Дела ничего, идут дела, заходи как-нибудь ко мне в лавку, поговорим.

— Приду, как же, приду, — с хитрым видом отвечает помощник комиссара.

И выжидательно молчит.

— У меня к тебе просьба, господин Фэникэ, — снова раздается тоненький голос.

Господин Фэникэ начинает проявлять большой интерес. Он откидывается в кресле, прижимая трубку к уху, глядит в потолок.

— В чем дело, господин Ликэ?

От потока слов, который на него обрушивается, вид у Фэникэ постепенно становится все более разочарованным.

— Бродяга?

Он берет со стола карандаш и вертит его в руках над блокнотом.

— Как зовут?

Фэникэ придвигается к столу, чтобы писать, и придерживает блокнот локтем.

— Как? Боатэ? — произносит он по складам, записывая. — Что за фамилия! — удивляется Фэникэ. — А имя как? Марин? А, Марин! Все в порядке, господин Ликэ! — продолжает он со скучающим видом. — Я записал. Доставлю тебе эту драгоценность. Если угодит в префектуру, через два часа будет дома. Да, да. Спасибо, спасибо. Приду, как же.

Фэникэ бросает трубку и бормочет:

— Лезет со всякими пустяками! Конечно, только за этим я ему и нужен.

Лицо его вдруг становится злым.

— Ну погоди, я тебя нагрее, господин Ликэ. Нагрее так, что надолго запомнишь.

Он снова поднимает трубку.

— Алло! Префектура? Дайте отдел предварительного заключения малолетних. Алло, Петраке, это ты? Привет. У меня к тебе дело... Если приведут к вам одного бродягу, мальчишку Боатэ Марина... Да-да, Боатэ. Дурацкая фамилия, я тоже сказал... Знай, что это мой. С моего участка. У меня на него жалоба — воровство. Ты мне его пришлешь? Да? Будь здоров, Петраке. Целую.

Помощник комиссара звучно чмокает в телефон и вешает трубку. Потом вынимает сигарету, крутит ее между пальцами, постукивает по столу, чтобы спрессовался табак, и кричит:

— Петку! Эй, Петку!

Снова входит полицейский.

— Отправляйся к Кристаке и принеси литр цуйки.

Петку ждет.

— Ну, чего ты ждешь?

— Денег, господин начальник.

— Какие еще там деньги, черт возьми, какие деньги? Тупица! Остолоп! Скажи ему, что для меня, вот и все!

Господин Фэникэ раздражен. Полицейский вышел. Господин Фэникэ элегантно жестом подносит к сигарете зажигалку и цедит сквозь зубы:

— Подумать только, какую присылают деревенщину!

### 3

Пять-шесть дней спустя газетчик Фане с любопытством вертится вокруг дома Постолаке. Лицо его похудело, заострилось, глаза утратили прежнюю веселость. Кепка так же лихо заломлена набекрень, но на шее уже не висит папка с газетами. Фане ходит, заложив руки в карманы, и время от времени с досадой

плюет на мостовую. Вот он остановился перед высокими железными воротами, обитыми черной жестью, и собрался уже положить руку на засов, но заколебался и снова пошел вверх по улице, то и дело выплевывая семечки.

Во-первых, не нравится ему эта профессия продавца бубликов. Во-вторых, из того, что рассказал Марин, ясно, что за тип этот Ликэ Постолаке. В-третьих, что, если поймут Марина и Ликэ узнает, что они знакомы? Он подумает, будто Фане подбил Марина бежать, и вместо работы он нарвется на неприятности. Чего доброго, еще взбучку получит.

И все же придется попробовать. Два дня он почти ничего не ел. В животе урчит так, словно это не живот, а кобза. Надо что-нибудь предпринять. Со службой газетчика было покончено. Фане перестал быть газетчиком через два дня после ухода Марина. Когда утром он явился в подворотню, где брал обычно газеты, оказалось, что Горе не пришел. Старик Горе — бывший официант, разыгрывавший из себя капиталиста. Он приобретал газеты пачками и раздавал их продавцам. Продавцов было всего пятеро. Целыми днями просиживал Горе в буфете на улице Брезояну. Там его и находили газетчики, когда являлись с отчетом. В тот день Горе не пришел. Фане, как и другие, спрашивал о нем всех. Горе бесследно исчез. Фане попробовал заключить «сделку» с другими концессионерами. Их было несколько. Но никто его не брал. У Горе была дурная репутация. Кроме того, все дело держалось здесь на честном слове: раз уж ты ушел с газетами, с «товаром», кто мог заставить тебя снова вернуться? Никто. Уверенность в этом мог иметь только хорошо знавший тебя человек.

И Фане пришлось убедиться, что ему не верили. Денек-другой он перетаскивал одной хозяйке дрова с улицы во двор, попробовал было стать носильщиком, сначала на Северном вокзале, откуда его прогнали «фараоны», потом на станции Обор. Но тут редко встречались пассажиры с багажом. По большей части это были крестьяне и зеленщики, которые не нуждались в носильщике. На третий день Фане от-

правился к старому Томе, который приходился ему кем-то вроде дядюшки: он был троюродным братом его бабушки. Полуглухой старик пенсионер жил один. Тома всегда был злобным скрягой. Фане, сам не зная почему, ненавидел его с пеленок. Впрочем, дядя Тома ни с кем из семейства не был в добрых отношениях. Как бы то ни было, Тома хоть и разрешил Фане переночевать на крылечке, но поесть ничего не дал и все время ворчал:

— Отправляйся к хозяину. Только и знаешь, что глупостями-то заниматься. Ловкач! У папаши твоего в роду все такие.

Фане рассердился и ушел. Он не выносил, когда кто-нибудь плохо говорил о его отце; отец был настоящим железнодорожником и погиб во время бомбардировки Гривицы в 1944 году.

И под мостом больше нельзя было спать. В первый же вечер, придя туда, он узнал, что Горе «замели» и что он в «каталажке». Фане не воображал, конечно, что Горе занимается невесть какими честными делами, но и не подозревал, что старика могут посадить.

Это было первое дурное предзнаменование.

На следующий вечер, когда он, огорченный и измученный, пролез сквозь решетку, Стерикэ крикнул ему:

— Эй ты, а где же твой братец?

— Уехал!

— Уехал, говоришь, да? — и Стерикэ с угрожающим видом стал наступать на Фане.

Но лицо у Фане было такое расстроенное, что старик смягчился:

— Послушай, что с тобой? Идешь ко дну?

— Безработный я, дядя Стерикэ, — с чувством собственного достоинства ответил Фане.

А через секунду, смущенно, добавил:

— Поесть у тебя нету?

— Вот те на! Ты что ж, думаешь, что я здесь специально сижу, чтобы кормить тебя? — с издевкой ответил Стерикэ.

Опечаленный Фане скрылся во тьме берлоги.

Когда же после ночи, проведенной у дяди Тома, Фане снова пришел под мост, он обнаружил «фараонов» и понял, что делать ему там больше нечего. Лишь на следующий день стало известно, что прошлую ночь произошло настоящее сражение: нагрянули полицейские из префектуры и вывели наверх всех, кто был там. Отель «Под мостом» перестал существовать.

В конце концов, вспомнив рассказы Марина, Фане решил попытать счастья у Постолаке. Хоть и не очень вдохновляло его то, что он узнал от продавца бубликов, но у Постолаке можно было по крайней мере получить кусок хлеба.

И вот Фане снова перед железными воротами. Нахлобучив кепку, он нажимает на щеколду. Первое разочарование: ворота закрыты. Фане находит, наконец, кнопку хорошо замаскированного звонка. Неуверенно нажимает ее и прислушивается. Никто не идет. Звонит еще раз, подольше.

— Кто здесь? — слышится, наконец, сварливый голос.

Это Мадамана; она направляется к воротам, вытирая большие красные руки о грязный передник.

— Эй, не слышишь, что ли? Кто там? — повторяет Мадамана.

У нее от господина Ликэ точное указание: не открывать никому, пока не скажут кто.

Фане понимает, что надо что-то отвечать.

— Здесь живет господин Постолаке? — спрашивает он, стараясь выразить своим голосом смирение.

В воротах, обитых черным железом, открывается окошечко. Это тоже изобретение Ликэ. «В наше время, дорогая, не знаешь, кто войдет к тебе во двор. Лучше осмотреть гостя заранее».

Мадамана с явным разочарованием разглядывает Фане. Ее большое красное лицо в рамке черных прутьев не блещет красотой.

— Чего надо? — нехотя произносит Мадамана, готовая закрыть окошечко.

Фане просовывает в окошечко руку. Его дерзкий нос обнюхивает двор.

— Господина Ликэ нет дома?  
— Да что тебе от него надо?  
— Он сказал мне явиться сюда, собирается нанять меня продавцом бубликов, — врет Фане.

— Продавцом бубликов, — недовольным голосом повторяет старуха и с любопытством оглядывает его. — Хорошо. Иди за угол, к другим воротам, — отсылает она Фане и, захлопнув окошечко, закрывает его на задвижку.

Фане глядит на мрачный высокий забор, на двухэтажный дом и забытые решеткой окна первого этажа.

«Ух ты, черт! Вот это барин!» — думает он.

Наконец Фане находит за углом ворота и стучит. Ворота тоже заперты, но в отличие от первых они деревянные и заканчиваются шипами, перевитыми тремя рядами колючей проволоки. «Отсюда не очень-то убежишь», — размышляет Фане.

Ворота приоткрываются, и показывается круглая голова Жаравете. Сейчас вечер, и он, подобно другим мальчишкам, толчется во дворе.

— Тебе чего?

— Пусти! — говорит Фане, легонько отталкивая его. — Я пришел наниматься продавцом бубликов.

— Наниматься?

Жаравете злобно передразнивает его. Ему кажется ужасно смешным это «наниматься».

— Кто тебя прислал? — продолжает он допрос.

— Пропусти, — настаивает Фане, снова отталкивая Жаравете.

Тот мужественно сопротивляется.

— Ну ладно. Разве так можно? Погоди, я посмотрю.

Он с силой захлопывает ворота и бежит к Силе.

Фане злится, но ждет. «Они и не представляют себе, что я всех их знаю», — мысленно радуется он.

Наконец ворота открываются. Жаравете смотрит на пришедшего, как на выходца с того света. Фане, осторожно озираясь, входит во двор. Его пытливый взгляд мгновенно охватывает все: толстенького и наглого Жаравете, сарай в глубине двора, лестницу на чердак, кухню, внутренний дощатый забор, про-



давцов бубликов, один из которых высокий и черномазый. Марина нигде не видно, значит, его не поймали.

— А ну, ты, шагай сюда! — небрежно кричит высокий черномазый продавец бубликов, который сидит на пне, прислонившись к забору.

«Это, должно быть, Силе», — думает Фане. Он решает вести себя осмотрительно и, медленно приблизившись к мальчишкам, прикладывает палец к кепке.

— Привет!

— Ты откуда? — начальственным голосом спрашивает Силе, не отвечая на приветствие.

Фане не обижается. Говорит спокойно, не слишком быстро и не очень медленно:

— Из Бухареста.

— Откуда из Бухареста?

— Из Гранта.

— Ага, из Гранта. Значит, карманник!

— Нет, газетчик.

— Кто-кто? — издевательски ухмыляется Силе. — Газетчик? Значит, пишешь в газете ногой?

Всеобщий хохот. Толпа мальчишек начинает развлекаться. Это одно из качеств Силе: он умеет разыгрывать спектакль.

— Я продавал газеты, — объясняет Фане, делая вид, что не замечает насмешек.

— Ага. Крупный торговец. Я тебя знаю. Видел однажды, как ты продавал навоз на площади!

Снова раздается хохот, но уже более вызывающий. Фане молчит и оглядывает по очереди всех, кто стоит перед ним. Этот, наверное, Иордаке; тот, бледный, должно быть, Енаке. Так и есть, вон он как хромает.

— А кто тебя прислал сюда, господин продавец рыбной чешуи? — невозмутимо продолжает Силе.

— Я сам пришел, — безмятежно отвечает Фане. — Слышал, что вы ищете продавцов бубликов.

— Ты слышал, что мы ищем продавцов? Да? Хорошо-о.

В ответ на эту несусветную ложь Силе посылает меткий плевок, который пришелся Фане как раз меж-

ду ногами. Но тот и глазом не повел. Он решил, что снесет и больше, чем эти мелкие оскорбления.

— Послушай, — продолжает Силе, — ведь это от меня зависит, наймут тебя или нет. Придется тебе каждый вечер мыть мне ноги.

Фане не обиделся за плевков. Не обижается и сейчас. Он оглядывается, чтобы удостовериться, не грозит ли ему опасность. А то набросятся все разом и так, ради шуток, отлупят.

Фане кажется, что шайка в хорошем настроении: мальчишки «развлекаются». Он поворачивается к Силе с деланно-наивным видом.

— Вы, — и он широким жестом снимает кепку, — хозяин?

Тут уж ребята от смеха схватились за животы. Их рассмешило, что Силе могли спутать с господином Ликэ. Силе хмурится, ему не понравился ответ «карманника» и то, что объектом насмешек стал теперь он, Силе.

— Да, я хозяин, — отвечает он. — А ну, подойди поближе.

Фане секунду колеблется. Потом решается: взялся за гуж — не говори, что не дюж. Он делает один шаг, другой. Силе поднимается и подходит к нему. Вид у него вовсе не грозный, но злые огоньки играют в черных глазах, которые, словно случайно, на мгновение задерживаются на Жаравете. Толстяк понимает Силе без слов. Он незаметно приседает на корточки за спиной у Фане.

— Так ты из Гранта, да? — с восхищением говорит Силе. — Ух и жулье же там! — обращается он теперь уже ко всем.

Фане — весь внимание, но в движении руки Силе, которая протягивается к его груди, не чувствуется грубости, и Фане продолжает сдерживаться. Силе легонько толкает его в грудь. Фане хочет поддаться назад и падает на Жаравете, задрав кверху ноги. Взрыв радости у зрителей. Фане молниеносно вскакивает и, видя, что ему не грозит новая опасность, улыбается. Ницэ подходит и протягивает кепку. Он поднял ее с земли. Фане хочет взять кепку, но в эту минуту

Ницэ бросает ее в воздух. Кепка описывает в воздухе красивую кривую. Ее хватает Гицок, но когда Фане приближается, кепка снова взлетает в воздух. Как по команде, ребята становятся в круг. Кепка летает, как волейбольный мяч. Фане пускает в ход всю свою спортивную сноровку, чтобы завладеть ею: прыгает, подстерегает ее, кидается в сторону... Все напрасно! В конце концов Фане отказывается от дальнейших попыток и, не показав виду, что сердится, опускается на пень, где раньше восседал Силе.

— Я устал, — объясняет он и даже улыбается.

Удовлетворенный Силе, которому эта игра уже надоела, приказывает:

— Эй, вы! Отдайте ему кепку.

Ловко подброшенная Спиру, кепка парит в воздухе, потом медленно поворачивается и плюхается прямо на голову Фане, закрыв ему глаза и нос. Он невозмутимо снимает ее и снова надевает, по обыкновению набекрень.

— Когда придет господин Постолаке? — упрямо спрашивает он.

#### 4

В конце вечернего отчета Силе, словно чтобы искупить ошибку с Лешим, гордо рапортует:

— Тут один парень хочет стать продавцом бубликов, крестный. Он из Гранта.

— Не нужны мне эти бухарестские карманники, — бросает Ликэ, искоса и недовольно глядя на Силе.

— Он здесь, во дворе, — настаивает Силе, которому, как видно, понравился Фане. Ликэ долго смотрит на Силе.

— Или погоди, — передумывает он. — Этот свинья Леший все равно сбежал. Веди мальчишку сюда, посмотрим. Верно, какой-нибудь оборванец несчастный.

Силе выходит и возвращается с Фане. Газетчик застенчиво вертит в руках кепку.

— Добрый вечер, — говорит он.

Силе толкает его в спину и шепчет:

— Скажи «целую руку», тупица, иди туда, к коврику, и становись на колени.

Ликэ ястребиным взглядом смотрит на вошедшего.

— Я пришел, думал, может, вы захотите меня нанять, — продолжает Фане, по-прежнему стоя у двери.

Ликэ видел сцену, разыгравшуюся только что между Фане и Силе.

На лице его появляется очаровательная улыбка — зубы вперед.

— Подойди поближе, мальчуган, — говорит он медовым голосом.

Фане приближается.

— Ну, иди же, иди! — кротко настаивает «крестный».

Когда Фане оказывается рядом, Ликэ, продолжая улыбаться, как бы шутя хватается за ухо. Покрутив немного ухо, он, все еще продолжая улыбаться, с силой тянет Фане вниз до тех пор, пока не вынуждает его встать на колени.

Лицо госпожи Мими выражает при этом недоверие, Мадаманы — равнодушие, Силе — радость.

— Ну как, ты все еще хочешь стать продавцом бубликов? — продолжает благосклонно скалить зубы Ликэ, не отпуская уха Фане, которое стало красным как кровь.

— Хочу, — тихо, но храбро шепчет Фане.

— Родители есть?

— Нету.

— Значит, бродяга?

— Нет. Родители погибли при бомбардировке. Я был газетчиком.

— Да ну? Ей-богу? Не верю. Уж не большевик ли ты случайно?

— Нет, — отвечает Фане, несколько озадаченный.

— Эй, сознавайся, тебя подослал Вангеле!

— Не знаю я никакого Вангеле.

Фане отвечает глухо, как из подвала, потому что голова его пригнута к земле. Ликэ так и не отпускает его ухо.

— Ну как, Силе, возьмем его? — спрашивает Ликэ.

Силе хранит благоразумное молчание.

— А, Мими? — продолжает Постолаке демократическую процедуру.

Госпожа Мими недоверчиво кривится.

— Что ты скажешь, Мадамана? — заканчивает Ликэ.

Мадамана на мгновение показывает свое большое, круглое и красное лицо. С тех пор как нет Мицы, она одна выполняет всю работу и непрерывно ворчит в знак протеста. Что такое она бормочет, разобрать трудно, и никто не обращает на нее внимания.

— Ну, целуй руку, — решает Ликэ, не дождавшись чьего-либо суждения. Отпустив ухо, он слегка ударяет Фане по губам костлявыми пальцами. — Запиши его, — продолжает он, обращаясь к госпоже Мими, которая точит карандаш. — Дай ему завтра корзинку Лешего, — распоряжается Ликэ.

Фане, еще не решаясь подняться, изучает красный халат с шелковыми отворотами и небритый подбородок Ликэ, на котором колючие редкие волоски торчат отдельными пучками.

— Пока беру тебя на три дня. А там посмотрим.

Фане решается встать.

— Спасибо, — шепчет он, наконец, уже с большим достоинством.

## 5

В этот вечер ребята укладываются на чердаке. Еще недостаточно тепло, чтобы спать на дворе. Так решил Силе. Он пускает в новую спальню только кого захочет, и, понятно, не задаром.

Фане и здесь занял место Марина. Он растянулся на подстилке и молча, внимательно разглядывает каждого по очереди, мысленно сравнивая то, что рассказывал Марин, с действительностью. Глаза его останавливаются на Енаке, который лежит вытянувшись и стонет.

— Кто это? — спрашивает он Спиру.

— Больной.

— Да? Его не Енаке зовут?

— Нет. Хромой.

Спиру с любопытством смотрит на Фане, но тот, поразмыслив секунду, подползает к Енаке. Больной принимает его враждебно.

— Ты Енаке? — спрашивает Фане.

— Да. А тебе что? — зло отвечает Енаке.

Фане не удивляется. Преисполненный жалости, он ложится рядом с больным. Енаке смотрит на него с испугом и любопытством.

— Кто тебе сказал? — спрашивает он между двумя приступами кашля.

— Один твой друг, — таинственно шепчет Фане.

— Нет у меня друга, — недоверчиво качает головой Енаке.

— Марин!

— Марин? Марин убежал. Его здесь нет.

— Он рассказал мне о тебе, — настаивает Фане.

— Ерунда. Где ты его видел?

— Он ушел домой, в Мехединцы...

— В Бурдушешты, — поправляет Енаке немного доверчивее. И снова его одолевает кашель.

— Ты болен, — говорит Фане.

Енаке недовольно кивает головой.

— Почему ты не сходишь в больницу?

Мальчик испуганно отмахивается.

— Чтобы меня разрезали? Да я и мертвый им не дамся.

Силе направляется к лампочке. Он следит за их разговором.

— Эй, ты, пошел на место! — прикрикивает Силе на Фане, дружески подталкивая его ногой в спину.

Газетчик впервые бросает на него сердитый взгляд, но молчаливо ползет на свою «кровать».

Силе гасит свет. Потом выходит и запирает дверь снаружи. Он спит теперь в новой спальне. Слуховые окошечки обозначились на потолке, как два жирных пятна на маскировочной бумаге. Газетчик, превратившийся в продавца бубликов, засыпает быстро и видит во сне, что он под мостом ведет битву с крысами, вооруженными каучуковыми дубинками.



## Пять «формальностей»

### 1

Утром по проселочной дороге едет на велосипеде жандарм. Ботинки неуклюже нажимают на стертые резиновые педали. Высокий и неустойчивый велосипед, подбрасывая ездока, пробирается между ямами и камнями. Внезапно что-то начинает звенеть надтреснутым жестяным звоном: спустило заднее колесо. Жандарм оглядывается назад, но оружие, которое висит на его широкой спине, мешает ему. Ожесточенно выругавшись, он смотрит вдаль: до жандармского отделения еще порядочно. Жандарм упрямо жмет на

педали. Но крышка извивается как змея, ложась то слева, то справа от колеса, и велосипед встряхивает в самых неожиданных местах. Жандарм сходит на землю и накачивает камеру. Все напрасно.

— Лопнула, пропади она пропадом, старая калоша! — вслух жалуется жандарм.

Разозленный, он оглядывается вокруг и отправляется пешком, ведя велосипед за ржавый руль: опять он опоздает, и начальник будет орать. Жандарм сворачивает с дороги на узкую ровную тропинку, которая весело вьется по оврагам и холмам, между редкими деревьями.

Жандарм спешит, по временам спотыкаясь о неустойчивый велосипед, и раздраженно озирается, словно ищет, на ком бы выместить злобу. Вокруг ни души. Но что это? Вон там, в долине, у акации, ведь это не пугало? Жандарм останавливается и приглядывается. Да, да... Подозрительно. Он бросает велосипед на тропинке и медленно, чтобы не шуметь, направляется к акации. Можно побиться об заклад, это человек. Какой-то бродяга или дезертир. Если задержать кого-нибудь без документов и привести в жандармское отделение, вот вам и повод для опоздания. Жандарм останавливается. Теперь видно хорошо. Маленький человечек спит, свернувшись калачиком. Здесь и оружие не понадобится. Жандарм подкрадывается. Это мальчишка. Жандарм подталкивает его носком ботинка и гремит:

— Эй, ты, вставай!

Мальчик вздрагивает во сне. Потом открывает глаза, видит мужские ноги, приподнимается и, в ужасе схватив котомку, пытается бежать.

— Стой! — снова гремит жандарм.

Мальчишка застывает. Он стоит, как прибитая овца, и, часто мигая, смотрит на жандарма.

— Документы! — приказывает жандарм.

Никакого ответа; только глаза расширились от ужаса. Жандарму уже ясно, с кем он имеет дело.

— Нет документов! Как тебя зовут?

После долгих мучений запекшиеся губы мальчика произносят:



— Сын... Боатэ... Марин...  
— Откуда идешь?  
— Откуда иду? — Марин пытается выиграть время.

Он чувствует, что приближается страшная катастрофа. У него болит голова, в боку колет, но сдаваться не хочется.

— Из... из больницы, — вспоминает он.

— Из больницы? Где справка?

— Справка...

Марину приходит на память игра с бухарестскими властями. Он начинает искать. Шарит в карманах, в шляпе, в котомке.

— Потерял, — отвечает он наконец.

— Дурака валяешь, да? Слышишь, что спрашиваю? Откуда ты?

— Из... Бурдушештов.

Марина вдруг как молнией пронзила мысль, что жандармы могут отослать его домой.

— Из каких Бурдушештов, врун ты эдакий, из каких Бурдушештов? Нет здесь никаких Бурдушештов.

— Бурдушешты... в Мехединцах, — спешит разъяснить Марин.

— В Мехединцах? Чего ж тебе здесь-то надо? Бродяга ты, я вижу. А ну, живо в жандармское отделение.

— Я не бродяга! Ей-богу, не бродяга! Из Бурдушештов я, домой иду.

Марин начинает плакать, но жандарму некогда.

— Пошел, пошел, да замолчи, а то я задам тебе такие бурдушешты! \*

Марин медленно отправляется в путь; жандарм ведет за руль велосипед и все время подталкивает мальчика в спину. Когда Марин двигается чересчур медленно, жандарм ударяет его по ногам велосипедным колесом.

В жандармском отделении через несколько минут, получив пять-шесть звонких пощечин, Марин при-

---

\* В оригинале игра слов: румынский глагол *burdusi* означает «поколотить», «вздуть».

знается во всем. Жандарм старается набить цену своему подвигу.

— Хотел сбежать по дороге, господин начальник. Бродяга из Бухареста.

— Вот собака! — полудобродушно удивляется старшина, который допросил и «наказал» мальчишку.

— Из Бурдушештов я, — твердит Марин, продолжая всхлипывать.

— Напишите на него рапорт и отошлите в Бухарест, — решает начальник караула. — Нет у меня для него ни пайка, ни людей, чтобы довести этого господина к нему «на родину», в его Бурдушены.

Марин в ужасе выслушивает свой приговор.

## 2

Через два дня он попадает в камеру предварительного заключения префектуры. Камера общая, и сидят здесь десятки арестантов всех возрастов и калибров. В одном из углов молча лежит заплаканный, стриженный и прошедший «санобработку» Марин, весь почерневший от горя и тоски.

Входит стражник, и десятки существ немедленно кидаются к нему.

— Стой! — осаживает он их, как скотину, и рывкает изо всех сил, чтобы перекричать шум, царящий в зале: — Боатэ Марин.

Но никто не откликается, и стражник раздраженно продолжает:

— Эй, вы, кто там из вас, сукины дети?

Марин вздрагивает в своем углу. Он не знает, что делать. Спрятаться бы! Выходить отсюда он ни за что не хочет. Что хорошего может ждать его там, в городе?

— Вроде бы этот, а? — совещаются двое рядом с Марином.

— Эй, ты не Боатэ? — трясет его за плечо один из них.

— Ну, кто там, не слышишь, что ли? А то у меня получишь! — продолжает орать надзиратель.

Наконец Марин поднимается и, подталкиваемый

остальными заключенными, направляется к двери. Представитель власти меряет его презрительным взглядом и награждает подзатыльником.

— Поторапливайся, болван!

У двери Марин оборачивается. Он окидывает взглядом камеру, где провел день и ночь.

— Куда мы идем? — отваживается спросить он.

— Не твое дело! — ворчливо отвечает надзиратель.

Они идут по холодному, серому, полупустому коридору.

### 3

Марин предстает перед помощником комиссара Фэникэ. Петку втолкнул его в комнату. Некоторое время Фэникэ не обращает на мальчишку внимания. Потом поднимает глаза: Марин босой, одет в лохмотья, шапку и котомку потерял; в таком виде — стриженный наголо, с синяками под глазами — он очень похож на заключенного.

— А с этим что? — со скучающим видом спрашивает помощник комиссара.

— Честь имею доложить, господин начальник! Бродяга от господина Постолаке.

— А-а-а, это он? — вдруг заинтересовывается Фэникэ. — Продавец бубликов! А ну, поди сюда, дорогуша!

Марин подходит чуть ближе. Он не знает, что его ждет. Фэникэ долго и задумчиво изучает его.

— Сбежал от хозяина, а?

— Из Бурдушештов я, — снова заводит Марин свою песню. — Домой хотел пойти, — говорит он умоляюще, ободренный тем, что этот молодой толстый человек с лысиной не смотрит на него свирепо и еще ни разу не дал ему пощечины.

У Фэникэ и в самом деле на физиономии написано отеческое участие. Он подходит к Марину и заглядывает ему в глаза. Фэникэ решил взять мальчишку кротостью.

— Ну, скажи, бездельник, почему ты сбежал, а? Тебя били? Да? Били тебя?

Но Марин еще очень недоверчив.

— Ты скажи, не бойся. Я ведь знаю этих бандитов торговцев. Тебя били? И не давали есть?

Лицо Марина постепенно светлеет. Он начинает кивать головой.

— Правильно я говорю, да? — продолжает восхищенный успехом помощник комиссара. — И никакого заработка, — прибавляет он на крестьянский лад, чтобы быть понятым.

— Одни долги у нас у всех там, — вырывается, наконец, у Марина. — Сделал спальню с постелями, а нас все равно на чердаке на соломе держит, — продолжает он мстить Ликэ.

Увидев, что его слушают, Марин выкладывает все, что знает.

Фэникэ застыл, наклонив лысину набок, словно в голову ему запала какая-то мысль и он боится пошевелиться. В самом деле ему пришло кое-что в голову. Это обнаруживается, когда Фэникэ неожиданно встает и говорит:

— Довольно. А теперь замолчи и слушай внимательно. Петку, — приказывает он. — Возьми ручку и лист бумаги. Пиши.

Диктует он с важным видом, кружась по комнате.

— Показание. Так. Подчеркни. Хорошо-о! Я, нижеподписавшийся... Эй, ты, как тебя зовут? — поворачивается он к Марину.

— Сын Боатэ, Марин, — быстро отвечает Леший.

Искра надежды вспыхивает на его худом, сморщенном лице.

— ...Боатэ Марин... заявляю, что я бросил службу у господина Стелиана Постолаке, принимая во внимание и ввиду того, что он меня бил, не давал мне еды и...

— Слишком быстро, господин начальник, — жалуется Петку, с некоторым трудом управляющийся с ручкой.

Фэникэ заглядывает Петку через плечо.

— Ну и мазня! Как говорится: медленно, но плохо. Ну, давай сюда.

Господин Фэникэ садится за стол и пишет, произнося по слогам:

— Принимая во внимание и ввиду того, что... Ох, и нагрёю ж я тебя, господин Ликэ, ох, и нагрёю! — произносит он, словно про себя.

Марин и Петку смотрят на него удивленно.

— А ну, пошли отсюда, путаете меня, — заметив их, говорит Фэникэ.

Петку с Марином уходят.

Господин Фэникэ продолжает по слогам:

— ...недостойное народно-демократического режима...

И снова злобно бормочет:

— Ох, и нагрёю я тебя, господин Ликэ, ох, и нагрёю!

#### 4

Постолаке вызван вечером в участок к помощнику комиссара, решившему его «нагреть». Ликэ сидит в комнате для ожидающих. Петку взирает на него со смиренным видом. Ликэ нервничает. Время от времени он вскакивает и прохаживается по комнате. Глаза его, как и мысли, перебегают с одного предмета на другой. В голове множество сделок. Склад на улице Пиептенарь до отказа набит товарами. Дела идут на славу. Ликэ давно уже не берет ассигнациями. Только золотом.

— Ассигнации, братец ты мой, — это барахло. Сегодня ты купишь на них отрез, а завтра они сгодятся только, чтобы вытирать... — и Ликэ хихикает в лицо смущенному покупателю.

Сделки вовлекли Ликэ в поистине головокружительный водоворот. Лавку он держит теперь из одного только тщеславия.

— Это, братец ты мой, маска. Я надеваю для них маску.

Только с продавцами бубликов он не может расстаться. С ними начинал он торговлю и им остается верен. Теперь они приносят не ахти какой доход, но это, во всяком случае, «верный и чистый» заработок. Если, не дай бог, что случится, — ведь эти «фенедисты» просто сели торговцам на голову, только и

знают, что обвиняют их в саботаже, — будет с чего начинать сначала.

Взволнованный этими назойливыми мыслями, Ликэ делает рукой жест, словно прогоняет ос, и обращается к Петку:

— Чем занят господин начальник? Видите ли, сударь, у меня дела. Я не могу терять времени. Я занят...

Петку покорно выходит. Потом возвращается.

— Господин начальник сказал: подождите еще немножко. У него допрос.

Ликэ снова недовольно ходит по комнате. Все эти канцелярские крысы — бездельники. Попадешь к ним в руки — затаскают до полусмерти. Лучше послать ко всем чертям этого поганца Лешего. И замена ему нашлась. Но Ликэ тут же передумывает. Надо проучить других: пусть увидят, что с ним шутки плохи.

Дверь отворяется, и показывается веселая физиономия помощника комиссара.

— Здравия желаю, господин Ликэ, здравия желаю! Ну, как дела-делишки? — спрашивает он и заговорщицки, с притворным дружелюбием трясет Постолаке руку. — Ну, говорите, что у вас там стряслось, а? Кто-нибудь обидел?

— Да ведь ты сам меня вызвал! — обиженно произносит Ликэ.

— Ах, да, да, да! Совсем забыл! Пожалуйста, пожалуйста, господин Ликэ. Так, говоришь, дела идут неплохо, а?

Они вошли в кабинет. Когда Фэникэ закрывает дверь, Ликэ с сердитой и недоверчивой миной замечает:

— Этот тип сказал, что у тебя допрос, а здесь никого нету.

Фэникэ, улыбаясь, указывает ему на другую дверь.

— Я отправил их туда. Еще не закончил. Но не хотелось заставлять тебя ждать. Ну, что еще скажешь, Ликэ? Идут дела-делишки?

Помощник комиссара то и дело потирает руки, и

Ликэ это не нравится. Ликэ знает, что означает этот подозрительно вежливый тон. С каким бы удовольствием он вlepил ему несколько затрещин по преждевременно разросшейся лысине!

— Черта с два идут, — угрюмо отвечает Ликэ. — Какие сейчас могут быть дела? Закрываю лавочку, ей-богу. Товаров нет, покупателей нет, налогов целая куча, инспектора ходят сотнями. К черту брошу эту лавку. Несчастье одно, а не лавка.

— Ладно уж, дядюшка Ликэ. Мне тебя не жаль. Денег-то у тебя, как у турка: хоть пруд пруди.

— Как это хоть пруд пруди, сударь? — забеспокоился Ликэ, все же польщенный. — Это вам приснилось... Вы только послушайте его: хоть пруд пруди! Скажи лучше, зачем позвал меня, — снова нарочито хмурится он.

— Объявился ваш Боатэ, — победоносно сообщает Фэникэ.

— Леший?

Лицо Ликэ расплывается в улыбке. Но он тут же одумывается: нет смысла выдавать свои чувства.

— Вот так, сударь, всегда с этими бездельниками, — продолжает он тоном порядочного и разочарованного человека. — Ты надрываешься, чтобы вывести их в люди, тратишь на них деньги, здоровье... И что же? Думаешь, они тебе благодарны? Как бы не так! Они убегают с твоей же копеечкой, добытой потом и кровью. Так вы нашли его, да? Пошлите его ко мне, я научу его уму-разуму. Больше никогда в жизни не сбежит. Я не я буду, если мальчишка улизнет еще раз. У меня найдется на него управа. Хорошо, господин Фэникэ. Будешь в городе, загляни ко мне в лавку, поговорим... — И Ликэ многозначительно подмигивает.

Потом он встает, собираясь уйти. Но помощник комиссара, который все время одобрительно кивал головой, продолжает сидеть за письменным столом.

— Пока придется поддержать его здесь. Тут целый ряд формальностей, господин Ликэ. Я отпущу его завтра, после того как забегу к вам.

Фэникэ смотрит прямо в глаза торговцу: «Погоди,

я тебя знаю. Не сули журавля в небе, дай синицу в руки», — говорят его наглые глаза.

Ликэ сердится. Он обижен.

— Отпустите его, господин Фэникэ. Вы что ж, не верите мне?

— Не то что не верю, но вы же понимаете, пока не будут соблюдены все формальности (тут Фэникэ делает жест, подлинный смысл которого хорошо знаком Ликэ), это невозможно.

— Одна формальность, — Ликэ делает ударение на первом слове. — Вполне достаточно.

— Нет, пять, господин Ликэ, клянусь честью. Две нужны префектуре.

Это означает, что господин Фэникэ должен «подмазать» своего доброго друга Петраке. Конечно, он даст ему лишь четвертую часть «формальности», самое большее — половину, но для Ликэ он преувеличил.

— Пять? — голос Ликэ перешел в фальцет — знак того, что гнев его достиг апогея. — И не подумаю. Можешь послать мальчишку к черту, «на родину». Других я не найду, что ли? Да я уже нашел, если хочешь знать, — добавляет он победоносно. — До свидания. За такую-то цену пусть себе убегает. Я отказываюсь.

— Господин Ликэ, я хочу, чтобы вы знали: положение не такое простое, — говорит помощник комиссара мягко, учтиво, но угрожающе.

Ликэ улавливает изменения тона и останавливается у двери.

— Ну, конечно, если вы хотите его усложнить, мерси, — говорит он, надувшись, но тем не менее снова подходит к письменному столу.

«Не стоит ссориться с этим Фэникэ. Не знаешь, когда он понадобится. В наши дни то и дело приходится обращаться к этим типам из участка», — думает Ликэ.

Помощник комиссара понимает, что выиграл сражение. Ему хочется продлить удовольствие:

— Я усложняю, ты усложняешь, этот бездельник усложняет, режим усложняет.



По мере перечисления голос его становится все более серьезным. При последнем слове Ликэ вздрагивает.

— Вздор! — произносит он недоверчиво, но уже обеспокоенно.

— Дорогой Ликэ, это не просто вздор. Вот прочти-ка это, — говорит Фэникэ и, поднимаясь, протягивает через стол бумагу.

Ликэ берет ее с явным неудовольствием, снова присаживается к столу и читает. По мере того как он просматривает бумагу, его лицо мрачнеет.

— ...условия вар-варской экс-плуатации... заставили меня, — бормочет он по слогам как малограмотный.

Тут Ликэ побагровел и, не закончив чтения, швырнул бумагу на стол.

— Что это значит, господин Фэникэ? — кричит он.

— Что поделаешь, — произносит спокойно господин Фэникэ. — Что есть, то есть. И пройти мимо этого нельзя. Она зарегистрирована, видишь?

Он показывает штамп на бумаге.

— Мура! — произносит Ликэ в бешенстве.

— Нет, не мура. Это правонарушение, сударь. У меня есть приказ произвести расследование.

— Расследование? — возмущается Ликэ.

— Ну, это только так говорится. Я сам буду его производить. Я показал тебе, чтоб ты понял, почему я говорю, что понадобится больше «формальностей». Пять!

Комиссар подмигивает.

Ликэ задыхается от такого нахальства. «Плохи мои дела, — думает он, — раз такая мразь, как этот Фэникэ, издевается надо мной».

— Хорошо-о, господин Фэникэ! Хорошо! — сердито соглашается Ликэ. — Сказать по правде, не ожидал я, что вы подложите мне такую свинью.

Лицо помощника комиссара озаряется радостью победы. Наконец-то он «нагрел» этого торговца. Попался-таки олтенец.

— Я? Свинью? Господину Ликэ? Да разве это возможно? Мне очень жаль. Я не знаю, как выпутать-

ся, а вы думаете, что все это я подстроил. Жаль. Очень жаль. По сути дела, — Фэникэ доставляет себе последнее удовольствие, — следует, чтобы и ты дал показание.

— Не буду я давать никакого показания! — Ликэ подскакивает как ужаленный. — Я ничего не подпишу!

— Пойдите, господин Ликэ, не сердитесь. Чтобы доказать вам, что я на вашей стороне, — вот показания. Я сам написал за вас. Прочтите, подпишите, и делу конец. Все шито-крыто!

Ликэ читает бумагу, и лицо его проясняется. Потом он складывает ее вчетверо и сует в карман.

— Заходите завтра и получите.

— Хорошо, господин Ликэ. Очень жаль, но я ничего не мог поделать. Эх-хе-хе, да что вы понимаете? Времечко теперь не то. Государство интересуется сегодня положением каждого рабочего, господин Постолаке.

В глазах помощника комиссара светится «тонкая» ирония, но до Ликэ она не доходит.

## 5

После вечернего отчета, который закончился сегодня быстро, мальчишки гуляют по двору. Силе выходит из кухни, где его задержал «крестный».

— Все на чердак! — командует он. — А ну, поворачивайтесь. Поворачивайтесь!

Ребята протестуют.

— Еще рано.

— Я постираю рубаху.

— Я пойду в уборную.

Но с Силе шутки плохи. Тех, кто карабкается по лестнице последним, он угощает тумачами. Возбравшись следом за всеми, Силе запирает чердак снаружи.

Ребята приходят в бешенство.

— Сукин сын! — злобно ругается Йордаке. — Сам шляется по городу, а нас здесь запирает.

— Что ж, если мы дураки, — раздается звонкий голос Фане.

— Тоже мне умник нашелся! — подсмеивается над ним Спиру.

Иордаке внимательно выслушивает Фане и направляется к нему. По пути ему попадает на глаза физиономия Жаравете, который явно шпионит.

— Если донесешь хоть слово, морду сверну! Слышишь, подлюга?

Толстяк ретируется, обиженно ворча.

Иордаке и Фане оживленно перешептываются. Как ни стараются они, чтобы никто не услышал, обрывки разговора доносятся до остальных ребят.

— ... Да кто он такой? Разве мы не можем поставить его на место? — горячится Фане.

Тем временем Силе открывает ворота заднего двора, ведущие на улицу. Появляется чуть живой от страха Марин и Петку, подталкивающий его в спину.

— Что я вижу, Леший? Попался-таки, несчастный, — ухмыляется Силе. — Сюда, сюда, — указывает он Петку на новую спальню.

Марина запирают. Петку уходит. От ворот Силе направляется прямо на кухню.

— Мадамана! Скажи крестному, что пришел Леший.

— Привели его? Бедняга! — жалеет старуха Марина.

Она не спеша выходит в коридор и вскоре возвращается с Ликэ.

— Дай ключ, — обращается Ликэ к Силе. — Позови Миелу и приходи сам с бутылкой влеминского.

Они выходят вместе. Ликэ направляется в спальню. Войдя, он вытаскивает спички и зажигает керосиновую лампу, подвешенную к балке потолка. В слабом мерцающем свете вспыхнувшей спички какой-то дикий зверек быстро спрыгивает с постели. Это Марин. Бледный, с вытаращенными глазами, он стоит молча, прижавшись к стене. Ликэ даже не удостоивает его взглядом. Повернувшись лицом к стенке, он поправляет фитиль лампы.

— Ну, Леший, — начинает он своим писклявым

голосом садиста. — Ты думал, что можно удрать с деньгами. Ты вор, вор! Я с самого начала говорил, что ты вор.

— Я ничего не крал, — хнычет Марин. — Я все отдал Иордаке.

— Что ты отдал? Ничего ты не отдал! — вопит Ликэ.

Он кончил возиться с лампой. Входит Миелу в сопровождении Силе.

— Раздевайся, — приказывает Ликэ.

Но Марин с быстротой молнии юркнул под кровать, Силе — за ним. Слышатся приглушенные стоны. В конце концов Силе вылезает, волоча Марина за ногу. Вытащив его из-под кровати, он бьет его кулаком до тех пор, пока тот не перестает сопротивляться. В сущности, Марин давно уже понял, что от Ликэ не отделаться. Обидно только расставаться с надеждами, которые вселил в него лысый комиссар.

Вот Марин уже распростерт на одеяле, вниз лицом, Миелу уселся ему на ноги, Силе — на руки. Ликэ отстегивает и берет в руки ремень. Он начинает бить по тощей спине, стараясь угодить по белым худым ягодицам. При каждом ударе Ликэ выкрикивает:

— Сбежишь еще, а? Сбежишь, а?

## 6

Ребята еще не спят.

Снаружи доносятся странные протяжные вопли. Это крики Марина, которые слышны здесь очень приглушенно.

На чердаке вдруг становится очень тихо. Только где-то стрекочет сверчок. Ребята прислушиваются.

— Что бы это могло быть? — шепчет Иордаке Спиру.

— Не знаю.

— Может, дядя Миелу тетю Ляну бьет? — высказывает предположение Гицок.

— Ну, она так не вопит, — авторитетно заявляет Иордаке.

Все снова напряженно слушают. Крики становятся слабее. Енаке кашляет.

— Да перестань ты, старая кляча! — раздраженно кричит Ницэ.

— Оставь его в покое, — вмешивается Фане, который прислушивается внимательнее всех.

Ребята насторожились. Стрекот сверчка, кашель Енаке и стоны, доносящиеся снаружи, становятся громче. Жаравете, у которого давно уже блестят глаза, не в силах больше сдерживаться.

— А я знаю, что это, — заявляет он.

Все смотрят на него вопросительно. Жаравете молчит, чтобы разжечь всеобщее любопытство. Он торжествует.

— Эй, ты, говори, а то как дам! — угрожает Иордаке.

— Лешего порют! — вырывается у Жаравете.

Чердак наполняется восклицаниями, вопросами.

— Лешего?

— Вернулся пастух?

— Пришел?

— Когда?

— Полиция привела?

Жаравете уже начинает жалеть, что проболтался. Теперь придется все сказать.

— Его нашли. Он сбежал с деньгами и теперь расплачивается.

Но Фане угощает его в темноте подзатыльником.

— Эй, ты, помолчи! Он ничего не украл. Я его знаю. Брехун ты.

— Он не крал, — подтверждает голос Иордаке, который лучше других понимает, что происходит внизу, в спальне.

А внизу, в спальне, Ликэ уже устал. Теперь Силе старательно мажет Марина влеминским, особенно там, где остались следы ремня. Смазывает он и голлову, где замечает шишки и синяки.

— Вот так. Три его хорошенько. Чтобы вся чесотка и все воровство вышли, — радуется Ликэ.

Миелу наскучила вся эта история, и он хочет уйти.  
— Погоди, — останавливает его Ликэ. — Позаботься о том, чтобы доставить его наверх.

Ликэ выходит первым: как-никак он хозяин.

Силе уже кончил мазать и теперь созерцает свою работу.

— Готово, Леший. Можешь одеваться.

Но Леший не может или не хочет вставать. Он лежит обессиленный и тихонько стонет. Подтолкнув его, Силе накидывает на него одеяло.

По лестнице Силе тащит Марина почти волоком, а Миелу наблюдает. Наверху Силе выпускает свою ношу, чтобы отпереть дверь. Марин валится на пол как куль. Силе отпирает и ввинчивает лампочку. Свет вспыхивает, осветив пятнадцать пар вытаращенных глаз.

— А ну, подвинься, — Силе подталкивает Фане.

Потом уходит и возвращается с Лешим.

Лицо у Марина почти белое, похудевшее, один глаз закрыт, синяки темнеют на лбу и на скулах. Пораженные ребята присвистывают от удивления, но Марин словно их не видит. Он сразу валится на свое старое место. Фане наклоняется над ним. Все с жалостью и с испугом смотрят в их угол. Никто не решается двинуться, потому что Силе, пройдя в глубь чердака, к своей койке, и поставив на пол бутыл с влеминским, оглядывает ребят с видом диктатора.

— Ну, теперь мы посмотрим, убежит ли еще Леший, — бахвалится он.

И жестоко добавляет:

— Эй, вы! Знаете, сколько он получил? Пятьдесят! Дал ему крестный на орехи!

Перепуганные мальчишки молча переводят взгляд с Силе на Марина и обратно. Силе удивлен, что другие не разделяют его веселья. Он хмурится и обводит всех холодными глазами. Взгляд его задерживается на Иордаке и Фане.

— Глядите как следует, сопляки, и помните: такое будет с каждым, кто ослушается меня и крестного.

Тут в голову Силе приходит идея.

— Жаравете! — кричит он. — Пойди задери ему рубаху, пусть и эти посмотрят.

Жаравете направляется в угол Марина. Идет он медленно, без особой охоты. Никто его не поощряет. Напротив, во взглядах многих, в особенности Фане, явная враждебность. Жаравете останавливается.

— Ну, что же ты? — подгоняет Силе.

Жаравете нерешительно подвигается дальше, но при первом движении Фане отскакивает назад.

— Ой, карманник дерется! — жалуется он.

Силе понимает, что надо вмешаться ради укрепления своего авторитета. Он встает и с угрожающим видом шагает вдоль чердака, походя награждает тумакон Жаравете, подходит к Марину и грубо отталкивает Фане. Силе задирает Марину рубаху.

— Эй, вы, полюбуйтеесь!

Продавцы бубликов отчасти из страха перед Силе, отчасти из любопытства собираются вокруг Марина. Одни смотрят как загипнотизированные, другие в ужасе отходят. Спиру и Йордаке лишь слегка приподнимаются на локтях. Фане, потемневший от возмущения, не в силах больше сдерживаться. Он опускает одежду Марина, прикрывая распухшее, покрасневшее от побоев тело.

— Довольно! — решительно заявляет он Силе.

— Мы уже видели! — подтверждает Йордаке.

Силе искоса смотрит на говорящих. С минуту он соображает, стоит ли подраться, но, решив, вероятно, что Фане даст ему сдачи и что он, Силе, и так перегнул палку, воспринимает замечания с усталой благосклонностью.

— Гашу свет! — рывкает он вдруг. — По кроватям!

Все расходятся по своим углам. Силе выкручивает лампочку.

Его огромный силуэт появляется в рамке открытой чердачной двери. Потом он выходит и запирает дверь снаружи.

На чердаке продолжается шепот, кашель Енаке, глубокие вздохи Марина.

Глаза Фане блестят в темноте.



## Колечки дыма и сульфат

### 1

На следующий день утром во время раздачи бубликов Силе рапортует госпоже Мими:

— Леший и Хромой не желают вставать. Говорят, что больны.

— А ты? Чего смотришь?! — кричит госпожа Мими, глядя на Силе поверх очков и бросив считать.

— Что же делать, госпожа Мими: все за них горой!

— Кто это все?



— Ну, и Иордаке, и Спиру, и этот карманник из Гранта.

В кухню входит Ликэ. Он в пижаме, заспанный, растрепанный, с красными глазами.

— Слышишь, Ликэ? Двое не желают идти, — уведомляет его возмущенная Мими, втыкая в волосы выпадающие железные шпильки.

— Леший и Хромой, — спешит добавить Силе.

— А-а-а, Леший! — вдруг радостно откликается Ликэ. — Ну как, вчерашнее ему пошло на пользу? — спрашивает он, проявляя большую заинтересованность.

— Стал как овечка, крестный, — подлизывается Силе. — Здорово ему досталось. Даже пошевелиться не может.

Довольный своим подвигом, Ликэ потирает руки.

— А с Хромым что такое? — хмурится он вдруг. И, помрачнев еще больше, прибавляет: — А ну, води его сюда!

— И Лешего?

Силе не хочется ходить два раза.

— Того оставь, я ему здесь работу найду. Рожа у него сегодня не для гуляния по бульвару, — скалит зубы Ликэ.

Силе тоже смеется и уходит.

На улице мелкий, безнадежный, бесконечный дождь, какой бывает только осенью, хотя сейчас начало мая. Двор усеян лужами. Там, где он вымощен, камни блестят металлическим блеском, а кирпичи краснеют, как запекшаяся кровь.

Енаке, которого поддерживает, вернее подталкивает, Силе, спускается с лестницы. Ребята столпились как овцы под навесом и смотрят на них.

— Куда ты его ведешь? Не видишь разве, он больной? — набрасывается на Силе газетчик.

— Крестный зовет. А ты чего суешься? — говорит Силе, стремясь сложить с себя ответственность.

Постолаке, чтобы сэкономить время, сам выходит из кухни.

Под навесом воцаряется гробовое молчание.

— Дай ему «принадлежность», — приказывает Ликэ.

Выходит и Мадамана. Она смотрит на небо, потом на мокрый двор. Искорки человечности вспыхивают в ее мертвых глазах.

— Господин Ликэ, как бы он совсем не простудился, — отважно вступается она за Енаке, намекая всем своим видом, что от болезни Хромого он больше потеряет, чем выиграет.

— Еще чего скажешь! Простудился! — с удивительной злостью обрушивается на нее Ликэ.— Уж я-то знаю, сколько чертей сидит в каждом из этих мальчишек. Эх-хе-хе, сколько сам я перенес дождей... и морозов, и вьюг! И кровью харкал, а ведь все-таки не умер!

Мадамана опускает голову, неизвестно почему вытирает свои большие руки о передник и снова исчезает на кухне.

Молчаливые, промокшие и обескураженные, вооруженные корзинами, предусмотрительно покрытыми клеенками (чтобы не промокли бублики), ребята, среди которых и Енаке, теснятся у ворот, потом под надзором Силе гуськом выходят на улицу.

Вскоре Енаке остается один. Силе присматривает за тем, чтобы все «посты» на бойких местах были заняты, не то их займут вангелисты, и торговле будет нанесен ущерб. Енаке идет медленно и хромает больше обычного, хоть и опирается на палку. Дождь усилился, и холодный ветер бросает струи воды куда попало. Вода стекает с Енаке ручьями, но он, охваченный внутренним жаром, словно не замечает этого. Капли скатываются с высокой барашковой шапки на затылок, а оттуда за шиворот, по спине. Енаке дрожит, но не только от холода. Он добрался до своего угла и ищет, где бы присесть. Покупателей мало. Прохожие спешат. Какая-то собака — одна кожа да кости, — то и дело стряхивая слипшуюся от дождя шерсть, торопливо пробирается вдоль стены. Она учуяла запах бубликов Енаке, остановилась и смотрит желтыми глазами на неподвижную фигурку у корзинки. При виде палки, которой Енаке с тру-

дом взмахивает, собака поджимает хвост и убегает, скаля острые клыки на красной подкладке десен.

Енаке укрывается в подворотне. Черт с ней, с торговлей! Он стоит неподвижно, съежившись и прислушивается, как хрипит в груди: кашлять старается потихоньку, чтобы было не очень больно, и в промежутках между приступами дремлет, не замечая, как бегут часы.

Неожиданно словно из-под земли вырастает Фане.

— Эй, Енаке, как дела?

Енаке не отвечает. Он видит Фане словно сквозь туман и не может понять, Фане это или привидение.

«Привидение» ведет себя странно. Вынимает деньги и кладет их в сумку Енаке, потом берет часть бубликов из корзинки Енаке и кладет их к себе.

— Ты стой здесь. Не выходи больше. Твои я тоже продам!

Енаке не пытается сопротивляться всей этой операции. Вначале ему кажется, что Фане хочет его обокрасть, но он привык не протестовать, когда противник сильнее, и поэтому не возражает. Какой смысл? Его радует перспектива остаться в подворотне, хотя здесь сквозняк и ноги все время мерзнут.

Енаке дремлет.

Он не удивляется, когда позднее видит Иордаке, проделывающего ту же операцию, что и Фане. Дождь перестал, но ему не хочется никуда двигаться. Он спит с открытыми глазами.

Вечером Иордаке уводит Хромого домой.

## 2

К Ликэ во двор въехало железное чудовище, его подталкивали двое в накинутах на голову мешках. Это механическая пила. И вот уже кипит вода, машина то и дело стреляет и шипит. Рабочие суетятся вокруг, как около больного животного. Когда первое бревно попадает под крутящуюся с бешеной скоростью пилу, раздается протяжный страшный вой, сначала пронзительный, потом все мягче и тише. Люди работают быстро. Мелькают передники, мешки

на головах, лохмотья и розоватые мокрые опилки. Один рабочий подталкивает бревно спиной до тех пор, пока не раздастся вой; потом вдруг отскакивает; вой обрывается сухим стуком, и на землю, как отрубленная голова, падает чурбак. Тут бы, кажется, благодарить судьбу, что с этим страшным делом покончено, но рабочий снова прилаживает круглое шероховатое бревно, а пила, ненасытная и воинственная, собирается с силами. И опять рабочий подпирает бревно, а вой нарастает, все более пронзительный и отчаянный.

И так несколько часов подряд: вой разрывает барабанные перепонки, терзает все внутри, чудовище то свистит, то кашляет, то вдруг, задохнувшись, останавливается и переводит дыхание, и все стучит, стучит, как целая ватага кузнецов, бьющих поочередно по невидимой наковальне.

Другой рабочий сражается с мокрыми и непокорными бревнами.

Леший стоит рядом с машиной и подает бревна.

Когда около чудовища вырастает целая гора, Марин сбрасывает чурбаки в подвал.

Кончился дождь, и вместе с ним остановилась машина.

Во всем квартале наступила невиданная тишина, точно кто-то влил тебе, наконец, в воспаленные уши теплое масло, а на больной живот положил горячий кирпич. Мало-помалу снова возникли обычные дневные шумы: отголоски дальних криков, стук захлопнувшейся двери, хриплое «кукареку», мелодичные голоса хозяек и детей.

Жизнь квартала опять вошла в привычную колею.

Леший работает с мрачным упорством. От работы ему становится легче. Забываются колики в боку и ссадины. Напряжение мышц не только не изматывает его, но словно излечивает от ран, заживляет их. Все утро Леший складывает и снова разбирает горы распиленных бревен. Внизу, в погребе, одна за другой выстраиваются аккуратные богатырские шеренги. Марин непрерывно движется, и в голове его нет почти никаких мыслей. «Почти», ибо что-то новое зародилось в его мозгу. Мысль, пока еще смутная, но не-

истребимая, растет в нем, как прочная стена из хорошо обожженных кирпичей, и возводится эта стена с упорством, решимостью и гневом.

Происходит это не потому, что, как сказал Ликэ, «не знаешь, сколько чертей сидит в каждом из этих мальчишек», а потому, что Марин становится взрослым.

### 3

Изменив своему обыкновению (последнее время «дела» удерживали его в эти часы в городе), Ликэ приходит обедать домой. Сидя за столом в хорошем расположении духа, он спрашивает Мими:

— Что делал Леший? Работал?

— Все дрова перетаскал, — констатирует Мими.

— После обеда надо послать его с Миелу убирать на Пиептенарь. Беспорядок там...

И, ковыряя зубочисткой в зубах, Ликэ погружается в раздумье.

Мими тоже хранит молчание.

— А хорошо ли, если он увидит, что там? — вдруг с беспокойством спрашивает она.

Глаза Постолаке будто говорят Мими, что она глупая и трусливая женщина.

— Леший-то? Уверяю тебя, теперь он ангел. Года два не посмеет и пикнуть, вот увидишь. Знаю я этих мальчишек.

Госпожа Мими покорно выслушивает мужа, но в уголках ее рта застыла гримаса недоверия.

И вот Марин с Миелу уже на улице Пиептенарь. Вернее, не на самой Пиептенарь, а на одной из прилегающих к ней улочек. Здесь что-то вроде подземного склада, битком набитого самыми разнообразными товарами. Рядом с тюками сукна и полотна—мыло, брусками и в коробочках. Мотки проволоки соседствуют с рулонами кожи, а пакеты табака и папирос лежат вместе с кипами чулок и мешками сахара и риса.

Пол вымощен камнем, стены старательно оштукатурены. По полу рассыпаны какие-то странные горошины. Марин поднимает одну из них и разглядывает.

— Эй, дурень, смотри, это отрава для крыс! — предупреждает его Миелу, который непрерывно курит, развалившись на мешках.

Он ничего не делает, только указывает Марину, как «навести порядок», и, выпуская изо рта колечки дыма, провожает их долгим взглядом. В самом деле, здесь целое состояние. Глаза Миелу загораются алчным огнем. Только что делать с товаром? Для товара необходим склад. Нужно иметь «связи», обращаться к десяткам маклеров. И потом у Ликэ есть точные списки всего, что лежит на складе. А сам Миелу у Ликэ в руках, что поделаешь. Отсюда ничего не возьмешь. Миелу нужно другое: деньги. И даже не просто деньги — им грош цена, — а золотые, чудотворные красноватые монетки, которые последнего проходимца могут вывести в люди.

Миелу не очень-то следит за тем, как хлопочет Марин. Мальчик возится около мешков и коробок с таким же усердием, как утром, когда он укладывал дрова в подвал. Его приводят в восторг разноцветные коробки, мешки, пакетики — все эти «вещи», издающие приятный запах изобилия и богатства.

Эх, если бы ребята знали, что здесь есть у крестного! А им он дает одну мамалыгу и чорбу из лебеды! Холодное бешенство вдруг охватывает Марина, но он вспоминает слова Ликэ:

— Послушай, ты, Леший! Если скажешь кому-нибудь, что видел там, сделаю из тебя котлету!

И Миелу:

— Держи язык за зубами, парень, не то я тебе все кости переломаяю! Слышал?

Марин должен молчать. Он сумеет теперь молчать. Нет никакого смысла говорить что-либо этим дуракам. Леший не очень-то симпатизирует своим коллегам по ремеслу. Даже Фане кажется ему подозрительным. Почему он пришел на его место к Ликэ? И как он ведет себя с Силе? А Иордаке, похоже, не отдал крестному деньги. За это его, Марина, так били в новой спальне. Нет, он не станет ничего им говорить. И Марин продолжает с ожесточением «наводить порядок», пытаясь открыть левый глаз, кото-

рый вчера вечером заплыл, а теперь стал отходить.

Миелу выпускает колечки дыма.

Никому бы и в голову не пришло, что в этом большом тонком кольце ему грезятся мясистые губы госпожи Мими, родинка около усиков, цветастый халат, и в ушах его звучат благочестивые слова, которые непрерывно слетают с ее уст. «Жирная!» Миелу ненавидит ее, сам не зная за что. С Ликэ другое дело. Ликэ на нем наживаетесь самым наглым образом да еще посадил ему на шею эту идиотку. Но ничего. Придет когда-нибудь и его время. Его, Миелу. Придет, придет! Это ясно, как дважды два.

Госпожа Мими давно исчезла вместе с растаявшим колечком дыма. Вместо нее Миелу видит теперь кучку блестящих золотых.

И Миелу располагаетсь поудобнее на мягких мешках, чтобы как следует углубиться в созерцание этого последнего, сверхрайского видения.

#### 4

Силе совершает контрольный обход.

Он переходит от одного к другому, чтобы набрать сумму, необходимую для визита к тетушке Аретии.

Вот он на улице Липскань, около Фане.

— Эй ты, карманник, подкинь-ка мне несколько монеток, — говорит он и хлопает Фане по плечу в знак равенства и даже дружеских чувств.

Фане меряет его осторожным и недоверчивым взглядом, но не шевелится.

— Давай, давай, ты! Выкладывай! В займы! — Силе делает уступку, чего раньше с ним никогда не случалось.

— А с какой стати? — сопротивляется Фане.

Силе приходит в бешенство. Нечего было с ним церемониться.

— Ну, ты, заткни плевательницу! Не то...

Фане бросает на него пронизывающий взгляд. Потом прилаживает сумку на боку, словно собирается в ней пошарить, берет корзину и уходит прочь.

— Ничего я тебе не дам! — говорит он сухо.

Силе не только страшно разозлен, но и поражен. Исполненный воинственного духа, он отправляется было следом за Фане. Но тот идет очень быстро.

Силе посылает ему вслед угрозы:

— Корчишь из себя умника! погоди, еще поползаешь передо мной на брюхе! Я с тобой еще разделюсь! — Но отступает, поняв, что выбрал неподходящий момент. Здесь, на Липскань, слишком много народу. Прохожие смотрят на него с любопытством.

Свернув на улицу Биржи, Фане оглядывается. Силе исчез.

— Ну, со мной тебе разделаться не удастся, не на такого напал, — обращается он вслух к исчезающему Силе.

Какая-то женщина с удивлением смотрит на Фане. Тут он понимает, что разговаривает сам с собой. По сути дела, он говорит так громко, потому что не уверен, что поступил правильно. Силе всемогущ во дворе у Постолаке. Если бы кто-нибудь смог поддержать Фане, но кто? Может быть, Иордаке? Лешего избили до полусмерти, Енаке болен, а Спиру... В Спиру он еще как следует не разобрался. Он то с одними, то с другими... Итак? Почти никого! Этот вывод тревожит Фане. Впрочем, незачем надолго застревать у этого Постолаке, рассуждает он, чтобы подбодрить себя.

Фане располагается у офицерского собрания: здесь много народу, а ведь ему надо еще продать товар Енаке. К счастью, торговля у него идет как по маслу.

Перед Фане останавливается парнишка, одетый в серую спецовку, пилотку и бутсы. Спецовку он носит как королевскую мантию.

— А ну, дай-ка этот большой бублик, — важно командует он.

Фане, не поднимая глаз, выбирает бублик побольше и протягивает ему. Парнишка берет. Фане, как заботливый торговец, одной рукой укладывает бублики, а другую протягивает за деньгами. Но так как деньги запаздывают, он поднимает глаза от бутс к



спецовке и выше. Его сердитое и задумчивое лицо расплывается в улыбке. То же самое происходит и с лицом покупателя.

— Здорово, Фане, как поживаешь?

Мальчики протягивают друг другу руки. Знакомы они давно, еще с зимы.

— То-то мне показалось, что знакомый голос, но вроде бы не очень. Ты какого-то чудака из себя корчил, — объясняет Фане.

— Ну, как поживаешь? — снова несколько свысока обращается к нему парнишка.

— А ты, Митикэ? Э-э-э! Да какой ты разодетый! — искренне восхищается Фане.

— Я ученик, а не какой-нибудь нищий, как ты, — грубо обрезает Митикэ.

— Брось ты хвалиться-то! — подтрунивает над ним Фане.

И потом более холодно:

— А я, что ли, нищий? Я бублики продаю.

— Это все одно, — Митикэ обдает его безграничным презрением.

Фане рассердился и молчит. Тогда Митикэ начинает понимать, что перегнул палку. Ему хочется исправить ошибку.

— Послушай, приходи лучше и ты к нам, я тебя устрою.

— Я? В школу? — высокомерно улыбается Фане. — Меня и силком туда не затащишь.

— Да нет. На стройку: кормежка, одежка, жилье!

— Эх ты, а сказал, что ученик! — подсмеивается над ним Фане.

— Там и учат немножко, — смущенно оправдывается Митикэ. — Конечно, не так, чтобы уж очень, — добавляет он предусмотрительно.

Фане снова молчит. Он долго и с интересом со всех сторон разглядывает Митикэ, как отец, купивший своему ребенку новую одежду.

— А где это? — спрашивает Фане на всякий случай.

— В Бэнясе.

— Жалованье получаете?

— Немножко. Так, кое-что раз в месяц перепадает.

— И что вы там делаете?

— Кто копает, кто каменщиком, кто у машин... В общем работаем! Получаем квалификацию!

— Что?

— Квалификацию, говорю, получаем. Ну, обучают нас ремеслу. Я, например, стану электромехаником.

— Это ты-то электромехаником? — поднимает его на смех Фане.

— А что, и буду! Приходи к нам!

Фане хмурится.

— Не пойду, — говорит он. — Меня школой не заманишь.

— Ну как хочешь, — обиженно произносит Митикэ. — Только ты дурень, так и знай... Привет!

И он уходит с гордым видом, шаркая бутсами.

— Привет! — откликается Фане, глядя ему вслед.

Потом оглядывает себя: здорово пооборвался.

— А ну, бублики! — кричит он вдруг, может, чтобы отвлечься от невеселых мыслей. — Бублики вкусные! Убедитесь сами! Мать испекла их своими руками!

## 5

Вечером Марин и Фане секретничают во дворе. Фане нарочно пришел пораньше. Он думал, что Марин болен и лежит на чердаке. Но, вернувшись, столкнулся с ним во дворе. Двигается Леший довольно легко, но выглядит плоховато. После стрижки лоб у него словно вырос, а полуоткрытый левый глаз, который начал теперь синеть, глядит устрашающе. Ребята быстро поняли друг друга. Марин переменялся: говорит коротко, вопросы задает точные, а получив ответ, задумывается. Мальчики рассказывают друг другу, что им пришлось перенести за время, пока не виделись. И Марин понимает, почему Фане пришел на его место.

— Правильно сделал, что пришел, — угрюмо одобряет он.

Весть о том, как вел себя Иордаке и что он перенес, не порадовала Марина.

— Ага! Значит, крестный врет! — заключает он, поразмыслив.

— А ты что сегодня весь день делал? — спрашивает его Фане.

— Дрова укладывал. Потом... — он умолкает.

— А после обеда?

— После обеда в лавке был, убирал там, — хитрит Марин.

Фане рассказывает, как он помог Енаке.

Мальчишки уже давно вернулись с «постов» и снуют теперь по двору. Многие из них останавливаются около Марина и расспрашивают его:

— Ну как, болит еще?

— Так-таки пятьдесят раз и ударил?

— А поймал тебя кто? Полиция?

— А Силе тебя бил?

— Кто ж виноват, если ты с крестным споришь!.. Дурак!

Подходит и Жаравете.

— Что с тобой, Леший? Любушка в глаз поцеловала?

Потом отстает от Марина и принимается за Фане.

— Смотри с карманником не водись, напустит тебе вшей.

— Заткнись, щенок! — беззлобно отталкивает его Фане, усвоивший обычаи двора.

Жаравете отворачивается и, словно нечаянно задев ногой корзинку Фане, опрокидывает ее. Фане мгновенно дает ему подзатыльника.

— Ослеп, что ли?

Жаравете вдруг начинает верещать на весь двор. Фане глядит на него удивленно. Он ударил его не сильно, скорее в шутку. Почему это Жаравете стало так больно? Ребята окружают толстяка, а тот вопит во все горло. Теперь он переменял пластинку:

— Фане отнял у меня деньги! — кричит Жаравете. — Он отнял у меня деньги!

Подходит Силе, как будто случайно. Но отеческий, терпеливый тон, которым он допрашивает Жаравете,

заставляет подумать, что он заинтересован в том, что здесь происходит.

— Ну, что такое? Кто тебя побил? Как? Тебя обокрали? Кто тебя обокрал?

Все ребята в предчувствии необыкновенных событий окружают их. Только Енаке с удрученным видом стоит в сторонке.

Вдруг Жаравете кидается к Фане, не ожидавшему подобной атаки, вырывает у него сумку и предусмотрительно кидает ее на землю.

— Вот кто! — орет он. — Вот кто!

Силе не спеша направляется к Фане. Несколько человек бросаются к сумке, чтобы поживиться.

— Пригляди за сумкой, Марин, — успевает сказать Фане и отскакивает в сторону, спасаясь от затрешины Силе.

Марин ныряет за сумкой, как вратарь за мячом. Потом поднимается, крепко прижимая ее к себе, и ударяет Жаравете, который снова пытается ее вырвать. Марин выглядит устрашающе — с обритой головой и сверкающим мрачным гневом единственным здоровым глазом.

Вот почему кое-кто благоразумно отходит в сторону, в особенности когда Леший выхватывает у Енаке палку и начинает угрожающе размахивать ею. Молниеносный удар обрушивается на Гицoka, успевшего запустить руку в сумку.

— Отдай деньги! — рычит Марин.

Гицок с презрением бросает их, но предусмотрительно отходит подальше от «психа».

Между тем битва Силе и Фане в полном разгаре. Пока это особый вид «бокса», с применением ног. Вначале удары Силе, более высокого и самоуверенного, достигли цели, и Фане пошатнулся и упал. Потом вскочил, но снова получил удар. Увидев, что противник повержен, Силе бьет его ногой в бок.

Всеобщий интерес переместился теперь сюда. Продавцы бубликов, прирожденные спортсмены, окружают и подзадоривают борцов. Круг то сужается, то расширяется или рвется в зависимости от хода борьбы, но тут же смыкается снова. Он размыкается

потому, что Фане, по присущей ему живости, а может быть, от растерянности и испуга злоупотребляет «разминкой». Неизвестно откуда появляется Жаравете. Он ноет, что Леший ударил его по голове, и умышленно путается в ногах у Фане; тот спотыкается и падает уже в третий раз. Силе дерется как чемпион, желая показать, что знает бокс. Он не обрушивается на Фане, чтобы раздавить его своею тяжестью. Нет. Он стремится «нокаутировать» противника, чтобы тот больше не смог подняться.

Но в круг протискивается Марин, оставив корзину, сумку и палку на попечение Енаке. Он кидается между борцами, хватает Жаравете за ногу и вытаскивает его за «ринг». Теперь обнаруживается, что газетчик не собирается уступать. По лицу его течет кровь, лопнула губа, но сын Гранта продолжает сопротивляться. Фане ловко уклоняется, и мастерские удары Силе не достигают цели. «Булибаша» злится и теряет благоразумие, а между тем Фане, ловкий как кошка, пользуется слепым гневом своего противника и наносит ему удары кулаком по челюсти, по уху и раз даже головой в живот.

Лица импровизированных зрителей, выражавшие вначале лишь садистское удовольствие от самого вида побоища, потом — презрение и сочувствие к тому, кто, казалось, был побежден, теперь засветились интересом и душевным участием. Они смеются, когда Силе промахивается. Аплодируют, когда Фане попадает в цель. Марин открыто поддерживает друга.

— Наподдай ему! Берегись, подходит!

Другие ребята тоже издают восторженные возгласы и громко оценивают ход сражения.

— Ну и чертов карманник!

— Не сдается!

— А приходится попотеть Силе-то!

В дверях кухни, обеспокоенная необычным гамом во дворе, появляется Мадамана. В руках у нее деревянная мешалка для мамалыги.

— Хватит, голодранцы! Уймись! Пошли прочь!

Грозное оружие Мадамань не принимается ре-

бятами всерьез. Оказавшись рядом с бойцами, старуха не на шутку пугается и начинает кричать:

— На помощь! На помощь! Они убьют друг друга! Господин Миелу! Господин Миелу!

Вид у бойцов теперь очень страшный. Оба окровавлены, в пыли. У Силе потемнело в глазах: удар пришелся прямо в лицо. Он отступает, сует руку в карман, и в слабом сумеречном свете сверкает металлическое лезвие. Фане это заметил. Он отскакивает, хватая кол и начинает размахивать им над головой.

Из дому выходит Миелу. Он, как всегда, в одной рубашке и шлепанцах. При виде Миелу Силе поспешно прячет стилет. Потом кидается на Фане, чтобы ударить его еще несколько раз, прежде чем Миелу выручит парня.

Шофер проникает внутрь круга. Пинки и кулачные удары заставляют зрителей разбежаться врассыпную. Вырвав кол из рук Фане, он угощает им обоих драчунов, и они исчезают с поразительной быстротой.

## 6

Вскоре Силе в сопровождении Жаравете и Спиру появляется на кухне, где происходит вечерний отчет.

Уведомленный обо всем Мадаманой, Ликэ смотрит на них весело.

— Ну, из-за чего подрались? — спрашивает он наивным тоном, после того как Силе, лицо которого здорово расцарапано, исполнил обычный ритуал.

— Я поймал этого типа из Гранта, когда он воровал деньги у Жаравете, — важно отвечает Силе.

— Эй, Жаравете, это правда? — спрашивается Ликэ.

Толстяк, тоже слегка помятый, кивает головой и всхлипывает:

— Он на меня набросился... С Лешим... Но мы им показали! — хвалится он под конец.

А тем временем во дворе Марин и Фане, которые

стали похожи друг на друга (у газетчика тоже затек глаз) «сеют смуту».

— Что ж он думает, я должен отдавать, сколько ему захочется? — протестует Фане, обращаясь к ребятам. — Он денег требовал, а я не хотел давать. Я у него в печенках сижу, вот он на меня Жаравете и натравил.

— Он у меня сегодня требовал восемьсот лей, будто займы, — вторит Фане Иордаке, переходя таким образом на сторону газетчика.

— А у меня он всегда... — но слабый голос Енаке не заканчивает фразу. Хромой, приложив руку ко рту, заливается кашлем. Рука вся в крови. Гицок, увидев это, в недоумении отходит в сторону.

Из кухни возвращается Жаравете.

— Эй, ты, ну как, выпутался?

— Он мне скостил, — хвалится толстяк.

Заметив Фане, Жаравете потихоньку пробирается подальше от него.

Марин подошел к Енаке. Хромой задыхается, он очень бледен и почти не в состоянии двигаться. Марин вместе с Иордаке перетаскивают его на чердак. Там в полутьме они хотят сначала положить Енаке на его место, но Леший, окинув взглядом, помещение и моментально сообразив, делает Иордаке знак, чтобы тот помог ему. Они направляются в глубь чердака, к кровати Силе.

— Ты что, спятил? — бранится Иордаке, но тем не менее продолжает ему помогать.

— Он болен. Ему нужна постель получше.

Марину и в голову не приходит отнести больного в новую спальню. Это было бы чем-то из ряда вон выходящим.

— Пусть попробует сказать что-нибудь, — возмущенно добавляет Марин.

— Дело твое, — произносит Иордаке, давая понять, что он умывает руки.

Он не забыл, что из-за Марина получил «двадцать пять ударов, как в полиции».

Енаке раскинулся на постели Силе, как маленький распятый Христос.

Внизу, на кухне, подошла очередь Фане.

Ликэ пересчитывает деньги.

— Пять тысяч шестьсот! — кричит он Мими. — Обворовал Жаравете, — заключает Ликэ категорически.

— Но у Жаравете не было недостачи, — проговаривается госпожа Мими, которая не знает о драке и вообще сегодня немного рассеянна. Ликэ бросает на нее суровый взгляд.

Только тогда госпожа Мими понимает.

— То есть нет... — запоздало спохватывается она.

— Зачем ты взял деньги Жаравете? — перебивает Ликэ Мими и пристально смотрит на Фане.

— Я не брал у него ни гроша, — решительно отрицает Фане. И продолжает, глядя на Силе: — Он потребовал пять сотен взаймы, а я не хотел давать, вот он и набросился на меня.

Между Фане и Силе происходит дуэль взглядов, немой диалог. Силе: «Если ты про меня скажешь, не будет тебе больше здесь жизни». Фане: «Если захочу — скажу, а не захочу — не скажу».

Ликэ понимает, что ему еще не все известно об этом поединке, и приходит в бешенство.

— Что?! Кто у тебя требовал? Силе?

Происходит немой обмен взглядами. Силе пытается проявить твердость и смотрит на Ликэ с невинным видом.

— Жаравете! Он с меня требовал! — глухо произносит Фане.

Он решил про себя, что лучше на Силе не доносить. Ему вообще не по душе доносы.

Силе тайком облегченно вздыхает.

— Это правда, Силе? — кричит Ликэ.

— Я не знал, — извиняется Силе, отказываясь от обвинения, возведенного на Фане.

— Тупица! — обрушивается на него Ликэ, переставший вообще что-либо понимать. Эти чертовы бездельники стали обводить его вокруг пальца.

Силе покорно выслушивает упрёки.



Ликэ поворачивается к Фане.

— Послушай, ты, из Гранта. Если я тебя на чем-нибудь поймаю, отрежу уши, как мопсу, понял? А ну, убирайся в... прости, господи.

Фане встает и, не проронив ни слова, не поцеловав Ликэ руку, выходит. Никто не появляется вместо него. Кажется, будто отчет окончен, но Ликэ не верится.

— Есть еще кто-нибудь? — раздраженно кричит он Силе.

— Ну, Леший не выходил... — лепечет Силе растерянно.

— Остался Хромой, — объявляет госпожа Мими, перелистывая реестр.

— Ах, да... — вспоминает Силе и устремляется к двери.

— Ты поглупел, Силе, совсем поглупел. Один убежал, другой тебя побил, третий обманул. Да что с тобой?

Силе приостанавливается и покорно выслушивает выговор. Между тем дверь открывается, и появляется Леший с корзинкой и сумкой Енаке.

Всеобщее удивление.

— Какая тебя муха укусила, Леший? — придя в себя, спрашивает Ликэ.

Он сам не знает почему, но вид обезображенного лица Марина всякий раз доставляет ему удовольствие.

— Я принес сумку Енаке, — угрюмо отвечает Марин. — Он тяжело болен, лежит на чердаке.

— Ах, бо-олен! — передразнивает его Ликэ. — Вот оно что, бо-олен!

Вдруг он хмурится, теперь вид у него угрожающий.

— И ты с ним заодно, да? Мало получил? Тоскуешь о лунных ночах? — Ликэ снова перешел на шуточки. — А ну, подойди сюда.

Марин преклонил колена на священный коврик. Ликэ за неимением волос берет его за ухо.

— Работу сегодня выполнил, а? — голос Ликэ гремит на всю кухню, гневный взгляд блуждает от Мими к Мадамане и обратно.

Старуха в испуге оборачивается и нерешительно кивает головой. Госпожа Мими не утруждает себя и этим. Ей известно, что Ликэ разыгрывает спектакль, но она сегодня не в духе.

— Ну, твое счастье, — великодушно провозглашает Ликэ и отпускает Марина. — А ну-ка, посмотрим, Леший, — и он берет из его рук сумку.

— Енаке Стэникэ, двенадцать тысяч триста лей долгу, — механически читает госпожа Мими. — Взял сто восемьдесят штук, должен принести четыре тысячи восемьсот лей.

Не упуская из поля зрения Лешего, который стоит, опустив глаза, Ликэ поспешно считает. Потом диктует победоносным голосом:

— Пять тысяч сто лей. Видишь? Хромой, хромой, больной, больной, а деньжонок поднабрал. Верь после этого болезням!

— Он очень болен, — упрямо повторяет Марин. — Надо позвать доктора.

— Доктора! Надо позвать доктора! — с искренним возмущением передразнивает его Ликэ. — Подумайте только, доктора! Да много ли ты видел в своей жизни докторов?

Ликэ тянет Марина за ухо, заставляя его поднять голову.

— Вот он, доктор! Лучшего доктора, чем я, сам черт не сыщет, понял, Леший, а?

— Он кровью харкает, — продолжает Марин все с тем же упорством и словно приободрившись.

— Ну и пусть харкает, сукин сын! Ничего, пройдет. Мадамана, дай ему немного сульфата! — проносит он на ученый манер, чтобы не понял Марин.

Мадамана, заинтересованная при первом слове, недовольно морщится: уж ей-то известно, что такое сульфат.

Госпожа Мими считает. Силе стоит неподвижно.

— Ну, пошел прочь. Завтра возьми его продавать бублики, — обращается Ликэ к Силе, указывая на Марина.

Леший делает движение, чтобы встать.

— Эй, ты, целуй руку своему крестному, — при-

называет Ликэ и бьет его по губам костлявыми пальцами.

Когда Силе попадает на чердак, первое, что ему бросается в глаза, — это толкотня у его кровати.

Ребята собрались около Енаке. Говорят между собой тихими, благоговейными голосами. Болезнь и кровь вызывают у них страх и вместе с тем любопытство. При появлении Силе двое-трое отходят в сторону.

— Кто там на моем месте? — гремит Силе.

— Енаке, — отвечает кто-то из ребят, стоящих у постели.

Слово звучит сухо и вызывающе, и Силе ищет глазами того, кто его произнес.

Это Фане.

— Он болен, ему нужна постель получше, — добавляет Марин с новым для него угрюмым и сосредоточенным видом.

Силе подошел к кровати с заранее обдуманном планом: взять Енаке за ногу и отшвырнуть его подальше. Но бледность больного, его помутневшие, провалившиеся глаза и тишина вокруг производят на Силе впечатление. Он колеблется.

— Оставь его в покое! — кричит Фане.

— Ты что? — набрасывается на него Силе.

— Пусть лежит здесь.

Это голоса Иордаке и Спиру.

Силе озирается вокруг и решает, что не стоит противиться. Он вдруг становится великодушным.

— Ну, ладно, мелкота. Жалость заела вас. Кроватей у меня сколько угодно. А ну, марш! Спать! — приказывает он, чтобы скрыть свое поражение.

Ребята разбрелись по своим углам.

— Гашу, — объявляет Силе, вывинчивает лампочку и выходит.

В этот майский вечер, когда открыты слуховые окошки и в их квадратных заплатах ярко сверкают звезды, Марину и Фане не удастся сразу уснуть. День был полон происшествий. Время от времени кто-нибудь из них просыпается и шепотом задает вопрос, а другой отвечает.

— Хорошее это лекарство? — спрашивает Марин.

— А я почему знаю?

Молчание.

Снова вопрос:

— А если он... умрет?

Марин сам пугается своей мысли и языком изображает на небе крест.

— Не умрет, — храбро решает Фане.

Молчание.

Новый вопрос. Скорее заключение, которое с облегчением делает Фане:

— А Силе-то попал впросак.

— Чтоб он нас не лупил, мы должны всегда держаться вместе, — делает вывод Марин.

— Это верно. А еще лучше убраться отсюда ко всем чертям, — размышляет Фане.

— Да куда ж убраться? Видишь, как мне досталось!

В голосе Марина горечь.

— Не домой... В другое место.

— Куда ж в другое место?

— Знаю я одно такое... Вот увидишь... — заканчивает Фане таинственно.

Он весь в синяках и из-за этого ворочается с боку на бок.

Свистящее дыхание Енаке господствует теперь над чердаком, перекрывая мягкий шум бухарестской ночи, проникающий сквозь слуховые окна.

В парадной спальне, разнежившись под семью одеялами, храпит Силе.



## Не бегай один под дождем

### 1

На чердак Постолаке рассвет проникает поздно. Всю ночь в рамках слуховых окошек медленно движутся звезды. Постепенно они меркнут, а мрак, льющийся внутрь, становится менее густым; как черная, мутная вода, медленно стекает он на балки, на лица спящих. Потом вода становится дымчатой, синеватой, более прозрачной и смывает тени, отступившие в самые дальние уголки.

Продавцы бубликов крепко спят, одни съжившись, другие раскинув руки. Свет зари, позолотивший им лица, не будит их. Они спят здоровым, глубоким сном. Спят как убитые.

Только в одном из углов, у двери, сквозь щели которой просачиваются тоненькие ручейки робкого света, кто-то шевелится. Это Марин. Он ворочается, пытается снова уснуть, но, наконец, совсем просыпается и открывает глаза.

Сперва Марин смотрит на профиль Фане; газетчик еще спит. Лицо Фане искажено косо падающими тенями и опухолью — результатом вчерашней битвы. Марин внимательно приглядывается и сам не понимает, что с ним происходит. Никогда и ни на кого не глядел он так пристально и ласково. Может быть, иногда образ Маргареты Черкез привлекал Марина с той же силой, но голубые огоньки исчезли, растаяли вместе со снегом. С Фане — другое дело. Он близко, он дышит здесь, рядом, и с ним всегда есть о чем поговорить. Он настоящий друг, заключает, наконец, Марин. Да, друг, каких у него фактически никогда до сих пор не было.

У него не было друга, а теперь есть!

Довольный этим открытием, Марин приподнимается на локте, чтобы лучше разглядеть Фане. И в самом деле, они как братья. Даже левый глаз у обоих заплыл. У Марина опухоль уже опала и почернела, а у Фане глаз вздулся не на шутку.

Взгляд Марина скользит от Фане к Спиру, потом по другим ребятам и, наконец, останавливается на Енаке. Марин с гордостью вспоминает, что это он уложил Енаке на кровать Силе.

Хромой лежит лицом кверху с открытыми глазами.

— Енаке, — шепчет Марин, чтобы не разбудить остальных.

Енаке не отвечает.

— Енаке-е! Ты что, не слышишь? Как ты себя чувствуешь?

Енаке продолжает молчать.

У Марина падает сердце.

Профиль Енаке вырисовывается все более четко, черты его ясны и чисты. Таким Енаке был, возможно, только дома, у себя в деревне.

Марин приподнимается. Встает.

Лицо Енаке пугающе неподвижно.

— Енаке, слышишь? — шепчет Марин все более испуганно.

Марин идет медленно, сгорбившись, боясь на кого-нибудь наступить.

На полпути останавливается и выпрямляется. Его потрясает неподвижность лица Енаке, ледяное безразличие его широко раскрытых глаз, устремленных на слуховое окно так, словно их влечет к себе свет, падающий оттуда, подобно белому густому снегу. Рот у Енаке тоже открыт.

Марин делает еще шаг.

И снова смотрит на Енаке.

Лицо Марина совсем побледнело. Он идет на цыпочках.

Вот он уже близко, совсем рядом.

И смотрит.

Енаке лежит умиротворенный, устремив в потолок невидящий взгляд; чуть-чуть скрюченная рука откинулась на край кровати, тощая нога вытянута. Опинка развязана. И тоже уставилась вверх своим кривым, загнутым носком.

Марин все еще в нерешительности, губы у него дрожат.

Сзади раздается шум. Марин быстро, испуганно оборачивается, бросив украдкой взгляд на Енаке, будто тот может его схватить.

Это Фане; проснувшись и не обнаружив рядом с собой Марина, он приподнялся на локте. Протер глаза, осторожно касаясь распухшего. И, наконец, увидел Марина.

— Что случилось, Марин? — шепчет он.

Марин молча показывает в сторону Енаке. Фане смотрит. Потом вдруг вскакивает и подходит к Марину.

Теперь оба они в испуге глядят на Енаке.

— А если он... умер? — чуть слышно шепчет Марин.

— Не может быть. Видишь, у него глаза открыты? — подбадривает его Фане.

Он делает шаг к кровати Енаке, приседает на корточки, чтобы рассмотреть его поближе. Трогать Енаке он не решается. Потом медленно, с опаской берет свисающую руку и, будто обжегшись, отдергивает свою.

— Холодная!

Фане пристально смотрит на Марину.

— Наверно, он...

И мальчики стоят в немом оцепенении, замороженные холодным дуновением смерти.

Проснулись другие ребята.

Один за другим поднимаются все, окружают Марину и Фане, подходят к постели Енаке. Вопросы задают вначале шепотом, потом все громче...

Начинается паника.

— Он мертвый?

— Умер?

— Не может быть!

— Что случилось?

— Ерунда.

— Нет, правда, Фане сказал.

Те, что поменьше, не решаются смотреть на Енаке прямо, а лишь в ужасе поглядывают краешком глаза. Жаравете плачет от страха. Марин, растолкав ребят, идет к двери. Но дверь заперта снаружи.

— Силе-е! Силе-е! — кричит Марин изо всех сил.

Атмосфера тайны и страха нарушена, но крик вовсе не так громок, как кажется Марину. Страх приглушил его, сделал дрожащим и слабым.

Силе спит, укрывшись семью одеялами.

На счастье, Фане тоже подошел к двери. Он покопался в замке, и дверь вдруг широко раскрылась.

Новый поток света проник на чердак.

Фане и Марин стремглав сбегают с лестницы. Марин стучится в окно Мадаманы.

— Мадамана! Мадамана! Енаке умер!



Дверь приоткрывается, и показывается толстое бледное лицо старухи. Она растрепана, без платка, и ребята впервые видят, что у Мадаманы густые седые с желтоватым отливом волосы.

Открывается и дверь парадной спальни.

— Эй, что там такое? — кричит заспанный Силе.

— Что случилось? — бормочет старуха.

— Енаке! — задыхаясь, произносит Марин. — Енаке!

— Енаке умер, — спокойнее говорит Фане.

Все четверо направляются к чердачной лестнице. Первым взбирается Силе. Марин и Фане пропускают Мадаману вперед. Ступеньки скрипят под ее тяжестью. Поднявшись наверх, Мадамана долго не может отдышаться.

При появлении Силе ребята расступаются. Силе с испугом смотрит на мертвеца.

Подходит Мадамана. Ее старое, бесчувственное лицо освещается вдруг каким-то непонятым внутренним светом. По красной морщинистой щеке скатывается слеза. Она размашисто крестится.

— Царствие ему небесное!

Ребята поспешно вторят ей — крестятся, бормочут: «Царствие ему небесное», — и переглядываются с необычайной для них серьезностью.

Мадамана становится перед кроватью на колени и толстыми, натруженными, изъеденными содой пальцами с неожиданной нежностью закрывает умершему глаза. Веки остаются чуть-чуть приоткрытыми, и глаза кажутся теперь более живыми и странно блестящими. С той же нежностью она берет уже окоченевшие руки и скрещивает их на груди.

Кажется, что даже самый воздух насыщен страхом и напряженностью. Царит гробовое молчание.

— Силе! Сходи на кухню и поищи в шкафу огарок свечи. Принеси его сюда. И спички, — прибавляет она.

Силе передает приказание Жаравете, а сам не двигается с места.

— Отчего он умер, Мадамана? — отваживается спросить Спиру.

— От чахотки, милые, от чахотки. Говорила я, что не надо отсылать его в дождь, — сокрушается старуха, ни к кому не обращаясь.

Ребята передают ее слова друг другу, добавляя к ним кое-что и от себя.

— Вот видишь? От чахотки.

— Ну еще бы, его гоняли под дождем!

— Нужно было вечером позвать доктора, — возмущается Марин, — тогда бы он не умер.

— Не умер бы, — повторяет кто-то.

— Это точно, — подтверждает Фане.

— Не жилец он был на этом свете, милые. Вот оно что, — говорит Мадамана, пытаюсь внести в дело ясность и приостановить наплыв предположений.

Входит Жаравете со свечой. Он испуганно протягивает ее Силе; тот вытаскивает из кармана спички и передает все вместе Мадамане, самому ему не хочется зажигать свечу.

Мадамана вставляет свечку в руки умершего, поправляет фитиль и зажигает его. Пламя, вначале робкое, вдруг вспыхивает длинным языком.

Тени ползут по лицу умершего, перебегают по лицам стоящих вокруг.

Мадамана с трудом поднимается.

— Ну, пошли отсюда. Отправляйтесь вниз.

Ребята выходят подавленные, молчаливые, со страхом и жалостью оглядываясь назад.

Наконец, оставшись с Силе, Мадамана гасит свечу.

— Чтобы, не дай бог, не было пожара, — объясняет она, словно в оправдание.

И тяжело спускается с лестницы.

На дворе ребята, собравшись группами, обсуждают событие.

Вскоре на пороге кухни появляется Ликэ. На нем халат, надетый поверх пижамы. Ликэ подняла с постели Мадамана. Взъерошенный и злой, смотрит он на столпившихся ребят.

— Ну, что стоите? Умывайтесь и займитесь делом, лентяи чертовы! — приказывает Ликэ.

Ребята расходятся неохотно. Кое-кто из них смотрит на Постолаке испуганно, кое-кто растерянно. Но в некоторых взглядах сверкает лютая ненависть.

Ликэ не обращает на них внимания и, подобрав полы халата, лезет на чердак.

На чердаке Ликэ инстинктивно, без всякой нужды, пригибается. На Енаке он смотрит издали. Мальчик лежит вытянувшись, лицо его заострилось. Белая свеча как цветок стоит в скрещенных на груди руках. Ликэ меняется в лице. Какая-то неуверенность появляется в его беспокойном взгляде.

— Экая неприятность! — говорит он преувеличенно громким голосом, чтобы прийти в себя.

Вернувшись домой, Ликэ держит совет с госпожой Мими; она тоже встала, хоть и не выпалась, и поэтому ходит надутая. Волосы клочьями вылезают у нее из сетки, старый утренний халат путается в ногах.

— Теперь как его еще, черт возьми, хоронить? — огорчается Ликэ.

— На погребальных дрогах примарии\*, не по первому же классу, с белыми лошадьми, — раздраженно кричит Мими, не утратив, однако, присущего ей благоразумия.

— Да, но нужен акт о смерти, — поясняет Ликэ.

— Иди к Финцеску. Он тебе напишет, — советует неизменно практичная, но по-прежнему сердитая госпожа Мими.

— А что, черт возьми, я скажу его отцу? — продолжает волноваться Ликэ.

— Тыфу ты! Да ну его к дьяволу! — не на шутку сердится госпожа Мими. — Помер так помер! Что ж его теперь, оживишь, что ли? Будто у них бы не помер! — хладнокровно и лаконично рассуждает она.

Возбуждение ребят не улеглось и после раздачи бубликов.

— Я же говорил, что надо позвать доктора, — горячится Марин, окруженный толпой мальчишек.

Он кричит умышленно, чтобы его услышали

---

\* П р и м а р и я — городская управа.

в доме. Ребята смотрят на Марина с удивлением: «Леший-то ишь как разошелся».

— Марин прав, — поддакивает ему Фане. — Из-за этого Енаке и умер. Он виноват.

«Он — это крестный, — думают ребята. — Ну и будет теперь история!»

— Кто это он? — недоумевает Жаравете.

— Ясное дело, крестный, — поясняет Ницэ.

— Не буду я больше спать на чердаке, — заявляет Иордаке, поднимая новое знамя бунта.

— Почему?

— Это заразная болезнь. Охота была здесь сгнить.

— Да, да. Пусть переводят в новую спальню, она пустая! — кричит Фане.

Все кричат, предлагают, удивляются.

— Не останемся больше на чердаке!

— Крестный виноват!

— Как крестный?

— Зачем послал его больного продавать?

Силе вызывает Ликэ. «Крестный» появляется во дворе с палкой в руках.

— Эй, вы, что там еще? — вопит он истошным голосом. — Хотите, чтоб я вас как следует изукрасил?

Ликэ осыпает их ругательствами. Он вне себя, побагровел, кашляет, заикается. Перепуганные мальчишки приумолкли.

— Все к корзинам! Это не ваше дело! Живо! Живо!

Того, кто ему попадает, Ликэ ударяет палкой. Правда, не очень сильно. Только чтобы припугнуть.

И ребята пугаются. Они поспешно хватают корзинки и бросаются к воротам.

## 2

В одиннадцать часов утра у парадных ворот дома Постолаке звонит господин лет пятидесяти, низенький, толстенький, в черной шляпе, с портфелем в руке. Мадамана бежит со всех ног. Сегодня она необычно возбуждена.

— Чго случилось? — интересуется вновь прибывший, входя во двор.

Мадамана, как видно, уже знакома с ним.

— Умер один мальчик, господин доктор.

— От чего? — спрашивает врач.

— От чахотки, — сообщает она.

Потом, осмелев, добавляет:

— И от хорошей жизни!

— Где он?

Ликэ, доктор и Мадамана поднимаются на чердак. Доктор, идущий за ней, с опасением смотрит на угрожающе скрипящую под их тяжестью лестницу. Войдя на чердак, он строго обращается к Ликэ:

— Вы их держите здесь?

— Да что вы! У них прекрасная спальня, знаете, там, внизу, во дворе. Но что поделаешь с этими зверенышами? Они приучены только к навозу да к соломе. Этого-то я держал наверху, потому что он был болен.

Врач молча выслушивает хозяина и направляется к умершему.

Он не притрагивается к нему.

— Приподнимите куртку, — говорит он Мадамане.

Грудь у Енаке впалая, синеватая.

— Расстегните штаны, — снова командует он.

Мадамана крестится и расстегивает мальчику штаны.

— Харкал кровью? — спрашивает доктор.

— Мне кажется, что... — начинает Мадамана.

— Черт его знает, — поспешно прерывает ее Ликэ. — Я давал ему чай, аспирин, пирамидон. Да разве он сидел на месте? Я его запер здесь. Куда там! Он убежал и где-то бегал один под дождем.

— М-да, ясно, — бормочет себе под нос Финцеску.

— А это не... заразно, господин доктор, — не выдержав, спрашивает Мадамана.

— Тоже выдумала! — сердится Ликэ.

Финцеску молча направляется к двери, Ликэ следом за ним.

На чердаке остается одна Мадамана. Она стоит

на коленях в глубине чердака, широко крестится и шепчет молитвы.

В столовой совещаются Мими, Ликэ и Финцеску. Доктор сидит. Сидит и госпожа Мими, одетая в цветастый халат. Только Ликэ нервно прохаживается по комнате.

— Это очень серьезно, — объявляет Финцеску, глядя по очереди на своих собеседников. — Мальчика надо было отправить в больницу, — продолжает он голосом обвинителя.

— Вот видишь? — Мими с упреком поворачивается к Ликэ.

«Ты сегодня надутая и глупая», — словно говорит кислая физиономия Ликэ.

Но госпожа Мими не унимается:

— Помер бы там, и не было бы у нас никаких неприятностей. А ты умник! «Ничего у него нет!» — передразнивает она Ликэ. И, все больше распаляясь, торжественно провозглашает: — А выходит, что было!

— Это очень серьезно, — повторяет Финцеску, довольный поддержкой госпожи Мими. — Теперь не миновать следствия.

И доктор смотрит поверх очков на супругов.

— Какого следствия? Какого следствия, господин доктор? — окончательно выходит из себя Ликэ. — Зачем? Вы только послушайте его! Следствие! — Излив свою досаду, Ликэ меняет тон: — А уж разве я их не кормил, разве не заботился о них, разве не сделал им прекрасную спальню, разве я им... — И снова взрывается: — Чертовы голодранцы!

— Я полагаю, что будет следствие, — твердит доктор. И продолжает с ученым видом смотреть поверх очков.

Поняв, наконец, что она сделала глупость, Мими смотрит на Ликэ, испуганная и пристыженная.

— Господин Финцеску, так тоже нельзя, давайте как-нибудь договоримся, — вкрадчиво и тихо начинает она.

И так как ей кажется, что Финцеску не хочет договариваться, заканчивает грубо:

— Ведь нам не впервой.

Но Финцеску с сомнением качает головой.

«Ишь ты, набивает себе цену!» — мысленно ругает его Ликэ.

— Ну да, мадам Постолаке, да! Но тогда речь шла не о смерти, а о гигиене, о... и, наконец, теперь, когда один из них умер, вы знаете, все заинтересуются.

— Все мы когда-нибудь умрем, — философствует госпожа Мими и едва не подмигивает врачу.

— Прошу прощения, это не одно и то же, — продолжает обиженно настаивать доктор.

Ликэ заговорщически смотрит на Мими, Мими — на Финцеску. Наступает красноречивое молчание. В конце концов доктор чувствует, что надо что-то сказать.

— Я попытаюсь вам помочь. Но это будет очень трудно! — И он с притворно бессильным видом разводит руками.



## Ужасный вечер

### 1

Вечером в той же столовой помощник комиссара Фэникэ Прунару беседует с Ликэ.

— Ничего не мог поделать, господин Ликэ. Необходимо следствие. У меня приказ. Я же говорил вам: времена переменялись.

— Какое следствие, сударь мой? Задурили мне голову с этим следствием, — бурно протестует Ликэ. — Да что я мальчишке сделал? Убил его, что ли?

— Нет, этого никто не говорит, господин Ликэ. Зачем преувеличивать? Я должен установить обстоя-



тельства смерти, — с неожиданной официальностью объясняет Фэникэ.

Ликэ смотрит на него, разинув рот. Юридическая формула неприятно поразила его.

— Так что, — продолжает помощник комиссара размеренным голосом, поглаживая ладонью лысину, — придется мне вас допросить.

— Допросить? Да вы с ума сошли! — выходит из себя Ликэ.

В конце концов он у себя дома, и этот Фэникэ просто наглец и плут. Он с возмущением и презрением смотрит на этого голодранца, который корчит из себя бог знает кого.

Но тут уж рассердился и Фэникэ. Он встает.

— Господин Постолаке, — Фэникэ повышает голос. — Я нахожусь при исполнении служебных обязанностей. Это оскорбление, тяжкое оскорбление.

Ликэ продолжает сидеть. Он думает о своих тайных, никому не ведомых богатствах, и эта мысль поддерживает его. «Плевал я на твои служебные обязанности», — мысленно говорит он. А вслух с чувством собственного достоинства покорно произносит:

— Хорошо-о! Я к вашим услугам.

Фэникэ Прунару садится. По существу, дело здесь не в тяжком оскорблении. Просто тут можно обделать потрясающе выгодное дельце. И он продолжает все тем же официальным тоном, который, как ему кажется, больше соответствует царящему в комнате напряжению.

— Посылали ли вы к врачу покойного Стэникэ Енаке?

— Посылал, конечно, посылал. Я посылал его в поликлинику, — уверенно врет Ликэ. — Что ж я могу поделать, если они там не хотели его лечить? А ведь это их обязанность.

— Доказательства у вас есть?

— Какие доказательства? Вы слышали?! Доказательства! Поговорите с мертвецом, может, он вам расскажет.

Во взгляде помощника комиссара промелькнул огонек. Неизвестно, что это, смех или раздражение.

— Сколько раз вы его посылали? — неумолимо продолжает он.

— Ну... три-четыре раза, — продолжает Ликэ; в голосе его сквозит ирония, что не ускользает от внимания помощника комиссара.

Ликэ пытается исправить положение.

— Я ему давал и свои лекарства.

— Какие лекарства вы ему давали?

Холодная вежливость, с которой помощник комиссара ведет допрос, больше всего раздражает Ликэ, «Что он пыжится? Может, еще захочет тысячу «формальностей»?»

— Аспирин, липовый чай, сульфат, жидкость Влеминского, — перечисляет Ликэ с ученым видом. — Вы спросите лучше, чего я ему не давал! — снова горячится он. — Так мне и надо. Беру к себе всяких там чахоточных, хочу их вывести в люди. Надо было оставить его у отца на завалинке, пусть бы дома издох.

— Хорошо, господин Ликэ. Это все, — заключает Фэникэ, возвращаясь к своему обычному тону.

Ликэ, немного успокоившись, все же с досадой смотрит на блокнот, куда записывает помощник комиссара.

Кончив писать, Фэникэ переворачивает страницу и говорит немного более любезно, словно извиняясь:

— Теперь надо допросить других.

— Кого это других? — сердится Ликэ. — Разве вам еще недостаточно?

— Прислугу, нескольких продавцов, — невозмутимо продолжает Фэникэ.

Подметив на лице у Ликэ признаки недовольства, он снова прибегает к своему испытанному приему.

— Прошу присылать их по очереди, вас же прошу освободить помещение.

— Присылать сюда? А мне освободить помещение? И это в моем доме? — Ликэ задыхается от возмущения.

— Следствие есть следствие, господин Ликэ. Таков уж наш устав.

Но Ликэ, кажется, вовсе не понимает строгости этого устава и всячески поносит его и тех, кто «не умеет его применять».

Господин помощник комиссара Фэникэ Прунару принужден снова встать, чтобы защитить честь правосудия. Он защищает его по-своему, мягко и терпеливо.

— Господин Ликэ, зачем ты осложняешь положение и вмешиваешься в дела, которых не понимаешь? Ну что? Разве я учу тебя торговать? У каждого своя профессия! Уж если хочешь знать, я должен допрашивать тебя в отделении, а не здесь.

Он берет Ликэ за плечо и толкает его к двери. Тот выходит и по прошествии долгого времени возвращается с Мадаманой.

Между тем господин Фэникэ успел записать что-то в блокноте и соорудить самому себе несколько выразительных гримас, как бы говоря: «Теперь он наверняка подучивает жену». Или: «Ты, сударь, у меня в руках». Или: «Надо дать ему хорошую взбучку».

— Пожалуйста, — голос Ликэ звучит вызывающе; он представляет Мадаману и выходит, хлопая дверью так, что дрожит весь дом.

Мадамана совсем растерялась.

При виде черной комиссарской формы она цепенеет от ужаса.

— Садитесь, — любезно предлагает Фэникэ.

Мадамана остается стоять и так усердно трет руки о фартук, что, кажется, вот-вот разорвет его.

— Как зовут?

— Ана.

— Имя и фамилия?

— Метя. Ана Метя.

— Возраст?

— Ох, шестьдесят уж, батюшка.

— Знала ли ты вышепоименованного Стэникэ Енаке?

— Нет, батюшка.

— Как так нет?

— Ох, нет. Он продавцом был, а я на кухне. Откуда же мне знать, что там у них?

— Как, разве не ты первая увидела его мертвым?

— Да, я.

Вопросы беспощадно следуют один за другим. У Мадаманы на каждый из них заготовлено спасительное: «Не знаю». Стоя за дверью, Мими и Ликэ подслушивают все, что говорится в столовой, обмениваются взглядами, шепчутся.

Ликэ озабочен:

— Ты стой здесь и слушай. А я пойду поговорю с Силе.

— Хорошо...

Начинается допрос Силе:

— Послушай, он посылал больного в поликлинику?

— Да, господин комиссар. Много раз, — нагло отвечает Силе. — Но тот убежал. Не хотел идти. Зачем, говорит, мне это? Чтобы меня там резали?

На своем посту у дверей Ликэ шепчет Мими:

— Молодец Силе! Слышала?

Теперь допрашивают Марина, которого Фэникэ нарочно вызвал.

— Слушай, откуда это я тебя знаю? — пытается схитрить помощник комиссара.

— Я был у вас, когда меня поймали...

У Марина не очень хорошие воспоминания о Фэникэ. Правда, Фэникэ не побил его тогда. Даже и пощечины не дал. Наоборот, он, казалось, был против «крестного» и говорил: «Уж эти мне торговцы, знаю я их».

— Ах да, да, да... Ну, скажи, Боатэ, давно ли он был болен?

— Давно. Он всегда говорил крестному, что болен, а крестный отвечал, что он сам тоже харкал кровью и все же не умер.

— Ага, — отмечает Фэникэ, больше для шпионов за дверью, в присутствии которых он не сомневается. — А в поликлинику хозяин посылал его?

— Куда?

— В поликлинику. Ну, в больницу.

— Нет.

— Ни разу?

— Ни разу! Еще позавчера мы говорили хозяину, что Енаке болен и что дождь, а он все равно послал его торговать.

Фэникэ лихорадочно записывает.

— А вчера вечером разве я ему не говорил? Нужно позвать доктора! А он не захотел...

— Ага! Не захотел звать доктора.

— Да, не захотел.

Марин очень доволен собой. Он должен сказать все, что знает! Теперь-то он прижмет Ликэ к стенке! Хватит!

— Из-за него и помер! — заявляет он убежденно.

Фэникэ страницу за страницей заполняет свой блокнот.

За дверью Мими и Ликэ в ярости.

— И надо было тебе тащить назад этого оборванца! — шипит Мими.

— Эх, лучше б я отпустил его ко всем чертям, — запоздало раскаивается Ликэ. — Но какие вопросы Фэникэ ему задает? Как подстрекает? Ну и свинья этот Фэникэ!

— Все комиссары свиньи и разбойники, разве ты не знаешь? — заявляет Мими, и в ее голосе звучит горечь честного гражданина и превосходство женщины перед наивностью мужчины.

## 2

Во дворе кучка продавцов бубликов обсуждает результаты следствия. Марин выходит из переднего двора и направляется прямо к Фане.

— Я все ему сказал. Все! — удовлетворенно объявляет он.

— Правда?

— Вот чертов Леший!

— Что же ты сказал?

— Я сказал ему, что виноват крестный.

— Здóрово! Так оно и есть, — одобряет Фане. Потом его осеняет мысль: — Слушайте, почему вы называете его крестным? Что он, ваш крестный? Крестил он вас, что ли?

— Да где там!  
— Он сам хочет, чтобы мы его так звали.  
— Это не крестный! Это мошенник, вот кто.  
И спекулянт и... эксплуататор.

Кое-кто из ребят начинает птиться. Они испуганы речами Фане. Да и сам он, по существу, немало напуган тем, что сорвалось у него с языка.

— А что это такое, эксплуататор? — интересуется Ницэ, стоя в отдалении.

Фане немножко задумывается. Но совсем ненадолго.

— Это тот, кто сидит на чужой шее. Не видишь, что ли? Мы весь день работаем, а деньги кто берет? Он!

— Да, а за бублики кто платит, не он разве? — недоумевает Иордаке.

— И меня он сделал спекулянтом, — вслух размышляет Марин.

— Не будь дураком, — ругает его Фане. — Ликэ спекулянт, а не мы.

Иордаке, ободренный этими разговорами, снова возвращается к своей навязчивой идее.

— На чердаке я больше спать не буду, довольно!

— И я тоже боюсь, и я, — вмешивается в разговор Жаравете.

— Пускай нас пустят в спальню. Чтоб в ней не один Силе спал, — выдвигает Фане конкретное требование.

— Да, да.

— Хотим спать в спальне!

Все ухватились за мысль о спальне.

Появляется Силе. Кричит:

— Эй, чего вы там разорались?

— Это наше дело! — обрывает его Фане, будто желая установить барьер между ними и Силе.

— Ах, твое дело? Ну держись, карманник! погоди, я тебе покажу, я с тобой посчитаюсь у крестного. Ты еще будешь кусать себе локти, еще ноги мне целовать будешь, я не я буду!

Силе хорохорится, но — странное дело — больше на словах.

Марин с хмурым и упрямым видом стоит возле Фане. Это подбадривает Фане.

— Ну, чего ты мне покажешь, чего? Мерзавец!

Силе с трудом удерживается, чтобы не полезть в драку.

— Чего покажу? Ладно, ладно. Покажу тебе, где раки зимуют, вот что. Еще попляшешь у меня! Я ведь слышал, что ты о крестном говорил.

— Твоего крестного, — заявляет Фане, — коммунисты посадят в тюрьму. Это как пить дать. Из-за него умер Енаке.

Он снова говорит, обращаясь ко всем. Его слушают с открытыми ртами: такая смелость и не снилась продавцам бубликов. Они стоят как зачарованные.

— Да, да, — продолжает Фане, вдохновившись, и укоряет ребят: — Все вы так подохнете, если будете терпеть здешнюю голодуху... и подлости Силе, — заключает он, указывая на Силе пальцем.

Все смотрят на Силе, испытывая самые смешанные чувства: страх, ненависть, равнодушие, любопытство.

Силе остолбенел. У него не укладывается в голове, что речь идет о нем.

— Разве он не брал у вас у всех деньги? — продолжает Фане, чувствуя, что отступать уже нельзя.

— Ну да, брал.

— Он у всех брал.

— Больше не возьмет.

Но Фане меняет тему. Он сообразил, что не в Силе здесь дело. И нет никакого смысла затевать сейчас битву. В лучшем случае придет Миелу — или, нет, не Миелу, он уехал на грузовике, — а кто-нибудь другой, ну, Постолаке, или еще кто-нибудь и разнимет их.

— И потом, почему нам не дают ботинок? — неожиданно выкрикивает он.

Он почувствовал, что ребят надо чем-то заинтересовать, иначе они пойдут на попятный. Как по

команде, все взгляды с любопытством устремляются на Фане. И правда! Как это они не подумали, что им могут дать ботинки? Многие смотрят на свои босые, черные, растрескавшиеся, покрытые волдырями ноги.

— Пусть дают ботинки! Как всем рабочим в других местах. Пусть дают ботинки и одежду! — продолжает выставлять все новые требования Фане. — Мы сдохнем, как Енаке, а хозяин что? Добро себе наживает да жену откармливает. Ишь, разжирела... как свинья, — заканчивает Фане свою речь.

Он покраснел и весь дрожит от возмущения.

Вокруг Фане кипит возбуждение. Слышится шепот, испуганный, но все более настойчивый:

— Да. Пусть дает ботинки.

— Пусть дает одежду.

— Мы тоже рабочие.

Силе, который хотел посмотреть, до чего договорится Фане, решает теперь вмешаться. Но он не очень горячится, потому что речь идет уже не о нем. А от ботинок и одежды он и сам бы не отказался. Чем плохо? Но Силе не может оставить лавры Фане.

— Ты что здесь чепуху городишь? Дурак!

И он с угрожающим видом подходит к Фане. Но тот принимает оборонительную позу. Марин вооружен палкой Енаке, которую он решил оставить себе. Но за спиной Силе продолжается ропот.

— Пусть дадут!

— Пусть дадут ботинки!

— Пусть дадут жалованье!

— У нас нет одежды!

— Жалованье!

— Пусть дадут жалованье!

Неизвестно кто подал идею о жалованье, но теперь все кричат:

— Хотим жалованья!

— Ежемесячного жалованья!

— Нет, еженедельного!

— Пусть дают жалованье!

Силе обращается ко всем громким голосом:



— Как же, дадут вам, черта с два! Пинка в зад вам дадут, это да!

На секунду наступает молчание. Мысль о том, что их могут выгнать, не приходила никому в голову. Обычно Ликэ не отпускал их. Почему же теперь выгонит?

— Ему невыгодно выгонять нас! — выкрикивает Фане, пытаюсь снова обрести роль вожака.

— Тебе-то что? Ты из Бухареста. А меня кто кормить будет? — протестует чей-то голос.

— А что, если он нас выгонит?

— Не выгонит. Ему невыгодно.

— Брехня! Ему на нас наплевать.

Влетает запыхавшийся Жаравете, который подглядывал у забора, что происходит на переднем дворе. Он пронзительно кричит:

— Эй, вы-ы! Комиссар ушел вместе с крестным!

— Его повели в тюрьму за то, что он уморил Енаке, — серьезно провозглашает Марин.

— Эй, вы, слышите, его забрали!

— Ну и правильно сделали!

— Его увели!

Ребята разделились на маленькие группки и горячо спорят. Силе скрылся на другом дворе. Пошел проверять, правду ли сказал Жаравете. Ему не верится, что все это так.

— Мадамана, крестного забрали?

— Кто его заберет?

Старуха, как всегда, отвечает, даже не оборачиваясь. «Вот дуреха!» — думает Силе.

— Где госпожа Мими?

— В доме, где ей еще быть?

Силе проходит в коридор и деликатно стучит в дверь столовой.

— Кто там?

— Я, Силе.

— Чего тебе надо? — слышится из столовой.

— Крестный ушел? — спрашивает Силе.

Войти он не решается.

— А тебе что?

— Эти там говорят, что его забрали в полицию.

Дверь распахивается настежь.

Госпожа Мими от огорчения повязала себе голову.

— Идиот! Как это забрали? Он в город ушел, — врет Мими.

«Крестного» и в самом деле «забрали». Фэникз объяснил ему:

— Господин Ликэ, у нас новый начальник, большевик. Он мне строго приказал забрать вас. Ничего не могу поделывать. «Приведи его, — говорит, — чтобы нагнать страху на этих спекулянтов». Но я тебя не оставлю. Просидишь ночку-две, и все. Честное слово. Пойдем со мной. Или хочешь, чтоб тебя полицейские увели?

И они ушли.

При одной мысли об этом у Мими начинается истерика.

— А вы? — вопит она не своим голосом. — Вы почему не спите? Бандиты! Вот погодите, приедет завтра Миелу, выдерет вас как следует.

И Мими захлопывает дверь перед носом Силе.

Силе не спеша возвращается на кухню. Кое-что ему не ясно, но он не придает этому значения. Мысли его возвращаются к «полоумным» во дворе, и он думает, как бы их утихомирить и снова привлечь на свою сторону.

— Мадамана, — внезапно говорит Силе, — скажи госпоже Мими, что эти оборванцы не хотят больше спать на чердаке.

— А где же еще? — машинально возмущается старуха.

Потом смотрит на потолок. И вспоминает в чем дело.

— Почему ты сам ей не сказал? — сердится она.

— Она спала, — врет Силе.

Бормоча что-то, Мадамана выходит в коридор.

— Они бояться спать на чердаке. Говорят, может, во дворе разрешите.

— Делайте, как знаете. По мне, хоть бы все убирались к черту, все, все! — визжит Мими, хватаясь за голову. — Боже мой, что за вечер! Что за ужасный вечер!



## Безработные

### 1

На следующее утро перед домом Постолаке остановился странный автомобиль. Он похож на машину для перевозки заключенных, но только белого цвета. Из машины вышли два мрачных, небритых здоровенных детины в серых халатах. Один звонит, другой докуривает папиросу, с любопытством разглядывая большие черные ворота.

На звонок никто не выходит.

Человек с окурком в зубах начинает раздраженно стучать кулаком.

— Кто там? — слышится испуганный голос Мадаманы.

— Смерть, — зловеще отвечает звонивший.

Мадамана открывает окошечко. Человек с окурком в зубах подходит ближе, глядит на нее, пускает ей в лицо струю дыма и спрашивает:

— Где покойник?

Оскорбленная и испуганная Мадамана поспешно отвечает:

— Во дворе.

Люди в серых халатах вытаскивают из машины носилки. Шофер читает «Спортивную газету» и ковыряет в зубах пилкой для ногтей.

Санитары входят во двор. Мадамана идет позади. Потом она торопливо обгоняет их, чтобы открыть вторые ворота.

Мальчишки все еще во дворе. Сегодня раздача бубликов идет туго.

Госпожа Мими просила заняться этим Миелу. Но тот вернулся вчера поздно ночью и теперь с трудом продирает глаза.

Все молчаливо смотрят на санитаров.

Мадамана показывает им лестницу на чердак.

— Здесь? — удивляется один из них.

— Выше вы не могли его взгромоздить? — сердится другой.

— Придется оставить носилки внизу, — решает первый.

Обозленные санитары взбираются по лестнице и входят на чердак.

Через несколько секунд в дверях появляется спина одного из них. Он что-то несет. Это опинки Енаке. Вот уже видны оба санитара. Один держит мертвого за ноги, другой за голову. Лицо Енаке желтое, заострившееся, окоченевшее, в руках, сложенных на груди, — белый огарок свечи.

Ребятам становится грустно и страшно.

— Бедный Хромой! — жалеет его Йордаке.

— Зачем ты зовешь его Хромым? — строго гово-

рит Марин. — Разве у него нет имени? Его зовут Енаке.

Последние слова он произносит очень резко.

Иордане удивленно смотрит на Марину. «Что это на него напало? Случай вроде неподходящий, чтобы «лаяться».

— Ну, будет тебе, Леший. Какая муха тебя укусила? Ладно. Енаке!

— Вот так, — произносит Марин, не спуская с него глаз.

Иордаке понимает, что снова сваял дурака: назвал Марину Лешим. Он отходит в сторону, делая ребятам знак, из которого ясно, что Марин немножко «того».

Санитары спустились с лестницы и укладывают труп на носилки. На носилках он выглядит очень маленьким...

Санитары идут медленно, вразвалку, но больше по привычке, потому что ноша ничего не весит.

— Куда его несут? — интересуется Ницэ.

— В морг, — печально и компетентно заявляет Фане.

— Зачем?

— Разрежут, чтобы посмотреть, что с ним было, — вмешивается в разговор Спиру.

## 2

Помощник комиссара Фэникэ Прунару сдержал свое слово.

Через два дня вечером Ликэ был уже дома. Ребята обсуждают это событие.

— Почему его отпустили? — разочарованно сетует Марин.

— Да он их всех подкупил. У него же денег куры не клюют, — скептически замечает Фане.

— Бедняга Енаке! У него нет даже могилы, — скорбит Марин.

— Нету. Теперь студенты на его костях учатся.

Фане объясняет, как обстоит дело с моргом и со студентами. Среди слушателей Силе, на лице кото-

рого написано презрение. Чтобы задеть его, Фане спрашивает:

— Ну как, даст он нам ботинки?

Силе принужден отвечать.

— Даст. Я ему и то говорю: так дальше не пойдет, крестный, нужны ботинки, — сочиняет Силе.

— Так ты и сказал? — сомневается кто-то.

Силе, который похвалился, что защищает их перед Ликэ только для того, чтобы подорвать авторитет Фане, с важным видом продолжает:

— Да, сказал. «Ну, ладно, — говорит крестный, — раз уж и ты говоришь, тогда дам я им ботинки, будь уверен».

— Ну, раз уж он сказал... — подсмеивается Иордаке.

— Ну да, сказал, дурак! — Силе набрасывается на Иордаке, но у того резвые ноги. Он прячется за спины Фане и Марина, которые стоят плечом к плечу.

Силе отказывается от дальнейшего преследования и закуривает папиросу. В отсутствие Ликэ он курил открыто и теперь привык.

— Большевиками заделались, вот что. Это вам так не пройдет, помяните мое слово.

На следующий день утром раздача бубликов протекает согласно установленной традиции. Корзинки с товаром получили все, кроме Марина и Фане, которые продолжают ждать у дверей.

Из двери кухни выходит Силе и, сделав вид, что не замечает их, направляется к остальным ребятам, сгрудившимся у ворот.

— Ну давайте! Пошли! — командует он, отпирая ворота.

Ребята один за другим выходят.

— Но мы еще не готовы! — растерянно кричит ему Марин.

Силе молча с издевкой смотрит на него и продолжает подталкивать в спину мальчишек, отправляющихся на заранее указанные им «посты».

— Мадамана, — торжествующе кричит Силе, — Мадамана, возьми ключ!

Фане и Марин обмениваются беспокойными

взглядами. Мадамана, огромная и неуклюжая, выходит из кухни и запирает за Силе ворота.

— А вы подождите, пока вам дадут ботинки! — злобно ухмыляется Силе, перед тем как выйти.

Марин и Фане пристают к Мадамане.

— А нам почему не дали бубликов? — пытается выведать у нее Марин.

— Черт с ними, с бубликами, — говорит Фане, отстраняя Марину. — Выпусти нас, Мадамана, мы уйдем, — предлагает он.

Старуха направляется назад к кухне.

— Отвяжитесь вы от меня! Стойте здесь, пока не придет господин Ликэ.

Ребята отходят, чтобы посоветоваться.

— Что, если он нас бить будет? — трусит Марин.

— Мы это так не оставим! Пойдем в участок, — отважно решает Фане.

Но у обоих душа уходит в пятки.

Наконец в дверях кухни показывается Ликэ.

— А ну, подите-ка сюда, голубчики, — произносит он насмешливо.

Ребята колеблются.

— Ну-ну, подходите. Подходите, я вам дам ботинки и одежду. Ну-ну, ведь я два дня только об этом и думал.

Ликэ вышел во двор. Рядом с ним появляются госпожа Мими и Миелу.

Сзади выглядывают Мадамана и Ляна. Похоже на настоящий суд.

— Дело серьезное, — шепчет Фане.

— Изобьют, будь уверен! — отвечает Марин, сам он в этом не сомневается.

— Подойдете вы наконец? Или хотите, чтобы вас на носилках принесли?..

Фане тянет Марину за руку. Мальчики останавливаются в двух метрах от Ликэ.

— Если будете драться, — серьезно заявляет Фане, — мы пожалуемся на вас коммунистам, так и знайте.

Тут уж Ликэ совсем взбеленился.

Он подходит к ребятам.

Голос его становится все тоньше — знак, что он пришел в ярость.

— Ах, вот что! Как ты сказал, а?.. Нет, вы любуйтесь, какой у нас большевистский птенец... — визжит Ликэ.

И вдруг кидается на Фане. Но Ликэ удаётся лишь задеть мальчика по спине кончиком туфли. Ребята выскочили на большой двор. Забившись по углам, они, как загнанные зверьки, бросают на своего преследователя сверкающие взгляды.

Ликэ бежит за Фане, но не может его поймать.

— Держите его! Помогите, Миелу! Держите их!

Положение создается более чем критическое.

«Пятеро против двух! — мелькает в голове бегущего Фане. — И ворота закрыты». При воспоминании о порке в спальне Леший бежит так, что только пятки сверкают. Ляна тоже пускается в погоню. Со стороны можно подумать, что она ловит кур. Миелу двигается тяжелее, но тем не менее теснит осажденных.

Госпожа Мими презрительно наблюдает за развитием событий.

Мадамана не двигается.

У ребят уже есть опыт. Они научились ускользать из рук полицейских, улизнуть от этих неуклюжих людей для них не такое уж сложное дело. И все-таки в поисках убежища им приходится в конце концов взобраться на чердачную лестницу.

— Кто подойдет, тресну! — угрожает Фане.

Неизвестно откуда в руках у него появился железный лом. Лом тяжеловат, но Фане вцепился в него с отчаянной яростью.

— Ты что? Что? — Ликэ собрался лезть вслед за ними.

— Стэлиан! — слышится вдруг повелительный окрик. — Стэлиан!

Это госпожа Мими. Она называет так Ликэ только в очень ответственные моменты. Постолоаке оставливается.

— Что такое, Мими? Что случилось?

Мими, исполненная гнева, направляется к нему.



Длинные полы халата подметаю двор. На мгновение показывается толстое колено.

— Оставь их в покое! — строго приказывает она.

И шепчет, чтобы там, наверху, не услышали:

— Ты с ума сошел! Разве ты не слышал, что сказал этот тип? Они пойдут к коммунистам. Или тебе мало было двух дней? Хочешь утешить Фэникэ еще несколькими... — Мими хотела сказать «золотыми», но удержалась из-за Миелу.

Миелу молча слушает и соглашается.

— Ну их к черту, — говорит он тоже шепотом. — Охота связываться с этим дерьмом.

— Это просто смешно! Такой известный коммерсант... Да пошли они к... — и госпожа Мими называет все своими именами; сегодня она храбрее, чем обычно, и высказывается со всей категоричностью.

— Как?! Чтобы я разрешил им издеваться надо мной?! — продолжает кипятиться Ликэ. Но уже ясно, что аргументы Мими произвели на него впечатление. — Этому преступнику?! — добавляет он, глядя наверх, на Фане.

Ребята не могут даже слова вымолвить, так они запыхались.

— А ну-ка, слезайте оттуда! Никто вас не тронет! — обращается к ним госпожа Мими.

Фане уже немного отдышался.

— Пусть Мадамана сперва откроет ворота, — ставит он условие.

Марин смотрит на приятеля с восхищением: он бы никогда не додумался до такого.

Госпожа Мими говорит что-то Мадамане, и та медленно направляется к воротам.

— Вон! — кричит Ликэ, к которому вернулся прежний апломб. — Я вас выгоняю! Убирайтесь ко всем чертям!

Ребята не решаются слезть.

— Убирайтесь к дьяволу, а то получите! — в басовитом голосе Миелу сквозит нетерпение.

Фане потихоньку слезает. С Миелу шутки плохи. Этот как даст разок, так уже положит на обе лопатки.

— Пусть нам дадут дорогу, мы уйдем! — снова кричит Фане, продолжая слезать.

Мими тянет Ликэ за руку.

— Послушай, пускай идут.

— Подумаешь тоже чертов карманник! Еще до-рогу ему дай! Подумаешь тоже! — продолжает кипятиться Ликэ, вырываясь из толстых рук Мими.

Фане уже на последней ступеньке.

— Беги к воротам, — шепчет он Марину, спускающемуся следом за ним.

Марин не нуждается в повторении. Он спрыгивает на землю и пулей летит к воротам, Фане — за ним.

Но Ликэ, разъярившись при виде Лешего, вырывается из рук Мими, настигает Фане и колотит его по голове, по спине кулаками и ногами. Фане вы-ползает из ворот на четвереньках. На улице он вска-кивает и удирает.

— Вон! Вон! Сукины дети! Большевистское от-родье! — кричит Ликэ, высовываясь из ворот. — Гады!

Госпожа Мими тянет Ликэ обратно и закрывает ему рукою рот.

— Ты с ума сошел! Ругаешь коммунистов на улице!

Град камней обрушивается на забор и рядом с забором. Фане и Марин мстят издали. Ликэ отсту-пил во двор. Миелу закрывает ворота. Вдребезги раз-бивается окно, потом второе.

Миелу выходит за ворота с палкой.

При виде его мятежники скрываются из виду.

### 3

Фане и Марин слоняются по улицам. Они почис-тились и помылись у фонтанчика, бьющего вверх тонкой струйкой, но выглядят по-прежнему настоя-щими бродягами, хоть Фане и сделал себе при помо-щи воды прическу.

Марин пал духом.

— Куда же мы теперь пойдем? — сетует он.

— Ладно, найдем куда, — утешает его Фане, хотя у него у самого нет в этом твердой уверенности.

— А что мы будем есть? — снова скулит Марин.

— Зато у крестного ты ел до отвала, — подсмеивается над ним Фане.

— Мало, но все-таки ел. А теперь куда мы пойдем? Под мост я больше не полезу! — сердито предупреждает Марин.

— Да и нельзя теперь. Давно уже прикрыли эту лавочку.

— Почему? — спрашивает Марин все же с некоторым сожалением.

— Как же, разве я тебе не говорил? Разогнали. Полиция.

— А... Что же тогда делать?

— Что делать? Посмотрим!

Мальчики дошли до Кольцул Антикарилор.

— А что, если пойти к комиссару и рассказать ему, что крестный нас выгнал? — предлагает Марин, загоровшийся собственной идеей.

В глубине души Марин еще верит в помощника комиссара, который его не бил и так участливо расспрашивал его о злоключениях.

— Да плевать ему на нас! — разочаровывает его Фане. — И потом ты, что ж, дурачина, не видишь, что они с крестным — одна шайка-лейка.

— Не верю, — упорствует Марин.

— Пойдем лучше в профсоюз, — задумчиво говорит Фане.

— В профсоюз? — удивляется Марин.

— Да. Туда, где собираются рабочие и... устраивают демонстрации.

— А где этот профсоюз? — с интересом спрашивает Марин.

— Не знаю.

— Как же быть?

— Да ладно, как-нибудь найдем. Будем смотреть на вывески и найдем.

Марин молчит. Его преследует все та же мысль: что, если снова отправиться домой, в Бурдушешты?

Но как? Он боится сказать об этом Фане; знает, что тот будет смеяться над ним.

— Эх, мать родная, если бы Ликэ попался мне в лапы, что бы я с ним сделал! — с чувством восклицает Фане.

Теперь наступает очередь Марина над ним посмеяться.

— Что бы ты с ним сделал? Ликэ сильнее, побьет тебя. У него есть Миелу и Силе. С ними не справишься, — заключает он.

— Да. С ними не управиться, — искренне сожалеет Фане.

Мальчики добрались до парка Чишмиджиу. Поглазели на зеленую гладь озера, на коротенькие широкие лодки, качавшиеся на его поверхности, как утки. Самые разные и очень счастливые люди катались на лодках: девочки, мальчики, солдаты... Они соревновались в гребле, брызгались, толкали друг друга под сверкающий веер фонтана. На скамейках парка тоже сидели разные люди, по большей части хорошо одетые, толстые, сытые и благополучные. Мимо проходит ребенок, он с аппетитом жует румяный пончик, вся физиономия у него до самых ушей вымазана сахаром и жиром. У мальчишек так и потекли слюнки. Обжора давно уже скрылся за кустарником, а они все еще смотрят ему вслед.

Марин исподтишка глядит на приятеля. Фане, погруженный в свои мысли, этого не замечает. С отсутствующим видом он покусывает губы, словно узрел в этом уголке что-то необычайное, что-то очень приятное, какую-то неожиданную находку. А у Марина живот уже подает сигналы тревоги, урчит вовсю.

— Знаешь что? — Фане хватается его за руку.

— Что?

— Пойдем в Бэнясу.

— В Бэнясу? Зачем?

— Поступим на стройплощадку.

— А что это такое — стройплощадка?

— Ну, строительство. Где копают, дома кладут. Фане продолжает мечтать.

— Там и... школа есть, — говорит он равнодуш-

но, следя, какое впечатление это произведет на Марина.

— Школа... Там нужны деньги, книги, да и лупят здорово, — возражает Марин.

— Ну, учат там не так уж много. У меня на этой стройке друг, он рассказывал. Слушай, пойдем туда, к коммунистам...

— К коммунистам? — пугается Марин, его страшит неизвестность.

Но Фане понимает его совсем иначе и сердится.

— Не будь дураком. Ты что ж, веришь тому, что болтают Ликэ и Силе?

— Нет, я не потому, — тихо шепчет Марин.

Он не решается поведать Фане свою тайную мысль.

— Так чего ж ты боишься? Пойдем туда. Одежка, обувка, жилье, харчи... Ну, и если уж иначе нельзя, поучимся немножко и в школе, — решается Фане.

— Кто знает, как там? Лучше уж...

— Что лучше? Не бойся. Ты со мной.

— Лучше пойти домой, в Бурдушесты, — выпаливает, наконец, Марин свою тайную мысль.

Фане надулся. Разве это по-товарищески — уходить одному. Выходит, Марину наплевать на Фане и на их дружбу.

— Да ты что? Забыл, как тебе досталось? — Фане пытается уговорить приятеля по-хорошему.

— Я иду в Бурдушесты, — упрямо повторяет Марин.

— И дойдешь туда, когда рак свистнет.

Фане начал уже злиться.

— Ничего, дойду. Все равно я пойду в Бурдушесты, — стоит на своем Марин.

У него дрожат губы, и он готов расплакаться.

— Ну, дело твое. Поступай как знаешь, — холодно говорит Фане.

Он решает предпринять еще одну попытку:

— Если не хочешь идти со мной, я пойду один. Привет!

И Фане решительными шагами удаляется. Время от времени он украдкой оглядывается на Марину.

Марин не двигается с места, смотрит направо, потом налево. Маленькая черная фигурка, упрямо сжатый рот... Вокруг снует безразличная толпа. И вдруг Марин начинает остро чувствовать свое одиночество. Комок подступает к горлу. Бурдушешты так далеко! А Фане еще здесь. Вот он снова обернулся. Глубокое отчаяние охватывает Марину.

И вдруг он кидается бежать со всех ног вдогонку.

— Фане! Фане! — кричит он на бегу, боясь, что не сможет догнать приятеля. — Фане! Фане!

Но хитрый Фане уже услышал. Он различил бы этот крик среди тысячи других. Фане ждет. Ну какой ему интерес идти вот так, одному? Он останавливается, но на лице у него притворное равнодушие. Когда Марин, запыхавшись, подбегает, Фане спрашивает:

— Ну что? Чего тебе надо?

— Я тоже пойду! Я тоже с тобой пойду, — проносит Марин, задыхаясь. Вид у него пристыженный, глаза мокрые.

— Ты уже не идешь в Бурдушешты, смельчак?

Во взгляде Марина покорность и упрек.

— Чокнутый ты, вот что! — заключает Фане и обнимает его за плечи.

Мальчики помирились.

Марин утирает нос, а вернее, глаза тыльной стороной руки.

— А ты знаешь, где это?

Он немного успокоился. С Фане хорошо.

— Найдем, — убежденно говорит Фане. Он всегда верит в свою звезду.

Теперь мальчики — закадычные друзья. Они молча идут по улице Попа Тату.

— Мы пойдем по Матаке Мэчелару, потом по Бузешты и потом выйдем на шоссе, — намечает Фане маршрут.

Когда есть определенная цель, всегда идешь быстрее. Далеко впереди вытянулась длинная очередь.

— Нет, ты только посмотри! «Хвост» не меньше пятидесяти метров! — прикидывает Фане.

— Что там такое?

— Пойдем посмотрим!

Мальчики бегут взапуски. У них хорошее настроение. Приблизившись к концу «хвоста», они прислушиваются, что говорят люди.

— Что здесь дают? — спрашивает женщина с хозяйственной сумкой.

— Не знаю.

— Мыло, — отвечает кто-то впереди.

— По государственной цене, — весело разъясняет другой.

Рядом остановился еще какой-то гражданин.

— Да? А когда открыли? — вступает и он в разговор. — Я и не знал, что здесь есть лавка.

— Это не лавка, товарищ.

— Поймали портного, прятавшего мыло, и теперь продают весь запас по государственной цене.

— Мыло у портного? Ну и дела!

— Говорят, брил клиентов, — острит какой-то старик.

Смешки.

— А кто его поймал?

— Отряд по борьбе со спекуляцией.

— Добровольцы. Наши граждане.

Фане тянет Марина поближе к тому месту, где выдают товар. Мальчики глазеют на грудку коробок с надписью «Мыло Кейя». На стене узкая высокая вывеска, на которой нарисована голова женщины в великолепной зеленой шляпе и с одним глазом.

— Нет, ты только посмотри, что за мыло! — удивляется Фане.

— Подумаешь! — тянет Марин. — Вот поглядел бы ты у крестного, то есть у Постолаке, — поправляется он. — У того вдвое больше, целая гора. — и Марин делает рукой неопределенный жест к небу.

— Да ну?! — с притворным восхищением восклицает хитрый Фане.

— Я же говорю тебе! — подтверждает Марин со всей серьезностью, на какую только он способен.

— Ну да?!

Лицо Фане становится вдруг сосредоточенным, внимательным.

— Ты видел у Ликэ мыло? — спрашивает он повелительно.

— Мыло, материю, банки с топленным салом, мешки, проволоку, лезвия, чулки... — в упоении перечисляет Марин. — Ну все на свете!

— Где? — подхватывает Фане.

— На складе, на Пиептенарь. Я ведь работал там после того, как он меня избил.

Марин сердится, что Фане словно сомневается в его словах.

— Честное слово! — заключает он с достоинством.

У Фане странно блестят глаза.

— Слушай, а в лавке нет подвала?

— Есть.

— Есть? И чем он торгует в лавке?

— Там написано: «Из Мехединцев», канц... канц...

Марин не может выговорить.

— Канцелярские принадлежности? — помогает ему Фане.

— Да. Канцелярские принадлежности и галантерея, — победоносно заканчивает Марин.

— Значит, это не бакалея? Там нет сахара, муки... Они этим не торгуют? — расспрашивает Фане, все больше воодушевляясь.

— Нет. Там тетради, игрушки, ведра, краски...

— Ага. Слушай, Марин... — таинственно начинает Фане.

— Да.

— Хочешь, подложим Ликэ свинью?

Фане горит жаждой мщения.

— Хочу! Да что мы ему можем сделать? Побьет он нас.

— Что сделаем? А вот что сделаем, — продолжает хитрый и воинственный Фане. — Скажем здесь, этим людям, что у Ликэ спрятан товар, и у него все отберут. Понимаешь? Он спекулянт. Эх, да Ликэ просто лопнет от злости! — радуется Фане.



Марин тоже в восторге от этого плана.

— Давай скажем, — одобряет он.

Фане подходит к одному из людей, продающих мыло.

— Дяденька, а дяденька!

Но человек не обращает на него внимания.

Зато ожидающие раздражаются бурей криков.

— В очередь! В очередь!

— Иди в очередь!

— Встань в очередь!

— Бездельник!

— Не пускайте его!

— Иди в очередь!

Человек, продающий мыло, замечает Фане.

— Слушай, уходи отсюда! Встань в очередь!

Фане отходит на шаг. Он не на шутку перепугался и ждет, пока смолкнут крики. Когда ему кажется, что страсти улеглись, он начинает снова:

— Дяденька, а дяденька!

Снова поднимается крик. Но тут не выдерживает и Фане.

— Да я не собираюсь покупать! — кричит он. — Не буду я покупать!

Марин со страхом следит за действиями своего друга. Фане снова обращается к человеку, продающему мыло, тот слушает его очень рассеянно.

— Чего тебе, парнишка?

— Товарищ, — солидно говорит Фане, своевременно меняя обращение. — Я знаю тут одного, у которого спрятан товар. В десять раз больше, чем здесь.

Человек смотрит на него испытующе. Бедняга Фане не очень-то внушает доверие.

— Ладно болтать-то! — отмахивается человек, продолжая свое дело.

— Вот клянусь, товарищ! У него и сахар и топленое сало...

Человек советуется с кем-то в доме.

— Слышишь, Мирча, что говорит парнишка?

Некоторое время они шепчутся между собой, потом один из них обращается к Фане:

— А где это?

— На Пиептенарь!

— На Пиептенарь?

Человек почесывает затылок: далековато.

— А что еще у него есть?

— Да все: чулки, лезвия... Вот он знает, — показывает Фане на Марину, который от страха весь съежился. — Он сам там был.

— А тебе чего там надо было? — сурово спрашивает человек Марина.

Марин не решается открыть рот, боясь, что снова попадет в неприятную историю.

— Мы продавали бублики у этого торговца. Его фамилия Постолаке.

— Слышишь, товарищ Мирча, что он говорит? — обращается человек, продающий мыло, к тому, что находится в помещении. — Сдается мне, что сегодня у нас будет еще один клиент.

Люди начинают снова нетерпеливо кричать:

— Не задерживайте его!

— Что вы там делаете?

— Дайте ему торговать!

— Мы время теряем!

— А ну, идите в помещение! — обращается человек к ребятам.

Мальчики с трудом протискиваются сквозь стоящих в начале очереди. Люди толкают их, чтоб поскорее проходили.

В помещении ребят встречает товарищ Мирча.

Человек, отпускающий мыло, кричит:

— Тише, тише! По одному! Подготовьте деньги. Только по куску. Всем хватит, — заключает он торжествующе.



## Товарищ Мирча

### 1

Перегруженный джип проворно бежит по улицам Бухареста. В нем добровольная команда по борьбе со спекуляцией во главе с товарищем Мирчей: три человека в сопровождении полицейского, взятого с участка. С шофером и ребятами семеро. Машину трясет вовсю: товарищ Мирча торопится. В два часа начинается его смена на заводе.

— Вы рабочий? — отважно спрашивает его Фане. Товарищ Мирча кивает.

— А вы не знаете, где в Бэнясе стройка?  
— Какая стройка?  
— А где ребята вроде нас учатся ремеслу.  
— Ремесленное училище? — недоуменно спрашивает товарищ Мирча.  
— Нет, не училище, — не на шутку пугается Фане. — Стройка.  
— Откуда мне знать? Да что именно тебя интересует?  
— Поступить туда хотим. Мы безработные! — с гордостью сообщает Фане.

Марин сжался в комочек и весь обратился в слух. Товарищ Мирча, немного смягчившись, наклоняется к ребятам.

— Сколько ж тебе лет?  
— Пятнадцать! — не моргнув глазом, врет Фане. — А ему четырнадцать, — добавляет он, показывая этим Марину, что не забыл и его.

— Маленькие вы еще!  
— Какой там маленькие!  
Фане напрягает бицепс. Товарищ Мирча пробует его.

— Ой! — вскрикивает Фане.  
— Ну вот видишь? — смеется Мирча.  
— Честное слово, товарищ, мы хотим на стройку... к коммунистам! — снова решительно заявляет Фане, наблюдая краешком глаза за товарищем Мирчей.

— Да что ты говоришь! А ты знаешь, кто такие коммунисты?

— Петру Гроза и народ! — объявляет Фане.  
— А еще что ты знаешь?  
— Коммунисты против торговцев, — вставляет Марин из своего угла, насквозь пропахшего бензином.

Ему тоже страсть как хочется вступить в разговор.

— Ну, молодцы! — подбадривает ребят товарищ Мирча и внимательно разглядывает каждого из них. — Если найдем товар, обязательно возьму вас на завод.

— На завод? — разочарованно произносит Фане. — Мы хотим на стройку.

— Что ж, и у нас своя стройка есть! На чистке картофеля можно работать, на кухне!

Новое разочарование; ребята огорченно переглядываются. Но тут Фане обнаруживает, что Мирча ухмыляется. И у него отлегло от сердца.

— Ну, вы над нами смеетесь, я ведь вижу...

Шофер поворачивает голову.

— Куда ехать, товарищ Мирча?

— На какой это улице? — обращается к ребятам Мирча.

Марин холодеет. На какой улице? Он не знает на какой, забыл, как она называется. Мысленно он хлещет себя по щекам. В глазах у него темнеет. Прощай, стройка, прощай, ночлег, питание, ботинки...

— Ну, Марин, говори же, на какой улице? — тревожно настаивает Фане.

Марин молчит. Машина останавливается. Все смотрят на него.

Марин совсем съезжился. Он готов умереть от стыда.

— Ну, говори, не слышишь, что ли? — трясет его Фане.

— Не знаю... как она называется, — с отчаянием, еле слышно шепчет Марин.

— Ну что ж, товарищ, так и будем ездить без толку? — возмущается шофер.

— Ну, подумай хорошенько! Припомни! — со сдержанным раздражением говорит товарищ Мирча.

— Послушай, Леший, какого черта ты нас подводишь? — нервничает Фане. — Как называется улица?

На Марина уставилось сразу столько глаз, что он потерял дар речи. Ему захотелось выпрыгнуть из машины и убежать. Бежать по полям, туда, к Бурдушештам, пока... пока...

— Говорил я вам, что это глупости, что нас надули! — возмущается один из команды.

— Неправда! Я не обманывал! Я знаю! — в отчаянии кричит, наконец, Марин. — Я знаю, знаю, где это. Только не знаю, как она называется.

— Что будем делать? — нетерпеливо спрашивает шофер.

— Стойте! — кричит Фане.

Все смотрят на него.

— Марин, — говорит он со всей твердостью, на какую только способен, — погляди на меня. Меня-то, — произнес он с ударением, — ты можешь туда провести?

— Могу, конечно, могу! — глотая слезы, сердито кричит Марин.

— Тогда выходи! Выходи и веди меня! — решает Фане.

Он выпрыгивает из машины. Выходит и Леший, вернее — его вытаскивают. Марин оглядывается, протирает глаза, он немного растерялся и не может сразу понять, где находится.

— Ну, посмотри хорошенько! Там? — Фане показывает пальцем.

— Нет, нет.

— У церкви? — продолжает помогать ему Фане.

Товарищ Мирча смотрит на ребят, приоткрыв дверцу машины. Фане понимает, что если Марин не найдет сейчас дороги, они навсегда скомпрометируют себя в глазах товарища Мирчи.

— А! — вдруг радостно кричит Марин. — Вот туда. Потом будет улочка и...

— Слава богу! — восклицает Фане как взрослый. — Туда! — показывает он Мирче. — Мы пойдем пешком! — объявляет он и энергично тащит за собой Марина.

— Что будем делать, товарищ Мирча? — снова ворчит шофер.

— Держись за ними, что поделаешь? Ладно, ладно! — обращается он к двум другим членам отряда, которые собрались было возражать.

Джип медленно ползет следом за ребятами. Потом ускоряет ход, потому что ребята пускаются бегом. Направо — по улице, потом налево — по переулку.

Мальчишки останавливаются. За ними — джип.

— Здесь! — запыхавшись, победоносно объявляет Марин.

Двор не виден. Перед ними — сплошной почерневший от дождей забор. Только ворота новые. Старенький домишко выходит на улицу. Окна — всего на метр от земли, на них белые нитяные занавески ручной вязки.

Все вылезает из машины. Товарищ Мирча пробует открыть ворота — на запоре. Короткая улочка почти пустынна. Мирча подтягивается на руках. Забор скрипит под его тяжестью. Смотрит на двор: курятники, цветочные клумбы, несколько старых деревьев, дощатая уборная... Ничего похожего на склад, да еще большой.

Фане, который следит за выражением лица товарища Мирчи, подталкивает Марина.

— Ну, давай говори, где это.

— В глубине двора, товарищ Мирча. В глубине, за домом. Отсюда не видно. Там люк.

Он говорит отрывисто. Ему стыдно своей глупости и хочется как можно скорее загладить вину.

Все еще не совсем поверив ребятам, Мирча громко стучит в ворота. Никто не отвечает, только в окнах слегка колышутся занавески.

Мирча снова стучит, долго и громко, вызывая беспокойство окрестных собак. Наконец скрипнула дверь.

— Кто там? Чего надо? — произносит хриплый старческий голос.

— Откройте ворота!

— Зачем? Зачем открывать-то? — протестует голос.

— Увидишь! Или ты хочешь, чтобы мы их сломали?

В голосе товарища Мирчи звучит угроза. Он совсем не похож теперь на того Мирчу, который разговаривал с ребятами.

— Хорошо, хорошо! Иду!

Долго звякает ключ, видно, не попадает в замочную скважину. Наконец калитка открывается, и показывается старик.

— Кто такие? Чего надо? — шамкает он.

— Добровольный отряд по борьбе со спекуляцией,— объясняет товарищ Мирча и входит следом за стариком.

Входят и остальные. Ребята позади всех.

Завалинка дома вся увита вьюнком, который только начинает зеленеть. Марин, протиснувшись вперед, бежит в глубь двора.

— Здесь! Здесь! — кричит он.

— Мы приехали, чтобы произвести обыск, — объявляет товарищ Мирча. — У нас есть сведения, что здесь находится тайный склад товаров.

— У меня? — удивляется старик. — Упаси боже! — Он крестится. — Вы перепутали дом, дорогой. В жизни своей никогда не был торговцем.

Из дому вышла женщина, помоложе старика, уродливая, с большим носом.

— Чего вам здесь надо? — завопила она. — Что ж, человек теперь и в своем дворе не хозяин? Пошли вон, а то кликну соседей!

К женщине подходит полицейский и, размахивая перед ее носом бумажкой, доказывает ей, что обыск проводится на законных основаниях. Остальные идут в глубь двора, ориентируясь по крикам Марина, которого едва видно в зарослях бурьяна. Мальчик попирает ногой крышку люка, как Георгий Победоносец — голову змия.

— Здесь! Здесь! — с торжествующим видом повторяет он.

— Подвал я сдаю, — начинает лебезить старикашка.

— Кому?

— Господину Постолаке. Но он живет не здесь, а у меня нет ключей.

— Ключей у тебя нету? — смеется товарищ Мирча. — Ключи не нужны. Я слесарь!

Мирча с товарищами наклоняются над тремя замками.

— Ну и заперто! — восхищается один из них.

Мирча извлекает из кармана инструмент и возит-ся с замком.



— Дайте молоток! — приказывает он старику.  
— Какой молоток? Нет у меня никакого молотка! Это насилие! Вы ворвались в мой дом! Насилие! Насилие! — вопит он вне себя.

Полицейский успокаивает его.

— Они имеют право проверять! Имеют право! — настойчиво повторяет он.

Фане приносит топор. Он нашел его у колоды для колки дров.

Замки поддаются медленно. Но вот они открываются и остаются висеть, теперь уже бесполезные. Двойная крышка люка отброшена в сторону. Видна лестница, ведущая в просторный оштукатуренный подвал.

Товарищ Мирча в сопровождении остальных членов отряда спускается вниз. Зажигает спичку.

— Э, да здесь целый универмаг! — раздается его веселый голос.

## 2

Ликэ собирается обедать, моет руки. Трет их так долго, что, кажется, вот-вот лопнет кожа. Ликэ бывал у одного человека, предлагающего партию скипидара и красок. Вот и замазал немного не только «лапы», но и одежду. Однако это не смущает его. Он весел и все время насвистывает: «Екатерина, ах, чтоб ты сдохла!»

— Да ты напился! — подозревает Мими, стоящая рядом с полотенцем в руках.

— Напился бензина, Мими! — весело отвечает Ликэ и чмокает ее в губы.

— Осторожно, помаду смажешь, — протестует для виду Мими, впрочем и на самом деле не особенно довольная лаской мужа.

Звонит телефон.

— Я подойду, — останавливает его Мими.

— Это, должно быть, Гогу. Подожди, я сам.

Ликэ небрежно швыряет полотенце и бежит к телефону. Госпожа Мими старательно стряхивает полотенце и неодобрительно морщится.

— Что? Как? Ты с ума сошел! — раздается вдруг сердитый голос Ликэ. — Проклятие!.. Иду, иду! Задержи их!

С губ Ликэ готовы слететь ругательства. Госпожа Мими испугана.

— В чем дело, Ликэ? Что случилось?

— На Пиептенарь! Обыск! — кричит ей Ликэ на ходу.

Он выбегает из дому и вопит на весь двор:

— Миелу! Миелу! Одевайся! На Пиептенарь обыск!..

Потом пулей летит назад в дом и хватается пиджак.

— Дай мне денег! Или нет. Нет! Лучше, чтоб у меня не было денег.

Ликэ вытаскивает пачку кредиток и сует их в руки госпоже Мими, которая в испуге суетится около него.

— Господи, помилуй! Господи, помилуй! — бормочет она и часто крестится.

Между тем Миелу на дворе еле шевелится.

— Пошли, Миелу! Быстро! Такси!

Они выскакивают из ворот и несутся по улице.

— Господи, помилуй! Господи, помилуй! — повторяет госпожа Мими, стоя на пороге дома.

Ликэ и Миелу мчатся на машине к месту происшествия.

— Скорее! Скорее! — подгоняет Ликэ шофера. — Кто б это мог быть, черт возьми? — обращается он к Миелу. — Кто донес, ума не приложу! Мать их... Но у меня документы в порядке. На все есть накладные, со мной это у них так просто не пройдет! Вздумали забрать у меня товар! Эй, ты, слышишь, что говорю: скорее! — кричит он на шофера.

— Ладно, папаша! Я не хочу из-за тебя попасть в тюрьму. Много народу, разве не видишь?

— Ты, Миелу, — продолжает Ликэ, не слушая шофера, — останься, расплатись за машину. Потом тоже приходи. Но сделай вид, что ты сам по себе, понимаешь? Если что, чтоб нас не взяли обоих. Понимаешь?

— Понимаю, — задумчиво соглашается Миелу.

— Направо, — говорит Ликэ шоферу. — Потом налево.

Они въехали на маленькую улочку. При виде джипа Ликэ захлестывает новая волна ярости. Но теперь вдруг ему становится страшно.

— Проклятие! Ведь на машине приехали. Все узнали. В точности. Стой! Вот здесь! — приказывает он шоферу и выходит примерно в двадцати метрах от джипа.

Миелу рассчитывается с шофером.

У ворот толпится народ. Собралась вся округа. Ликэ грубо расталкивает всех и входит во двор. С первого же взгляда он видит и понимает все. Во дворе тоже несколько зевак. Из дверей домика его кто-то окликает:

— Господин Постолаке...

Это носатая женщина. Ликэ быстро проскальзывает в дом.

— Здесь эти, по борьбе со спекуляцией, и полиция. Сломали замки и спустились в подвал. Их привели сюда какие-то мальчишки.

— Мальчишки? — хмурится Ликэ. — Ладно, пойду туда, — успокаивает он носатую.

Ликэ выходит во двор и направляется к складу. Мальчишки? Уж не те ли? Его догадка подтверждается: двое босоногих мальчишек с подбитыми глазами стоят у края люка.

— У, ворюги! — кричит Ликэ. — Я до вас доберусь! Я вам покажу! Бездельники! Разбойники! В исправительный дом!

Зеваки с недоумением смотрят на этого человека, кричащего неизвестно на кого.

Ликэ кидается на ребят. Хоть по одной затрещине им влепить! Но чертенята убегают в подвал с криками:

— Товарищ Мирча! Товарищ Мирча!

Ликэ спускается за ними следом.

В подвале человека три-четыре и среди них — полицейский, за спину которого спрятались «бездельники».

— Вот он! Вот он! Вот он, спекулянт! Это Постолаке! — вопит Фане, указывая на Ликэ.

— Вы владелец товаров? — спрашивает агент.

— Да, я. — В голосе Ликэ вызов. — Я торговец. Документы у меня в порядке. Это мой склад. Кто дал вам право врываться сюда?

— Вы думаете, что мы просто так, здорово живешь, к вам нагрянули? — говорит товарищ Мирча, меряя Ликэ презрительным взглядом.

— Я торговец. Я имею право хранить товары. А ты мне не дерзи.

— Они имеют право производить обыск, — твердит полицейский свою излюбленную фразу и машет бумажкой перед носом Ликэ.

— Какое право? Что за право? А ну, дайте я посмотрю!

Ликэ вырывает бумагу.

— Где здесь написана улица и номер дома? Нет у вас никакого права!

— Они имеют право.

— Вот я на вас в суд подам. У меня есть опись всех товаров. За все, что возьмете, уплатите в десятикратном размере! — угрожает Ликэ.

— Это хорошо, что есть опись, — обращается товарищ Мирча к одному из членов бригады. — А то мы сами собрались ее сделать.

— Все равно придется переписать. А то разве знаешь...

— Тогда переписывай. А мне надо уходить.

Ликэ продолжает голосить, а полицейский размахивать перед его носом бумагой, которую он успел отнять у Ликэ.

Подходит товарищ Мирча.

— А кто это вас, папаша, так быстро предупредил?

— Тебе какое дело? Предупредили, потому что у меня есть право, — вопит Ликэ. — Я честный торговец. У меня документы есть.

— Покажете их в полицейском отделении, — спокойно говорит товарищ Мирча, — если вы согласны туда пойти.

— И пойду. Почему бы мне не пойти? Думаешь, я тебя боюсь?

Наверху, в отверстии люка, показывается физиономия Миелу. Он не спускается и делает знак Ликэ, чтобы тот не шел в полицейское отделение. Но Ликэ уже никого не видит. Зато Марин замечает Миелу.

— Эй, посмотри, здесь и Миелу! — шепчет он Фане.

— Дяденька, здесь и свояк его, — докладывает Фане товарищу Мирча.

— Мне надо идти, — говорит Мирча полицейскому. — Зайдем с ним в полицейское отделение.

Полицейский берет Ликэ за руку.

— Пожалуйста, пройдемте в отделение.

— Пожалуйста, пожалуйста, подумай! — продолжает вопить Ликэ, но выводят его почти насильно.

Полицейский и во дворе не отпускает его руку. Все трое влезают в джип.

Когда шофер запускает мотор, с тротуара раздаются крики:

— Товарищ Мирча! Товарищ Мирча!

Слесарь открывает дверцу.

Это все те же босоногие мальчишки, раскрасневшиеся, но грустные, как в воду опущенные.

— Дяденька, разве вы не обещали нас взять на завод? — с упреком говорит Фане.

Марин смотрит умоляюще.

— А ну, лезьте оба вперед! — вдруг улыбается товарищ Мирча.

Ребята, счастливые, бросаются в джип.

Второй раз в своей жизни Леший путешествует в одной машине с «крестным».



## Что значит мужчина в доме!

### 1

В столовой дома Постолаке госпожа Мими совещается с Миелу.

— Я подал ему знак, чтобы он не шел, — смущенно объясняет Миелу. — Да разве с ним сговоришься? У Мими глаза покраснели от слез.

— Я был там. Могила. Неизвестно, когда отпустят. Его в саботаже обвиняют.

Госпожа Мими громко причитает. Схватившись

за голову, она собралась было рвать на себе волосы, но рука лишь скользнула по склеенным куделькам.

— Господи боже мой, что мне делать? Беда, Миелу, беда! Я еще утром сказала ему, что он сумасшедший, и вот теперь, пожалуйста, сам полез к волку в пасть. Что, если его посадят? Какой позор!

Тут она вспоминает, что Ликэ уже просидел две ночи.

— Что, если его снова посадят? Я тысячу раз советовала ему разделаться к черту с этим складом. Не набивать туда столько товара. Господи, господа! «Товар трудно спрятать, Ликэ», — говорила я ему. Не то, что деньги. Ящики, коробки, тюки. Того и гляди схватят. Господи боже мой! А деньги места не занимают, спрячешь куда-нибудь, и все в порядке. И все из-за этих вшивых. Сколько раз я ему говорила: «Пошли ты их к черту! Ты торговец. У тебя дом, состояние. Все. Зачем губить из-за них свою молодость?» А он — нет! Нет и нет! И насчет Лешего я ему говорила, чтобы не посылал его туда. «Нет, — говорит, — теперь Леший ангел». Бедная я, несчастная, и на кого ты, Ликэ, меня покинул? Что делать, Миелу, что делать? Что, если приедут и нас всех заберут?

Мими повисает на плече Миелу, он молчит. Ему приходится нелегко: госпожа Мими, несмотря на небольшой рост, отличается солидным весом. Когда Мими говорит о деньгах, Миелу наостряет уши. Он крепко прижимает ее к себе, слабую и безвольную, и даже гладит волосы и плечи, сотрясающиеся от вздохов.

— Ладно, ладно, не пугайся. Это ничего. Выкрутится он.

Госпожа Мими освобождается из его объятий. Может быть, она пришла в себя? Нет. Просто у нее явилась мысль.

— Фэникэ! Комиссар Фэникэ!

Мими в волнении начинает ходить по комнате.

— Сбегай к нему, Миелу. Беги к нему. Посмотрим, что он скажет. Посули, что я дам ему сколько

угодно. Слышишь? Сколько угодно, лишь бы спасти Ликэ, — с жаром заключает она.

И снова начинает причитать:

— Пресвятая богородица, какое несчастье свалилось на мою голову! Какое несчастье!

Миелу внимательно смотрит на нее.

— Ну, иди же, иди. Беги! Что ты стоишь?

Миелу направляется к двери.

— Да, но... — колеблется он.

И разводит руками, показывая, что у него нет денег.

— Что? Деньги? Сейчас не нужно. Он ведь знает. Черт бы подрал этого взяточника! — Мими снова становится моралисткой. — Ну, иди же! Беги, Миелу!

Делать нечего, Миелу приходится уйти.

Госпожа Мими продолжает ломать руки.

Потом, стоя на коленях, она бьет земные поклоны перед иконой.

## 2

Вечер. Двухъярусные койки в новой спальне, которые с такой неохотой делал Миелу, скрипят и, кажется, вот-вот развалятся. Ребята развлекаются, раскачиваясь на них. В углу висит керосиновая лампа.

— Эй, вы, там, наверху, черт бы вас побрал! — кричит Ницэ, находящийся в «партере».

Иордаке и Спиру беседуют.

— Я ж тебе говорю, что его взяли.

— Да кто?

— Полиция.

— Брехня! Ты тогда тоже так говорил, — недоверчиво замечает Иордаке.

— Ну и что ж? Тогда он отсидел две ночи.

— Ну и отсидел. Поди какая отсидка!

— Он с товаром попался, его за саботаж, — продолжает сообщать Спиру.

— Ну да?!

— Я от Ляны слышал. Ревет как белуга. Вот ей-богу, чтоб у меня рука отсохла!



— Ну его к дьяволу! Так ему и надо! — радуется Иордаке.

В спальню с важным видом входит Силе. Иордаке спрыгивает с постели и, хоть Спиру тянет его за рукав, идет прямо к Силе. Они шепчутся. Силе отрицательно качает головой:

— Брось трепаться!

— Я точно знаю, Силе! Это как пить дать! — хвалится Спиру, лежа на постели.

— Эй, вы, что случилось? — вступает в разговор Ницэ.

— Крестного посадили в тюрьму за саботаж, — шепотом сообщает ему Спиру.

— Крестного посадили? — громким голосом удивляется простофиля Ницэ. — Так вот почему он не пришел сегодня на вечерний отчет!

Спальня наполняется жужжанием. Известие сообщают друг другу шепотом — из-за Силе, который еще не высказал своего мнения.

— Эй, помолчите. Одурели, что ли? Что вы брешете? Крестный уехал за товаром. Мне самому госпожа Мими сказала! — безапелляционно заявляет Силе.

— Без Миелу? — возражает Спиру.

— И без грузовика? — присоединяется к нему Иордаке.

— Без! Ну да, без! И вообще, заткните глотки. Отправляйтесь все спать, слышите? Пока не вернется крестный. — Силе не может удержаться от бахвальства, — дело будете иметь со мной! Со мной и с Миелу, — поправляется он, чтобы быть ближе к истине. — Так что молчок! Или вам очень хочется, чтобы вас, как тех двоих, посадили в исправительный дом?

Новое оживление на кроватях.

— Их посадили? Вот здорово! — веселится Жаравете.

— У, подлюга! — слышится сверху, и Жаравете, получив тумака, вопит, взывая о помощи. Но никто ему не сочувствует.

Силе занят разговором со Спиру.

— Их посадили? Это правда? — спрашивает Спиру.

— Сначала как следует отделали, а потом Миелу погрузил их в грузовик и отвез в Котрочены, в исправительный дом. Два года получили, — уточняет Силе.

Послышались восклицания.

— Два года!

— Елки зеленые!

— Небось и судили их?

— За что их судить?

— Не верится что-то, — вяло протестует Спиру, но уходит спать опечаленный.

— Точно! — подтверждает Силе. — Два года обеспечены. Так что смотрите, не рыпайтесь! Кто посмеет пикнуть, тому крышка!

Ребята ложатся спать.

— Хорошо на кровати, — говорит один из них без гордости.

— Жаль только, стало слишком жарко, — сокрушается Ницэ, но на лице его довольная ухмылка.

### 3

На улице Юстиции в глубине двора стоит барский дом; над входными дверями — большой навес из желтого стекла. В садике — цементный бассейн, наполненный водой; вода течет из ртов двух огромных рыб, обвинившихся вокруг столба, который стоит посреди бассейна. Большой, хорошо мощенный двор. За домом — более мелкие постройки, «службы» и что-то вроде качелей.

На прибитой к ограде черной лакированной дощечке золотыми буквами написано:

«Жорж ПапудOFF, доктор права из Парижа».

— Вот видишь, я же тебе говорил! — Читая, Миелу водит пальцем по дощечке.

Дойдя до последнего слова, он останавливается и заключает:

— Из Парижа! Важная птица! — Потом дает продолжительный звонок.

Госпожа Мими, разодетая в пух и прах, на вы-

соких каблуках и с большой кожаной сумкой, величественно кивает: ей к такому не привыкать. Миелу тоже одет как жених: темно-синий костюм, красный галстук, платок в верхнем кармане, волосы напомажены. И не узнаешь его!

Открывает горничная в черном переднике и платке с белым воротничком, она приглашает их в комнату для ожидания. Галантный Миелу все время пропускает вперед госпожу Мими, шествующую как королева. При этом он под шумок щиплет горничную. Девушка смотрит на него с притворным возмущением.

И вот через полчаса они в кабинете.

Госпожа Мими рассказывает все до мельчайших подробностей, а Миелу одобрительно кивает и сбрасывает пепел с сигареты «Гольф» в серебряную пепельницу.

Адвокат важно восседает за письменным столом. Он толст и лыс, волосы с затылка зачесаны на сверкающую макушку. Под глазами огромные мешки; лицо сильно напудрено. Подперев рукой подбородок, адвокат смотрит маленькими глазками на Мими, которая всхлипывает и то и дело изящным жестом вытирает нос уголком вышитого платка. Миелу, с наслаждением погрузившись в мягкое кресло и заложив ногу на ногу, рассматривает роскошную обстановку кабинета.

Задав несколько вопросов и подождав, пока госпожа Постолаке успокоится и утихнут последние вздохи, вздымающие ее пышную грудь, адвокат берет слово.

— Сударыня, — говорит он, играя золотым пресс-папье, — положение, в которое попал ваш супруг, не из легких. Я бы сказал даже, если бы не боялся вас испугать, что оно серьезное. Весьма серьезное.

Мими бросает на Миелу взгляд, молящий о помощи.

— Видите ли, уважаемая госпожа Постолаке, в наши тяжкие времена, когда большинству людей нечего есть, когда цены стремительно изо дня в день, — да что я говорю? — из часа в час растут,

он, ваш супруг, пряча товары, оказывается повинным не в одном, а в четырех преступлениях сразу. Не хочу перечислять их вам. Вы сами знаете, что этот режим — правда, абсолютно временный! — издает один за другим законы, препятствующие свободе частной инициативы, другими словами — частной торговли. Его направляет в этом отношении коммунистическая партия, с которой, как вы сами знаете, в наши времена шутки плохи и которая...

У Мими нет больше сил. Она прячет лицо в вышитый платок и рыдает. Миелу наклоняется над ней и сочувственно похлопывает ее по коленям.

Адвокат вежливо умолкает.

— Господин адвокат, — произносит, наконец, Мими, пряча платок по старинке на груди. — Очень вас прошу, спасите его! Умоляю! Мой муж — честный человек, торговец. Я заплачу, сколько бы ни стоило. И взятку дам, только бы он вернулся домой...

— Слово, которое вы только что произнесли, не имеет отношения к моей специальности, сударыня, прошу вас это заметить.

Мими тупо смотрит на него. Ей непонятно, чего ему от нее надо. Она ищет платок в сумке и на кресле, потом, припомнив, что спрятала платок на груди, украдкой вытаскивает его.

— Так вот... Во-первых, — медленно продолжает господин Жорж ПапудOFF, доктор права из Парижа, решив, что уже достаточно напугал эту разряженную особу, — мы возбудим ходатайство о том, чтобы его до суда выпустили на свободу под залог. Для этих первых формальностей потребуется что-нибудь около... пятисот тысяч...

— Пусть будет пятьсот тысяч, — облегченно вздыхает Мими. — Вот они!

Она роется в своей большой, очень большой кожаной сумке (Миелу бросает в эту сумку мечтательный взгляд) и кладет на письменный стол десять зеленых бумажек, каждая по пятьдесят тысяч.

— Это сумма, необходимая для проведения всяких формальностей, — деликатно разъясняет Жорж ПапудOFF. — Нужен еще залог.

— А это сколько? — спрашивает Мими, и по лицу ее проходит тень.

— В зависимости от стоимости товаров.

— Ну, пусть это будет... — прикидывает госпожа Мими, смущенно глядя то на одного, то на другого, — примерно... примерно десять-двенадцать миллионов.

— Обращаю ваше внимание, что надо считать по официальным ценам и что прокуратура всегда очень щедра в своих оценках...

— То есть как?

— То есть вместо десяти ставит пятнадцать, — объясняет адвокат.

— Ну, пусть это будет... — прикидывает госпожа Мими, — максимум двадцать пять.

Мими украдкой поглядывает на лица обоих мужчин. Миелу о чем-то мечтает. Адвокат учтиво улыбается.

— Так ведь теперь, — спешит она преуменьшить сумму в глазах собеседников, — что такое теперь деньги? Мура, пардон за выражение.

— Залог должен составлять четверть общей суммы, — безжалостно заключает адвокат, глядя на посетительницу полузакрытыми глазами.

— Ско-олько? — выходит из себя Мими. — Бедная я, несчастная, откуда же мне взять столько денег, господин адвокат? Разве у нас фабрика? Что было, мы вложили в товары. Все, все вложили, — добавляет она и снова в смертельном испуге смотрит то на адвоката, то на Миелу.

— Залог возвращается вам, мадам. Если мужа оправдают, вы получите деньги полностью.

— А если нет? — Мими в волнении вскакивает.

— Если нет... Но зачем нам заранее думать о худшем? — Адвокат снова становится любезным. — Разве не затем вы пришли сюда, чтобы этого не случилось? Если же паче чаяния он не будет оправдан, из залога удерживается штраф, расходы по судопроизводству. Во всяком случае, это не так уж много: миллион, два, ну, максимум три.

— Боже мой, боже мой! — убивается Мими.

— Не угодно ли воды? — предлагает адвокат. Миелу приносит Мими воды и подбадривает ее: — Ну, будет тебе, он его выручит. Не бойся.

Мими пьет осторожно, чтобы не смазать помаду, потом вытирает губы и, переведя дух, упрямо повторяет:

— Да, но откуда мне столько взять? Пять миллионов. Ты понимаешь, Миелу, что это значит?

Миелу не понимает, и именно это где-то в глубине души жестоко оскорбляет Мими.

— Ну, что для вас пять миллионов!

— Шесть, — уточняет адвокат.

— Шесть?! — пугается Мими. — Это невозможно, господин адвокат. У меня нет таких денег!

— Возьмите из банка, займите. Иначе, к сожалению, я ничего не смогу сделать. В случаях саботажа они очень суровы.

— Чтобы я занимала? Я? — обижается Мими. — Чтобы Ликэ потерял авторитет? Чтобы надо мной смеялась вся округа? Да и кто даст, господин адвокат? Кто даст?

Жорж ПапудOFF смотрит на часы-браслет. Ему начинает все это надоедать.

— Ну, как знаете, сударыня. Саботаж есть саботаж. Это тяжкое преступление, сударыня.

Мими понимает, что уступок ей не будет, и начинает покоряться своей участи.

— Когда же... когда же их принести? — произносит она с великим трудом.

— Чем скорее, тем лучше. Хоть сегодня.

— Хорошо, господин адвокат...

Мими подавлена. Ей пришлось выдержать тяжкое испытание.

— Что поделаешь, придется занимать! — жалуется она Миелу.

Тот многозначительно разводит руками, выражая ей свое соболезнование. «Чертова скряга! Да у тебя денег куры не клюют», — говорят при этом его прищуренные глаза.

— Но это еще не все, — неумолимо продолжает парижский адвокат.

— Ой, батюшки! Опять не все! — отбросив церемонии, возмущается Мими.

— Да, надо еще.

— Сколько? — спрашивает Мими сдавленным голосом.

— Ну, я не знаю. Миллиона три покамест, думаю, хватит. Но не кредитками, — останавливает он Мими, которая снова собирается протестовать. — Червонцами. Бывают случаи, когда кредитки не идут, вы ведь это знаете? — обращается он к Миелу конфиденциально.

— Червонцами? — ужасается Мими. — Золотыми? Да у кого ж они есть, господин адвокат? У кого ж они есть?

— Если у вас нет, купите, — обрезает ее Папудофф; он спешит. — Возможно, я смогу послать вам одного человека.

— Не надо, мы сами найдем, господин адвокат, — вступает, наконец, в разговор Миелу. — Сделаем, — добавляет он, обращаясь к Мими, которая смотрит на него с отчаянием.

Домой Миелу ведет Мими под руку; Мими, по ее словам, чувствует себя «совершенно разбитой» и то и дело сморкается.

— Миелу, не покидай меня, Миелу! — хнычет она, прижимая к себе его руку. — Ты настоящий мужчина, Миелу. На тебя вся моя надежда, ведь больше у меня никого нету!

— Можешь на меня положиться, Мими, — фамиллярничает Миелу. — Не я, что ли, свел тебя к этому типу? Ну, скажи, кто тебя свел? Как только услышал, что Фэникэ вытурили, в лепешку расшибся, а нашел этого. Он большой адвокат. Большой. Ты заметила?

— Заметила, — нахмурившись, с неожиданной холодностью произносит Мими. — Обыкновенный жулик! Вот кто он такой.

— Жулик-то жулик, а вот увидишь, Ликэ он вызовет!

— Да услышит тебя бог, Миелу! Да услышит тебя бог!

Мими снова прижимает к себе его руку и пови-сает на нем.

Так Миелу ведет ее до самых ворот, потом до крыльца и даже вводит в дом, к великому неудовольствию Ляны, которая подглядывает за парочкой сквозь забор и затем, ворча, скрывается у себя на кухне.

#### 4

Госпожа Мими при помощи Силе самолично принимает вечерний отчет. Они сидят на стульях с двух концов большого стола. Кресло Ликэ не может быть осквернено. Оно стоит в передней в ожидании своего хозяина. Силе сортирует банкноты и монеты. Мими подсчитывает их и опускает в открытую шкатулку, стоящую между ними. Ребята входят и сдают Силе выручку.

Сейчас очередь Спиру.

— Ну, вставай на колени, а то дам раза, — полусерьезно шипит Силе.

Но кто знает, насколько он шутит? Госпожа Мими, уйдя с головой в свои подсчеты и расчеты, ничего не слышит.

— А ты кто такой? — вдруг ощетинивается Спиру. — Ишь, раскаркался, чертов ворон!

Спиру продолжает стоять и немного свысока смотрит на сидящего Силе.

Силе долго возится с сортировкой, главным образом потому, что уж очень ему по душе расчеты. Время от времени он, как бы случайно, подталкивает одну из бумажек за шкатулку так, чтобы ее не видели остальные и чтобы потом, улучив удобный момент, сунуть ее в карман. Но Спиру тут как тут. Он смотрит в оба.

— Десять тысяч четыреста, госпожа Мими, кажется, так? — угодливо произносит Силе, подвигая грудку денег к Мими.

Та снова пересчитывает, потом слюнявит химический карандаш и собирается внести цифру в приходную книгу. Спиру, с необычайным вниманием на-



блюдавший за манипуляциями госпожи Мими, протестует:

— Почему десять тысяч четыреста? У меня было десять тысяч девятьсот!

— Слушай, ты что, рехнулся? — набрасывается на него Силе.

— Ты плохо посчитал, так и есть, — обращается госпожа Мими к Спиру, глядя на него из-под очков. Мысленно прибавляет: «Выучился считать, поганец!»

Возмущенный Спиру подходит ближе и с быстротой молнии хватается Силе за руку как раз в тот момент, когда тот хочет опустить в карман недостающую банкноту.

— А это что? — кричит Спиру, сцепившись с Силе и пытаясь разорвать ему карман. — Вор!

— Как вор? Это я-то вор?..

Силе с размаху ударяет Спиру.

Начинается драка. Ницэ, который ждал у дверей, тоже ввязывается в нее — неизвестно на чьей стороне, — теперь все трое катаются по полу. Мадамана схватила свое излюбленное оружие — деревянную мешалку для мамалыги, — но ее удары, по временам довольно звонкие (знак того, что они попали по голове), не очень-то пугают драчунов. И испуганная Мими кричит на мальчишек.

Кто-то роняет шкатулку, и теперь драка идет среди сотен бумажек.

Мими выбегает из кухни.

— Миелу! Миелу! Иди сюда! Эти бездельники убьют меня! — вопит она протяжно и оглушительно.

Силе перестает драться, но его противники тут же используют это, и ему поневоле снова приходится обороняться.

На пороге появляется Миелу; белые рукава рубашки развеваются у него, как у настоящего мушкетера. Несколько блестящих профессиональных боксерских ударов — все три «матадора» оказываются на четвереньках. Миелу становится на колени, собирает деньги в шкатулку и успокаивает Мими:

— погоди, я с ними разделаюсь! Ишь, заразы!

Потом, поднявшись, подходит к ней и покровительственно спрашивает:

— Они тебя ударили?

Когда только Мими успела снять очки? Она, словно красна девица, с восхищением смотрит на своего упавшего с неба спасителя. Смотрит и молчит. Только грудь ее бурно вздымается.

— Не дело это для такой женщины, как ты, — прибавляет Миелу, пронзая Мими огненными взглядами.

Миелу доставляет невероятное удовольствие называть ее на «ты».

Мадамана кладет на место мешалку. Она поворачивает к ним свое морщинистое лицо, на котором трудно различить складку, выражающую удивление, которым она охвачена.

Миелу удаляется элегантно походкой.

Госпожа Мими, заплаканная и восхищенная, с мечтательным видом обращается к Мадамане, снова повернувшейся к своим кастрюлям.

— Вот что значит мужчина в доме!

Позднее, когда Миелу ужинает, жадно заглатывая пищу, а Ляна ему прислуживает, бегая из дома на кухню и назад, приходит Мадамана.

— Барыня сказала, — произносит она, не обращаясь ни к кому в частности, — пусть господин Миелу приходит спать вниз, в переднюю, потому что ей страшно оставаться одной в целом доме.

Глаза Миелу вспыхивают победоносным огнем.

Он произносит с явным нетерпением:

— Ладно. Скажи, что приду.

Ляна, подавая на стол, ворчит:

— Ну, конечно, барыня! Ей страшно! Жирная чертовка! Ты еще должен ее охранять!

— Да замолчи ты, идиотка! — набрасывается на жену Миелу. Потом добавляет: — Я ее не бесплатно охраняю.

Поздно вечером Миелу лежит внизу, в передней, на диване. Здесь ему устроена импровизированная постель. Он укрыт до самого горла верблюжьим одеялом, но ноги высунулись наружу. Миелу не спится.

Время от времени он беспокойно поглядывает на лестницу, ведущую на второй этаж, где находится спальня супругов Постолаке. Тихо и почти совсем темно, лишь по временам потрескивает лампада.

Миелу встает. Диван скрипит под тяжестью его тела. На Миелу крестьянская ночная рубашка, длинная, до пят, вышитая красными и черными нитками. Он открывает дверь и выходит во двор. На улице приятная прохлада. Воздух мягкий и душистый, робко поблескивают звезды, а небо высокое-высокое... Миелу прогуливается покуривая. Идет к большим воротам — посмотреть, заперты ли. Потом возвращается, прямой, белый, как статуя, и царственным шагом направляется к внутреннему двору. У чердачной лестницы его внимание привлекает легкий шорох: наверное, кошки или крысы. У сарая, где спят ребята, он прислушивается. Храпят громко и на разные голоса. Миелу пробует вторые ворота, потом подходит к комнате, где спит Ляна, снова прислушивается и узнает ненавистный ему храп. Он поднимает глаза: окно на втором этаже освещено. Что это делает Мими?

Миелу бросает сигарету. Окурок подпрыгивает, как горящий уголек. Миелу тушит его ногой и направляется в дом. Озабоченно, почти неслышно запирает входную дверь. Потом с такими же предосторожностями закрывает за собой дверь, ведущую в переднюю. Смотрит долгим взглядом на лестницу: ее цементные ступеньки, покрытые красной плюшевой дорожкой, явно манят его.

И, наконец, решается. Он крадется наверх, покашачьи ступая босыми ногами.

Шлепанцы остались внизу, около дивана. Добравшись доверху, Миелу легонько пробует щеколду.

Разочарование.

Дверь закрыта изнутри.

Раздосадованный, Миелу так же тихо сходит вниз и бросается на диван; диван стонет всеми своими пружинами.

Наверху, в спальне, Мими уже лежит в постели. Против обыкновения на голове у нее нет ни папилю-

ток, ни сетки. Читает она все ту же книгу из серии «Знаменитые любовники» — «Теодора, императрица Византии». Вероятно, Мими частенько перечитывает ее.

Отложив книгу, Мими смотрит в пространство. «Что за жизнь была у этих императриц! Делали, что хотели», — думает она мечтательно. Потом напряженно прислушивается. На лице ее отражаются самые разные чувства: страх, ожидание. Неясный, почти неуловимый шум... Но нет... Лицо ее вскоре снова становится спокойным и, пожалуй, разочарованным.

Секунду-две Мими еще прислушивается.

Ничего...

Все замолкло. Она снова открывает книгу, но, не прочтя и трех строк, кладет ее на ночной столик. Потом вылезает из кровати и направляется к шифоньеру. Там между шифоньером и стеной висят домашние платья, халаты. Она надевает самое яркое тонкое кимоно, поправляет прическу, смотрится в большое зеркало. Потом выходит из комнаты, тихонько отпирает дверь, ведущую на лестницу, и, собравшись с духом, зовет свистящим шепотом:

— Миелу! Миелу! Ты спишь?

— Нет, — так же шепотом отвечает Миелу.

Диван снова стонет — признак того, что Миелу встает.

— Что-нибудь случилось? — слышится его спокойный, но приятно удивленный бас.

— Иди навстречу, — снова шепчет Мими. — Давай еще посоветуемся, дорогой, — поясняет она.

Миелу поспешно натягивает поверх ночной рубахи брюки. Потом проворно, по-прежнему босиком, взбирается наверх. Дверь на лестничную площадку открыта. В коротком темном коридоре, ведущем в спальню, торопливо шуршит шелк кимоно. Миелу тщательно закрывает дверь на лестницу и словно ненароком поворачивает ключ в замке.



## Деньги не приносят человеку счастья

### 1

В одно из воскресений, после полудня, на бульваре Братиану.

Толпа течет сплошным потоком по обоим тротуарам вверх и вниз. У каждого кинематографа охрипший репродуктор выбрасывает на улицу лающие иностранные слова или выплескивает на голову проходящих музыку, заставляющую вспомнить о старом клаксоне с резиновой грушей. Прохожие грызут семечки, едят мороженое, смеются... С криками бегают дети.

В одном месте, где нет кинематографа, репродуктор дает стереотипный совет:

Получить богатство можешь ты всегда,  
Играя в лотерею Кампус Басса!

С веселым топотом проходят военные; их много, они идут группами по пять-шесть человек или поодиночке, приставая к раскрасневшимся трансильванкам в черных юбках, колыхающихся на широких бедрах. Война кончилась, наступил мир, весна возбуждает людей, и веселое золотисто-красное солнце скатывается к западу.

Два мальчугана в пилотках, спецовках и бутсах, один — с большими печальными карими глазами, другой — с зелеными, сверкающими, похожие на чисто отмытых жеребят, прогуливаются по тенистой стороне бульвара. Они идут рядышком, только что не держатся за руки. Ноги их передвигаются с некоторым трудом. Видимо, в обуви они чувствуют себя не совсем привычно. Каждый раз, встречая продавца бубликов, — а их здесь много, — мальчуганы подбегают к нему, но тотчас же разочарованно отходят, так ничего и не купив.

Около входа в пассаж Эфории, у здания с провалившейся от бомбы крышей и выщербленными, почерневшими от пожаров стенами, парнишка с круглым румяным лицом кричит что есть мочи:

— Купите бублики, бублики майские! С солью, с кунжутом, на вкус — райские!

При виде его ребята в пилотках оживляются.

— Ты посмотри, да ведь это Иордаке!

Радостные и гордые, они подходят к продавцу бубликов.

— Эй, Иордаке! Как дела, Иордаке?

— Вот это да! Вы? Да как дела — хорошо! А вы то как?

Иордаке с удивлением и любопытством разглядывает их. Ребят трудно узнать. Подтянув к себе корзинку, Иордаке подзывает их поближе:

— А ну, подите сюда, я на вас посмотрю. Ух

ты! — восхищается он, и от восторга рот у него растягивается до ушей.

— Значит, вы не в исправительном доме? Черт возьми этого Силе! Опять нас надул. Сказал, что вас обоих посадили туда и избили до полусмерти.

— Это нас-то? — хорохорится Фане и рассказывает о том, что произошло перед их уходом, опустив несколько обидный для него финал.

Иордаке не перестает удивляться.

— Как, вы одни схватились со всеми пятерыми?

— Да, схватились! А скажи, Ликэ все еще сидит? — интересуется Марин.

— Сидит, — лаконично подтверждает Иордаке. — Силе говорит, что он в Трансильвании, за товаром поехал, да мы-то все понимаем.

— Слушай, Иордаке, а знаешь, кто подложил эту свинью Ликэ, а?

— Какую свинью?

— Да со складом...

Иордаке ничего не знает и приходит в восторг, услышав о подвигах двух друзей.

— Ну, а этот Мирча хороший человек?

— Добрый-предобрый! — спешит заверить признательный Марин. — Без него бы мы пропали. Знаешь, я буду механиком. Напрасно Силе смеялся.

— А я монтером! — вставляет Фане, стремясь блеснуть еще больше.

— Да не врете! — поддразнивает их Иордаке.

Но друзья забрасывают его таким количеством объяснений, аргументов и доказательств, что Иордаке сдается.

Подходит покупатель. Иордаке обслуживает его поспешно и небрежно. Фане и Марин отошли в сторону и о чем-то жарко спорят, указывая по очереди на Иордаке.

Потом все трое снова сходятся вместе.

Так они стоят в этом темном проходе, словно заговорщики.

Вечером во дворе у «крестного» Иордаке шушукается по углам со Спиру.

— Ну да, говорю тебе! Жилье, стол, одежда и зарплата! Не сойти мне с этого места! Я сам их видел.

— Да не верю я. Врешь небось, — удивляется Спире, но глаза его загораются.

Они подзывают Ницэ.

А когда подходит Жаравете, его прогоняют.

## 2

Жаравете узнал обо всем лишь на третий день вечером. И вот как.

Только что окончился вечерний отчет, который теперь принимает господин Миелу. Делает он это быстро и хорошо. Жаравете бродит по спальне от кровати к кровати. Дольше всего он топчется около Иордаке, Спире и Ницэ, которые снова устроились поболтать.

— Эй, вы, скажите мне-то! — тихо канючит Жаравете.

— Отстань, ябеда!

— Лопни мои глаза, если я проболтаюсь кому-нибудь! — клянется Жаравете. — Пусть умрут мои родители, а сам я пять лет просижу в исправительном доме!

На Ницэ клятвы Жаравете производят впечатление, тем более что в глазах толстяка появляются слезы. Ницэ многозначительно смотрит на Иордаке. Тот делает ему знак — дескать, сказать можно.

Жаравете подходит к Ницэ и, слушая, что ему шепчут, одобрительно и восхищенно качает головой.

Входит Силе. Последнее время он очень важничает и ни на кого не обращает внимания.

Шепот стихает. Силе подходит к своей кровати и вынимает из надежно закрытого сундучка парадную одежду. Потом вытаскивает полуботинки и рассматривает их: грязные!

— Жаравете! — приказывает он.

— Да, Силе, — озираясь, испуганным голосом откликается Жаравете.

— Возьми и почишь!



Жаравете, делая отчаянные знаки ребятам (в особенности Иордаке и Ницэ): мол, ничего не могу сделать — подходит и берет полуботинки. Но когда, направляясь к двери, он проходит мимо Иордаке, тот мрачно шепчет:

— Поставь на место! Не то тебе хана! Хватит подлизываться!

Жаравете одурело смотрит на Иордаке.

Силе — он все это время одевался и стоял спиной — нетерпеливо кричит:

— Эй, ты там, чего копаешься?

Жаравете перепуган. Он оказался между двух огней. Иордаке грозит ему кулаком. Жаравете смотрит на спину Силе, потом на кулак Иордаке. Спиру и Ницэ тоже строят ему страшные рожи. Жаравете делает два неслышных шага, опускает ботинки на пол за спиной у Силе, как кошка карабкается на свою кровать, которая находится во втором ярусе, и, похолодев от ужаса, ждет, что произойдет дальше.

— Хорошо почистил? — спрашивает Силе, продолжая стоять спиной.

Потом оборачивается, видит на полу грязные ботинки и свирепеет.

— Жаравете! — вопит он, глядя наверх.

— Оставь его в покое! — набрасывается на Силе Иордаке. — Чисть сам!

— Что-о-о?! — И Силе направляется к нему.

Рядом с Иордаке вырастают Спиру и Ницэ. Вид у них очень мрачный.

Силе останавливается.

Ребята подвигаются к краю своих кроватей. Те, кто спит во втором ярусе, свешиваются вниз. На их лицах Силе читает явный протест, и это для него просто непостижимо. Даже у Жаравете надутая физиономия, хотя он и устроился, насколько это возможно, вне радиуса действий Силе.

Наморщив лоб, Силе оглядывает всех по очереди. Он мог бы начать бой, он их не боится, но на нем праздничный костюм. А там, куда он идет, нельзя появиться с расцарапанным лицом или вообще черт знает в каком виде.

— Ну, хорошо-о! — Силе меняет тактику. — Вы просто спятили! С ума посходили, — сочувственно произносит он. И продолжает уже более резко: — Бунтовать решили, да? Вот погодите, донесу на вас дяде Миелу. Он вам пропишет! Я теперь не такой дурак, чтобы в это дело вступать. Посмотрю, как вы запоете от автомобильной рукоятки.

При упоминании о любимом оружии Миелу несколько голов скрываются.

— Что же касается вас, господин Жаравете, — попадись мне только в лапы! Уж я с тобой расквитаюсь!

Силе возвращается к своей постели, быстро обувает грязные ботинки и уходит, не сказав ни слова, не погасив лампу и не заперев дверь.

В течение нескольких секунд царит молчание.

Но не успевают захлопнуться ворота, как поднимается невообразимый гам.

### 3

На следующий день, в пять часов после полудня, перед домом Постолаке останавливается лимузин, из него выходит парижский доктор права.

— Подожди меня здесь, — говорит он шоферу.

Шофер прикладывает палец к белой фуражке в знак того, что он понял.

Господин Жорж Папудофф долго и нетерпеливо ищет кнопку звонка. Потом нажимает на нее пальцем в перчатке и с презрением разглядывает дом, мысленно оценивая его в довольно ничтожную сумму.

Вскоре он уже сидит в знакомой нам столовой, разговаривая с госпожой Мими и Миелу, срочно поднятыми с постели.

— Все устроено! — Адвокат потирает руки, с которых уже снял перчатки. — Зная, что это вам доставит радость, я позволил себе побеспокоить вас.

— Помилуйте, какое ж тут беспокойство! — госпожа Мими — сама учтивость.

— В самом деле? Я рад. Все готово, архигото-

во, — продолжает он, потирая руки. — Нужно еще только два золотых, и через два часа он будет сидеть здесь, с вами, за столом.

— Боже мой! Да что вы говорите? Как вы меня обрадовали! — И Мими грациозно прижимает толстую руку к груди, чтобы справиться с сердцебиением.

Но через секунду она мрачнеет.

— Еще деньги! Господи, да где ж я их возьму? — взывает она к всевышнему, глядя при этом поочередно на тех, кто здесь, на грешной земле, сидит перед ней.

— Бросьте, сударыня. Как-нибудь найдете. Не идти же нам в последнюю минуту на попятный!

Господин Жорж начинает говорить на более понятном языке. «А то еще час здесь проваландаешься с ее нытьем».

— Уж, как говорится, снявши голову... — подбадривает ее Миелу.

Но Мими в большом замешательстве. На лице ее — колебание и подозрение.

— Так вы говорите, что через два часа он будет здесь, за столом? — откровенно сомневается она.

— Ай-ай-ай, сударыня! Вы меня очень огорчаете, ей-богу. Да это ясно, как дважды два! — убеждает ее адвокат, становясь более фамильярным и раздражительным, но продолжая улыбаться натянутой улыбкой.

— Ох, вам-то легко говорить! — вздыхает Мими, немного успокоившись.

— Вы должны радоваться, госпожа Постолаке, радоваться должны! — повторяет доктор права, не зная, что ему еще сказать.

— А зачем нужны золотые? У меня их нет. Я дам вам ассигнациями, — решает Мими.

К Папудоффу снова возвращается холодность. Он оскорблен.

— Я уже говорил вам, что ассигнации здесь не идут. Вы ведь прекрасно знаете, каково положение, — снова обращается он за помощью к Миелу.

— Послушай, Мими, может быть, у тебя что-нибудь осталось от того, что ты в прошлый раз покупала

ла? — не глядя на нее, необычно сладким голосом говорит Миелу.

На лице госпожи Мими — отголоски великой душевной бури. Вновь обретя гармонию духа, она говорит нетвердым, слегка изменившимся голосом:

— Я забыла. Ты прав, дорогой. Кажется, у меня еще что-то осталось. Штуки две. Нет. Три! — для большей естественности она меняет цифру. — Да, три. Подождите, пожалуйста, минутку, я схожу наверх.

Адвокат и Миелу молча ждут. Миелу словно чем-то озабочен; он смотрит на дверь, за которой скрылась дородная фигура Мими, потом на потолок так сосредоточенно, будто хочет пронзить его взглядом.

— По сути дела, нужно еще примерно триста тысяч, совсем пустяк, — говорит адвокат Миелу, словно извиняясь за то, что забыл об этом.

— М-да, — откликается Миелу, думая совсем о другом.

Вдруг он оживляется. Видно, его осенила гениальная идея. Он поспешно встает.

— Подождите, я скажу ей. Чтобы не пришлось подниматься еще раз, — извиняется он перед адвокатом и выходит, не дожидаясь его согласия.

Миелу прыгает через четыре ступеньки. Добравшись до верха, он ступает тихо, почти на цыпочках. Проскальзывает через коридорчик и, застыв у стеклянной двери в спальню, заглядывает внутрь сквозь приоткрытую занавеску.

Мими наполовину скрыта от него распахнутой дверцей шифоньера. По временам показывается то ручка, то нижний кончик короткого зеленоватого дамского зонтика. Потом Мими делает шаг назад, закрывает дверцу и запирает шифоньер на ключ.

В этот момент Миелу тихо стучит в дверь.

— Кто там? — Мими вздрагивает так, словно ее ударило током.

Миелу открывает дверь и деликатно просовывает голову.

— Этот Папудофф говорит, что надо еще тысяч триста ассигнациями.

— Господи, как ты меня испугал! — облегченно вздыхает Мими, которая все еще не может прийти в себя.

— Понимаешь, я не хотел заставлять тебя еще раз подниматься по лестнице, — заботливо объясняет Миелу.

Госпожа Мими украдкой следит за взглядом Миелу, но тот старательно избегает смотреть на шифоньер. Мими берет со стола большую сумку, начинает рыться в ней, тайком поглядывая на Миелу.

— Я пойду вниз, — деликатно предлагает он. — Чтобы адвокат не сидел один.

Мими внимательно прислушивается. Она не делает ни малейшего движения, пока не уверяется, что захлопнулись обе двери.

#### 4

Они провожают адвоката до ворот.

Господин Жорж Папудофф уходит в веселом настроении.

— Ну вот, сейчас я иду в прокуратуру, и ровно в восемнадцать часов ваш супруг выйдет из ворот... — он проглатывает последнее слово. — Целую ручки, сударыня.

Адвокат необыкновенно легко вскакивает в машину, с силой захлопывает дверцу, и лимузин исчезает в облаке пыли.

— Богач! — произносит с завистью Миелу. — Видела, какой у него «Шевроле», модели сорок третьего года?

— Модель сорок третьего года на мои денежки, — язвительно замечает Мими.

Они возвращаются в дом. И вдруг госпожа Мими приходит в лихорадочное возбуждение.

— Когда, он сказал, отпустят Ликэ?

— В шесть, — мрачно отвечает Миелу.

— Ай-ай-ай! Уже шесть! Надо одеться и идти его встречать, — говорит она, горя нетерпением.

Миелу смотрит на нее мрачно. Его что-то явно беспокоит.

— Знаешь, может, нехорошо идти именно тебе,— произносит он, наконец, сопровождая последнее слово слабой улыбкой.

— А почему? Разве он мне не муж? — весело и не без кокетства протестует Мими.

— Зачем? Чтобы люди видели тебя там, у тюрьмы... — туманно продолжает Миелу.

— Ах да, — хмурится Мими и вдруг снова становится важной. — Да, да. И так вся округа без конца о нас судачит, — произносит она, не зная, как поступить.

— Вот именно... Если хочешь, пойду я, — предлагает Миелу без особого энтузиазма, готовый, однако, принести себя в жертву.

И, так как Мими продолжает молчать, он замечает:

— Хотя мне тоже не стоит уходить из дому.

Мими не понимает, почему Миелу тоже не стоит уходить, однако приходит к выводу, что ей самой не хочется, чтобы он сейчас ушел. Сегодня вечером вернется Ликэ, снова придется читать о похождениях Теодоры, императрицы Византийской.

— Знаешь что? — Миелу находит соломоново решение. — Пошлем-ка мы Ляну. Разве она не сестра ему? Может его встретить. Я дам ей денег на машину, — заявляет он великодушно.

Мими бросает на него многозначительный взгляд.

— Да, да. Это будет самое лучшее, — соглашается она.

Миелу идет к Ляне.

— Быстро одевайся, отправляйся к тюрьме Вэ-кэрешть и жди его у ворот.

В заплаканных глазах Ляны появляется радостный блеск.

— Иду, иду, — с восторгом соглашается она. — Бедный Ликэ! Бедный мой брат! Подумать только: в тюрьму попал! Как хорошо, что его отпускают!

Через некоторое время, одетая во все что ни на есть лучшее и сильно смахивающая на ряженую, Ляна с важным видом выходит из ворот; Миелу провожает ее и дает последние указания, но о деньгах

на машину «забывает». Закрыв за Ляной ворота, он медленно направляется к внутреннему двору и входит на кухню к Мадамане, садится на стул без спинки и, глядя сквозь открытую дверь на белесоватое небо, говорит с некоторым сожалением:

— Господин Ликэ возвращается.

— Возвращается! Слава тебе, господи! Хозяйка говорила мне. А она-то рада! Щебечет, как пташка!

Показалось Миелу или на самом деле Медамана произнесла это немного насмешливо? Впрочем, ни по ее лицу, ни по широкой спине, которую созерцает сейчас Миелу, увлеченный своими планами, ничего разобрать нельзя.

— Надо устроить ему угощение, — заботится он на правах хозяина дома.

— Сделаю, все сделаю, — суетится Мадамана, взволнованная и смущенная вторжением Миелу в ее владения.

— А продукты у тебя есть? — снова по-хозяйски интересуется Миелу.

— Есть, есть.

— Все есть?

— Да, да.

Такой ответ, видимо, разочаровал Миелу. Он вдруг спрашивает резко, хриплым голосом:

— А вино есть?

— Есть, — уверяет Мадамана почти испуганно.

— Какое вино? — Миелу недоволен. — То, красное?

— Да, то, — лаконично и недоуменно отвечает старуха.

— Оно не годится, — мрачно заявляет Миелу. — Сходи к Василикэ. Знаешь, к тому, жирному, на Пьяца Маре? В трактир «Суп из потрохов».

Мадамана недовольна. Что это? Просьба или приказание?

— Знаю я его, как не знать, да далековато это, батюшка.

— Ну, разве ты не можешь туда сходить для господина Ликэ? — убеждает ее Миелу, и ему

удается даже выдавить из себя улыбку. — Не каждый же день выходит он из каталажки! Это так-то ты его любишь?

— Иду, батюшка, иду! Эх, грехи наши тяжкие! — уступает пристыженная Мадамана. — Уж коли непременно нужно, иду!

— Совсем не обязательно. Но если ты его любишь... — «А по существу, какого черта старой ведьме любить Ликэ?» — мысленно спрашивает себя Миелу.

— Да кто ж за стряпней-то присмотрит? — снова пытается увильнуть Мадамана.

— Мими присмотрит, — Миелу принимает важный вид. — Я с ней поговорю. Вот тебе деньги. Возьми две кошелки и десять бутылок.

— Десять?

— Конечно, разве у нас не будет маленькой пирушки, а? — Продолжая улыбаться, Миелу кладет деньги на стол.

Мадамана вытирает руки, снимает фартук, собирает кошелки, бутылки.

— Ну, иди же скорее, а то опоздаешь, и господин Ликэ попадет к пустому столу.

Миелу снова закрывает ворота, теперь уже за Мадаманой. Потом вынимает ключ из замочной скважины и, направляясь к дому Ликэ, подбрасывает его как жонглер. Войдя в дом, он прячет ключ в карман.

— Мими! — кричит он. — Мими!

На лестнице появляется Мими. Она спускается вниз. На ней кимоно, которое так нравится Миелу.

— Я послал Мадаману за хорошим вином. Каким-нибудь необыкновенным ради праздника.

Мими томно смотрит на него и, прижимаясь к его груди, страстно шепчет:

— Тебе бы следовало быть моим мужем.

Она ластится к нему как кошка, но Миелу тихонько отстраняет ее.

— Не годится это. Честное слово, грех!

Мими разочарованно надувает губы.



— Нельзя! Не могу я! — говорит Миелу, изображая на своем лице сожаление.

И вдруг находит спасение:

— Мадамана сказала, чтобы ты присмотрела за едой. А то пригорит.

— Дуреха! Приспичило же ей именно сейчас уйти, — сердится Мими, позабыв, что Мадаману отослал Миелу.

— Ну-ну! — Он берет ее за плечи и ведет по заднему коридору, к кухне.

По дороге Миелу пылко обнимает ее и целует.

— Пойду переоденусь. Может, немножко прилягу, — добавляет он и выходит.

Мими остается на кухне одна. Она возится с горшками и кастрюлями, закатав, чтобы не испачкать, широкие рукава кимоно. Ее толстая, но упругая рука контрастно выделяется на черном фоне плиты. «Очень красивая рука!» — мысленно говорит себе Мими. Она поднимает крышку и пробует кусочек осторожно, чтобы не смазать помаду. Потом бессмысленно слоняется по кухне. Наконец усаживается на стул и смотрит. На что, этого она и сама не знает. В конце концов все вышло хорошо. Хоть и влетело ей в копеечку. Мими вздыхает при мысли об утраченных золотых. Ну, да не в деньгах счастье! И кто знает, не будь этой беды, может, ей и не удалось бы вкусить этих радостей. Как говорят: не было бы счастья, да несчастье помогло!

Мими опять идет к плите, поднимает еще одну крышку. Ерунда! Нечего ей здесь делать. Мими снова смотрит сквозь открытую дверь на небо. «Не было бы счастья, да несчастье помогло!» — весело и громко произносит она. Потом по лицу ее пробегают тень. Да, но когда еще ей удастся испытать это счастье? Ликэ очень ревнив, надоедлив. «Прощайте, счастливые часочки!» — мурлычет она.

Мими смотрит во двор; старенький родительский дом улыбается ей своими низкими окошками, заставленными пеларгонией. Дом ее юности! Мими осеняет мысль. Почему бы и нет? Хоть сейчас, в последний момент. Кто знает, когда ей еще встретится

в жизни что-нибудь подобное? Да и над этой идиотской Ляной приятно немножко поиздеваться!

— Миелу! Миелу! — кричит она с порога.

Придерживая рукой кимоно, Мими проворно перебегает через двор. Входит в кухню домика, потом в комнаты возбужденная и улыбающаяся.

Миелу нигде нет. Комнаты кажутся ей оскорбительно бедными.

Разочарованная, Мими выходит, оглядывает двор. Никого. Ребята еще не вернулись. В глубине двора белая дощатая сторожка стоит с распахнутой дверью.

— Миелу! Миелу! — кричит она по-прежнему весело и оживленно.

Никто не отвечает.

Мими меняется в лице. Ее охватывает странное беспокойство. В пустом дворе крик прозвучал одиноко, беспомощно. Но где же Миелу? Где он может быть? Почему не отвечает? Страшное подозрение проносится в ее голове. Она машет рукой, словно хочет отогнать дурную мысль. Потом быстро входит в кухню. Оттуда — через темный коридор — в переднюю. Тишина. Мертвая тишина. Мими оставляет тапочки внизу и быстро, придерживая полы кимоно, взбегают по лестнице. Добравшись до верха, она останавливается, чтобы отдышаться; прижимает руку к груди. Потом идет дальше, тихо открывает одну дверь, вторую...

Крик разорвал тишину, как кинжал.

Миелу в спальне сгребает со стола кучу золотых и рассовывает их по карманам. Зонтик с зеленоватыми оборками лежит на полу.

Услыхав крик, Миелу вскакивает как ужаленный. Мими бежит назад, к лестнице. Миелу бросается за ней. Потом раздается грохот, приглушенный мягкой дорожкой. Кажется, кто-то упал. Но не слышно ни стонов, ни криков.

На красном ковре спальни валяется маленький раскрытый зонтик с отвинченной, полый внутри ручкой, беспомощный и жалкий, как обезглавленная птица.

Во двор через задние ворота один за другим входят продавцы бубликов.

Не достучавшись, Спиру при помощи Иордаке перелез через забор и открыл большие ворота, которые были заперты только на засов. Сегодня, как будто нарочно, все вернулись вместе; конечно, кроме Силе, который всегда приходит позднее, чтобы доказать свое особое положение.

Против обыкновения ребята не шумят, не забрасывают друг друга вопросами. Тихо, с загадочным видом они рассаживаются кто где придется.

— Смотри-ка! Ни одной собаки дома нет, — констатирует Спиру, обследовав в общих чертах владения Мадаманы и Ляны.

Что происходит там, на господском дворе, их не интересует.

— Тем лучше, — радостно подмигивает Иордаке.

Потом все трое — Иордаке, Спиру и Ницэ — собираются на совет.

Через четверть часа появляется Силе.

— Кто прошел через большие ворота? — мгновенно замечает он.

— Я! Перелез через забор и открыл их, потому что никого нет дома, — говорит Спиру.

— Как это никого?!

Силе направляется к переднему двору.

Но Иордаке преграждает ему дорогу.

— Эй, Силе!

— Чего?

— А ну, зайди в спальню, надо тебе кое-что сказать.

— Что? А здесь сказать не можешь? — высокомерно спрашивает Силе и подозрительно озирается.

Притихшие ребята забились по углам и испуганно смотрят на него.

— Не могу. Важное дело! — таинственно шепчет Иордаке.

— Ладно.

Силе направляется к спальне, отпирает ее и вхо-

дит. Следом за ним — Иордаке, потом Спиру и Ницэ.

Вскоре из спальни начинают доноситься крики, грохот. Ребята подходят ближе и прислушиваются к тому, что происходит внутри.

— Что это они там делают? — недоумевает Жаравете.

Он, крадучись, подходит к двери и прикладывает к ней ухо. Вдребезги разбивается окошечко, и Жаравете в испуге удирает. Ребята продолжают волноваться. Некоторые прислушиваются, не идет ли кто с переднего двора, но там все тихо.

Наконец дверь спальни с силой распахивается, ударяя Жаравете, который снова подслушивает.

Один за другим выходят Иордаке, Спиру, Ницэ. Они немного взъерошены, возбуждены, поцарапаны. У Ницэ из носа течет кровь.

Ребята спешат им навстречу, но тут командование принимает Иордаке. Рослый, скуластый, со сжатыми кулаками, он кричит им:

— Ну как, готовы? Кладите все корзинки сюда, к забору. Берите свои котомки и... за мной!

Иордаке и Спиру уже взяли свои вещи. У Спиру в руках еще котомка Ницэ, который промывает у колонки разбитый нос.

Один за другим продавцы бубликов входят в спальню и выходят оттуда, нагруженные, улыбающиеся. Только у Жаравете испуганная физиономия.

Потом, вслед за Спиру, все по одному выходят на улицу.

Последним идет Иордаке; он долго смотрит на двор, сегодня непривычно тихий, поднимает руки, посылая не то проклятие, не то прощальное приветствие, и выходит.

Двор снова пустеет.

## 6

У больших ворот тюрьмы Вэкэрешть над светлой лентой шоссе, весело сбегающего в долину, Ляна ждет шести часов (хотя сейчас уже на добрых пол-

часа позже). Уж не припекло ли ее вечернее солнце? Что это? Капельки пота или слезы? Во всяком случае, Ляна все время вытирает платком лицо и, как сокровище, прижимает к груди черную сумку.

Наконец появляется Ликэ. Она подходит к брату, заливаясь слезами, обнимает его.

— В добрый час, братец, в добрый час! Слава богу, что ты на свободе, будь они неладны!

Ликэ резко высвобождается из объятий, но Ляна продолжает тараторить:

— Ой-ой-ой, да как же ты похудел, братец!

Ликэ небритый, изнуренный, глубоко запавшие глаза блестят.

— А где же Мими? — сердится он. — Не пришла?

— Она ждет тебя дома.

Ликэ смотрит вниз, на шоссе, что-то ищет глазами.

— Что ж ты, не могла на машине приехать, балда? — все сильнее негодует он.

Ляна пристыженно молчит, сознавая свою непоправимую извечную глупость.

— Деньги есть? — спрашивает Ликэ, немного сбавив тон.

Ляна поспешно роется в сумочке, ищет во всех отделениях и, наконец, находит несколько скомканных бумажек. Она радостно расправляет их.

— Это, по-твоему, деньги, дуреха? Да их едва на трамвай хватит. Уф, ну и наградил меня господь сестрицей! — Ликэ хватается за голову. — Пошли, — говорит он раздраженно и тянет ее к шоссе.

Вдали показывается машина. Ликэ осеняет мысль. Он спешит навстречу машине и останавливает ее.

— Беги поскорее! — кричит он отставшей Ляне.

Они влезают в машину. Ликэ сидит насупившись, надув губы, и молчит.

Шофер с недоверием разглядывает их в круглое зеркальце, потому что Ляна, подтолкнув Ликэ локтем, спросила его довольно громким шепотом:

— А платить-то чем будешь?

— Заплатим дома, дурочка, — отвечает Ликэ, немного смягчаясь.

Такси едет довольно медленно. Еще только показалась набережная Дымбовицы.

— Ну, что дома? — решается, наконец, спросить он Ляну. — Все в порядке? Как магазин, Мими, мальчишки?

Ликэ начинает быстро говорить, думая о трех-четырех вещах сразу. Ответы Ляны Ликэ слушает рассеянno. Он смотрит в окно и старательно трет руки, зажатые между колен.

— Все здоровы. Мими было страшно спать одной, и Миелу спал внизу, в прихожей.

— Миелу? — хмурится Ликэ, оторвавшись от своих мыслей и невольно вступая в разговор.

— Да, — продолжает Ляна, вдохновленная ревностью. — Ты ему не доверяй, братец, не доверяй.

Ликэ снова молчит и глядит в окно. Они въехали в свой район. Но Ляна не дает Ликэ опомниться. Глядя на него искоса и со страхом, она нашептывает:

— Так и знай, он волочитя за Мими. Это я тебе говорю, — заключает она.

— Замолчи, кретинка, ты глупа как пробка! — презрительно обрывает ее Ликэ.

И тем не менее он высоко поднимает бровь.

— Да, да, я знаю... Он за всеми волочитя... Свинья... За всеми! — продолжает бормотать Ляна.

Такси остановилось у черных ворот.

Ликэ быстро выходит из машины. Пробует щеколду. Закрыто. Нетерпеливо звонит. Потом стучит в ворота.

Рядом с ним как из-под земли вырастает Мадамана. Неуклюже раскачиваясь, она тащит две тяжелые кошелки.

— Добро пожаловать, господин Ликэ, — пыхтит, произносит она.

— Спасибо, — ворчливо отвечает Ликэ. — Послушай, у тебя нет ключа?

Мадамана ищет в карманах, глубоких, как озеро Тей\*.

Ликэ яростно стучит в ворота.

---

\* Озеро Тей — озеро на окраине Бухареста.

— Мими, Мими! Миелу! — кричит он.

Потом снова смотрит на Мадаману и спрашивает:

— Откуда идешь?

— Господин Миелу как узнал, что вы приедете, так послал меня за вином к Василикэ.

— Что ж, у вас дома вина нету? — сердито кричит Ликэ.

— Он сказал, что надо это, что это вам нравится.

— Вот как? Смотри-ка! — ворчливо удивляется Ликэ. — Что же? Платить-то не ему! Да какого черта никто не идет? — вопит Ликэ, потеряв терпение.

Шофер высовывает из машины голову.

— Ну, как дела, хозяин?

— Отстань, тебя еще не хватало! — вступается за Ликэ Ляна, сердито глядя на шофера.

— Ну и уродина! Сушная ведьма! — бормочет себе под нос шофер, пряча голову.

— Пошли к задним воротам, — говорит Ляна, счастливая тем, что и у нее «варит котелок». И пускается вприпрыжку как помешанная.

Они двигаются гуськом: Ляна, Ликэ и Мадаманна. За ними медленно следует машина, словно во время налета гангстеров. Первым подходит к задним воротам Ликэ. Он толкает их ногой и входит во двор, как командующий в осажденную крепость.

Первое, что бросается ему в глаза, — корзины изпод бубликов, разложенные у забора. Ликэ озирается: никого.

— Силе! Силе! Да где он, черт подери?! — удивляется он.

Ликэ хочется поскорей пройти в дом, но этот беспорядок выводит его из себя. Придется отложить долгожданную минуту свидания.

Почти бегом взбирается он на чердак.

— Не там, не там! — кричит Ляна. Она тоже вошла во двор и слышала вопли Ликэ. — Они спят теперь здесь, — объясняет она с глупым видом и показывает на спальню.

«Ага! — думает Ликэ. — Не успел я уйти, как они сели мне на голову».

Он подбегает к спальне, распахивает дверь...

И в изумлении застывает.

Спальня пуста.

В глубине, в проходе между кроватями, лежит Силе, завернутый в одеяла и прочно связанный; подбородком Силе уперся в землю, во рту кляп, выпущенные глаза испуганно глядят из-под сросшихся бровей.

— Что это с тобой, скотина? — набрасывается на него Ликэ.

Силе выдавливают из себя что-то похожее на хрюканье и показывает глазами на заткнутый рот.

Ликэ вырывает у него изо рта тряпье.

— Где остальные? Кто тебя связал? Говори!

Но Силе бормочет, не разберешь что. У него одеревенели скулы.

— Иордаке... Спиру. Все убежали...

Между тем Ликэ развязывает ему руки. Услышав, что все убежали, он снова приходит в ярость.

— Что за свинство?! — вопит он. — Ворота закрыты! Мальчишки убежали! А ты где был в это время, идиот?

Он награждает Силе ударами куда попало, а Силе, тщетно пытаясь увернуться, старается в то же время развязать себе ноги. Окончательно потеряв самообладание, Ликэ бьет Силе кулаками, ногами... Силе пытается уклониться от ударов. Он всхлипывает, стонет, хрипит.

— Не бей... крестный... не бей... не бей!

Но Ликэ, схватив попавшуюся ему под руку палку, с наслаждением дубасит его, рыча:

— Ты всех мне... приведешь... назад... всех... холера... тебя... разбери!

Каждое слово сопровождается ударом. Силе, освободившись от пут, пытается увертываться. Боль придает ему силы. Искажённое ужасом лицо вдруг перекашивается от ярости, потом застывает, полное ненависти. Силе обливается кровью. Улучив удобный момент, он бросается на Ликэ, вырывает из его рук дубинку и несколькими ударами валит его на землю. Потом выбегает на двор, Ликэ — за ним.



— Держите его! — вопит Ликэ. — Держите!

Силе как вихрь проносится мимо женщин, сбив с ног Ляну, обегает шофера, поспешившего во двор на крики, и вылетает на улицу.

— Убежал, — констатирует Ляна, поднимаясь с земли и отряхиваясь.

Увидев шофера, Ликэ останавливается. Вытирает лицо, оправляет волосы, одежду. Он выглядит совсем как одержимый. Глаза налились кровью, рот искривился.

— Сволочь! Ну ладно, он еще вернется.

Ликэ идет в кухню. Оттуда через коридор в дом.

— Мими! Мими! — кричит он в изнеможении.

Никто не отвечает. Он открывает дверь первого этажа — никого. Пробует дверь парадного — заперта.

Ликэ охватывает страх. Он ошалело оглядывается вокруг. Потом быстро бежит по лестнице, то и дело взывая:

— Мими! Мими! Миелу!

Открывает дверь спальни...

Снизу на него глядит зеленый обезглавленный зонтик.

Ликэ как сумасшедший кидается к нему, поднимает, с тупым видом разглядывает, вертит в руках. Потом ударяет полой ручкой по столу, чтобы посмотреть, не осталось ли чего-нибудь внутри.

Блестящая желтовато-красная монетка падает из зонтика на стол, потом вниз и весело катится по ковру. Там, где монета останавливается, можно различить женскую ногу и цветастое кимоно госпожи Мими, пребывающей в глубоком обмороке.

Но Ликэ не видит этого. Он видит лишь зеленоватые оборочки зонтика, полую ручку, похожую на горло зарезанной птицы.

## 7

Вдоль шоссе Вергу, за Валта Албэ, где возвышаются массивные корпуса заводов Малакса, по дорожке, выходящей вдоль шоссе, на фоне золотисто-красного заката движется странная толпа.

Впереди всех — Фане с Иордаке. Потом Спиру и Марин. А за ними один за другим храбро шагают все «воспитанники» Ликэ Постолаке, кроме Силе и бедняги Енаке.

Один из них — низенький и толстый — вырывается из середины и бежит вперед.

— Фане, а Фане! Послушай, он хочет убежать со строительства, — говорит толстяк.

И в самом деле, двое идущих сзади отстали. Один из них как будто что-то ищет на земле.

— Эй, Ницэ-э! — протяжно кричит Фане.

— Иду-у! — доносится издалика.

Фане грозно хмурится.

— Слушай, Жаравете, ты и теперь все ябедничаешь?

— Нет, вот, ей-богу, нет! — Жаравете испуганно увертывается от руки, которая занесена над ним как дубинка. Но так как Фане смеется, лицо Жаравете проясняется.

— Мне так показалось. Что уж, и показаться человеку не может?

## ОГЛАВЛЕНИЕ

Несколько слов о себе . . . . .	3
Экспедиция . . . . .	5
Крепость . . . . .	27
Ремесло — это золотой браслет! . . . . .	44
Бублики, бублики горячие! . . . . .	55
Вечерний отчет . . . . .	63
Будь они все прокляты! . . . . .	83
Черная городская зима . . . . .	94
Весна приезжает на поезде . . . . .	122
Газетчик . . . . .	138
К западу . . . . .	154
Замена . . . . .	164
Пять «формальностей» . . . . .	180
Колечки дыма и сульфат . . . . .	197
Не бегай один под дождем . . . . .	218
Ужасный вечер . . . . .	229
Безработные . . . . .	240
Товарищ Мирча . . . . .	256
Что значит мужчина в доме! . . . . .	267
Деньги не приносят человеку счастья . . . . .	282

*Штефанеску Ал. И.*

### НЕ БЕГАЙ ОДИН ПОД ДОЖДЕМ

Перевод с румынского *Татьяны Ивановой*

Редактор *Н. Замошкина*

Худож. редактор *А. Степанова* Техн. редактор *Н. Михайловская*

---

А08129 Подп. к печ. 31/X 1960 г. Бумага 84 × 108<sup>1</sup>/<sub>32</sub>.

Печ. л. 9,5 (15,58). Уч.-изд. л: 14,8. Заказ 1618. Тираж 85 000 экз.

С 1/1 1961 г. 60 коп.

---

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия».

Москва, А-55, Сушеская, 21.



С 1/1 1961 г. 60 коп.

**МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ**

А. ШТЕДАНСКИЙ  
ИЗДАТЕЛЬСТВО  
ПОЛТАВСКАГО  
УНИВЕРСИТЕТА